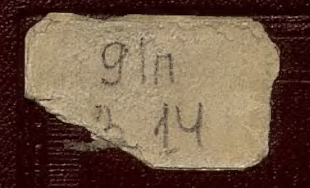
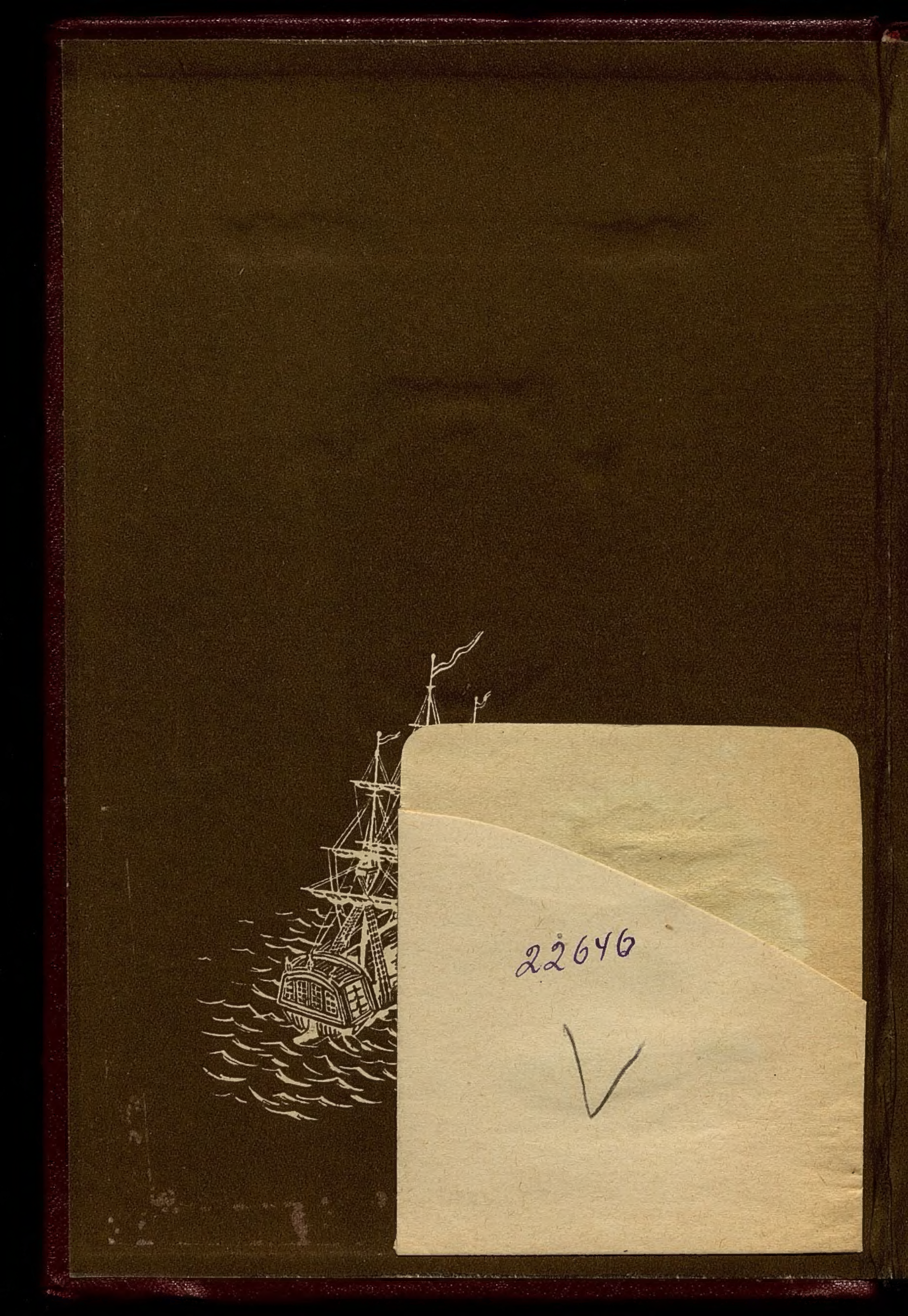
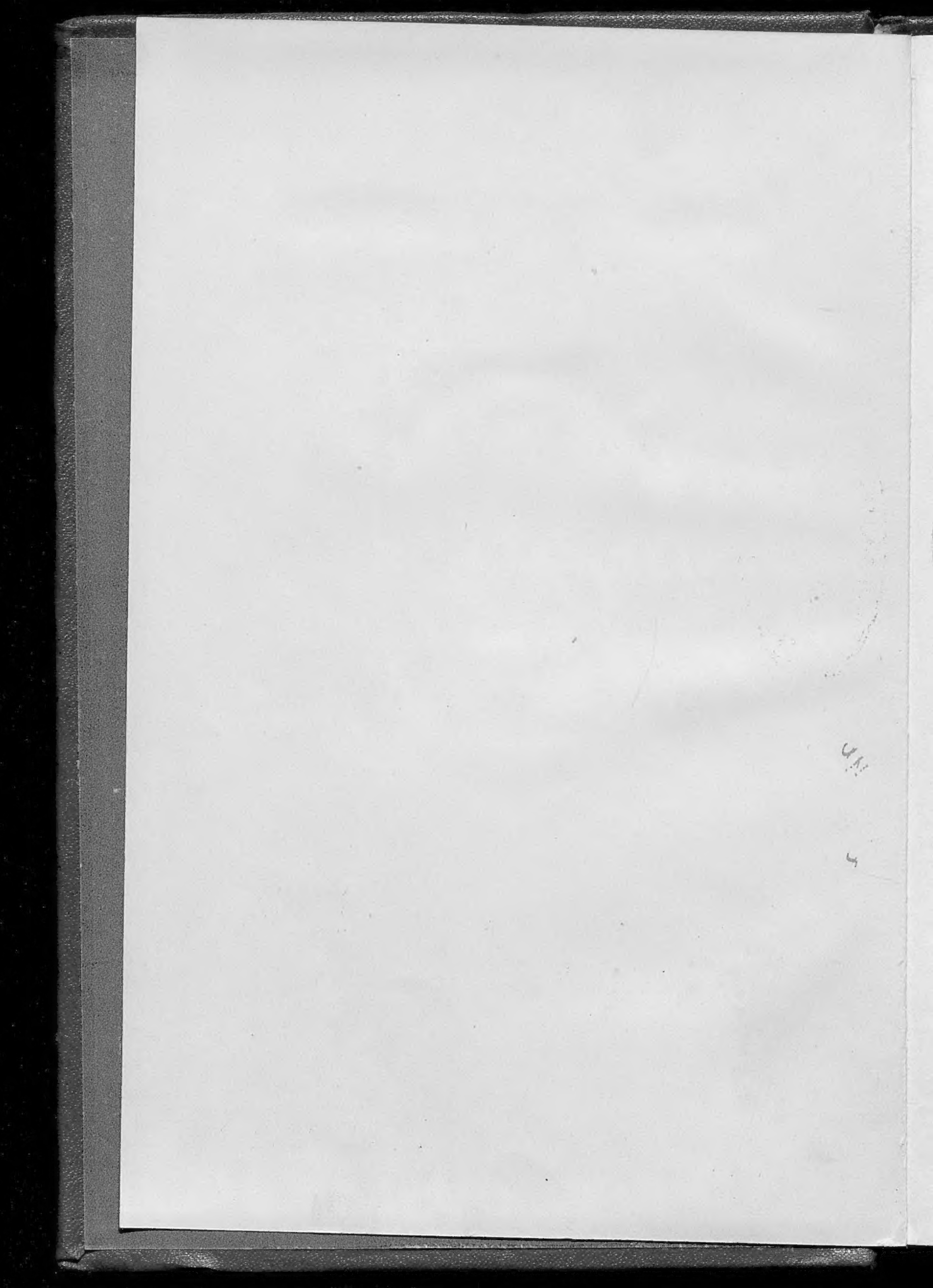

СВЕН ВАКСЕЛЬ

ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ВИТУСА БЕРИНГА

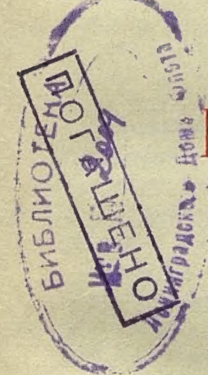

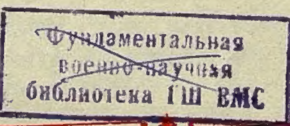
Государственная
ордена трудового красного знамени
публичная библиотека
имени
М.Е. Салтыкова-Щедрина

СВЕН ВАКСЕЛЬ

ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ВИТУСА БЕРИНГА

перевод с рукописи на немецком языке
Ю.И. БРОНШТЕЙНА
под редакцией и с предисловием
А.И. АНДРЕЕВА

издательство главсевморпути
ленинград — москва
1940

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Большой научный и практический интерес к вопросу о том, соединяется ли Азия с Америкой, был основной причиной снаряжения русским правительством в первой половине XVIII века двух экспедиций, получивших название камчатских, во главе которых стоял капитан Витус Беринг.

Первая из них, отправленная из Петербурга в 1725 году и вернувшаяся в 1730 году, не разрешила поставленных перед нею задач, что и явилось причиной посылки в 1733 году второй экспедиции.

Вторая экспедиция и по организации и по поставленным ей целям весьма отличалась от первой, и результаты работ ее по изучению Сибири и северо-западной Америки составляют одну из славных страниц в истории русской науки. Участники экспедиции в труднейших условиях проделали громадную работу по описанию побережья Северного Ледовитого океана, собрали на месте более или менее точные данные об Японии и совершили первое плавание к берегам Америки, во время которого получили много сведений не только о последней, но и о многочисленных островах, лежащих между Камчаткой и Аляской.

Не менее блестящими были результаты работ сухопутного отряда экспедиции, которым руководили академики Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. В течение 1733—1746 годов они и их сотрудники объехали весьма большую территорию Сибири и собрали громадное количество сведений об ее природных условиях и богатствах, ее народах, их настоящем и прошлом. Все эти драгоценные материалы и до сих пор еще не вполне освоены нашей наукой.

Сведения об экспедициях Беринга и особенно об их результатах появились в русских и в иностранных изданиях уже в первой половине XVIII века, но только в 1758 году, вместо отрывочных и случайных известий о них, один из участников второй экспедиции Беринга академик Г. Ф. Миллер напечатал довольно подробное «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с российской стороны учиненных», в котором дал впервые основанный на архивных материалах рассказ о том, что было сделано участниками второй экспедиции Беринга. Труд Г. Ф. Миллера, появившийся одновременно на немецком и русском языках, был вскоре переведен на английский и французский языки и получил таким образом широкое распространение. Этот труд явился прекрасной книгой, которая ярко запечатлела выдающиеся плавания и исследования русских людей по освоению Ледовитого и Тихого океанов до середины XVIII века.

Впоследствии было издано много других работ, посвященных той же теме, и было напечатано много новых материалов о русских экспедициях XVII и первой половины XVIII века к северу и к востоку Сибири, но этот самый ранний исторический труд о них, по словам профессора Гольдера, специально изучавшего историю русского продвижения на север и на восток к берегам Америки, остался лучшим из того, что было написано об экспедициях Беринга.

Свою научную ценность труд Г. Ф. Миллера сохранил потому, что автор умело использовал многие материалы (судовые журналы, дневники и т. п.), оставленные участниками экспедиций Беринга, в частности теми из них, которые совершили во главе с Берингом в 1741 году плавание из Петропавловской гавани на Камчатке к берегам Америки.

Из всех славных подвигов русских моряков, входивших в состав второй Камчатской экспедиции Беринга, именно это плавание привлекало до сих пор наибольшее внимание. Интерес к нему особенно усилился, когда в конце XVIII века П. С. Палласом был издан дневник одного из участников этого плавания, крупнейшего ученого первой половины XVIII века Г. В. Стеллера, состоявшего адъюнктом Академии наук и с большим воодушевлением, глубоким интересом и знанием дела изучавшего в 1739—1745 годах Сибирь и Камчатку.

По приглашению В. Беринга, Стеллер принял участие в плавании 1741 года к берегам Америки, которое ярко и живо описал в своем дневнике. Труд Стеллера был известен Г. Ф. Миллеру, и из него он сделал несколько извлечений. В последние годы этот драгоценный источник наших сведений о знаменитом

плавании русских к берегам Америки вновь привлек к себе внимание: в 1925 году он появился в английском переводе и под редакцией и с примечаниями профессоров Гольдера, Стейнегера и других американских ученых, а в недавние годы к тому же дневнику написал комментарий Л. С. Берг в своей весьма ценной книге «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга». В 1936 году тот же дневник и другие материалы о Стеллере были вновь использованы американским профессором Стейнегером для его большой и интересной биографии Стеллера, где он дал еще один комментарий к упомянутому дневнику.

Профессор Гольдер в 1922 году опубликовал также в английском переводе судовые журналы обоих русских кораблей — «Св. Петра» и «Св. Павла», плававших в 1741 году под командой В. Беринга и А. И. Чирикова к берегам Америки.

В последние годы в американской литературе появилось много статей и отдельных работ, в которых вопрос о роли русских в истории открытия и изучения Америки ставится неоднократно и освещается не всегда правильно и в соответствии с имеющимися данными. Вместе с тем, исследование связей населения северо-западной Америки с населением восточной Сибири, производимое американскими антропологами, археологами и другими учеными, весьма повышает научное значение русских источников, в которых имеются известия об этом.

При таком положении дела значительным событием явилось приобретение в конце 1938 года Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде рукописи Свена Ваkселя, одного из участников второй Камчатской экспедиции Беринга, после его смерти в конце 1741 года принявшего командование судном «Св. Петр».

Во время плавания в Америку Ваксель вел журнал, использованный им вместе с журналами и материалами других участников второй экспедиции Беринга для составления того труда, которым и явилась рукопись, приобретенная Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

О существовании этого рукописного труда Свена Вакселя стало известно в 1891 году, когда ученый хранитель Зоологического музея Академии наук Е. Бюхнер сообщил о нем в своей работе о морской корове, напечатанной в одном из изданий Академии наук. Труд С. Вакселя, по словам Е. Бюхнера, хранился тогда в «царскосельском отделении собственной его императорского величества библиотеки». Е. Бюхнер не мог установить, когда и от кого поступила рукопись в дворцовую библиотеку. Он использовал этот рукописный труд для своей

работы, привел несколько извлечений из него и воспроизвел некоторые рисунки рукописи.

Когда в 1920-х годах в Петрограде работал профессор Ф. Гольдер, он не мог уже получить рукопись С. Вакселя: она оказалась утерянной. Правильнее будет сказать, однако, что после 1917 года, по ликвидации бывшей царскосельской дворцовой библиотеки, рукопись Вакселя попала к частному лицу, так как в 1922 году Л. С. Берг пользовался ею для своей работы об «Открытии Камчатки и экспедициях Беринга». С тех пор никаких известий об этой рукописи не было, пока в последние месяцы 1938 года не стало известно из газет, что рукопись Вакселя продается в одном из книжных магазинов, где она и была приобретена Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Как показывает описание рукописи, данное ей в 1891 году Е. Бюхнером, рукопись № 2/39 Государственной публичной библиотеки та же самая, которой пользовался и он. Она попрежнему в переплете и содержит 203 страницы, написанных по-немецки четким почерком С. Вакселя, автографы которого воспроизводились не раз. Рукопись состоит из титульного листа, предисловия (стр. 2—4), оглавления (стр. 5—7) и текста его труда (стр. 6—190), к которому имеются приложения: копия донесения, поданного Вакселем капитану А. И. Чирикову 11 октября 1744 года (стр. 191—199) и копия резолюции Адмиралтейств-коллегии от 31 января 1746 года по поводу этого донесения (стр. 199—202); в конце замечания Вакселя об исполнении этой резолюции (стр. 202—203). К рукописи приложены также рисунки и карты: 1) между стр. 30—31 карта полушарий с изображением пути Беринга и Чирикова, исполненная самим Вакселем; 2) между стр. 62 и 63 карта Авачинской бухты, нарисованная Иваном Елагиным и здесь имеющаяся в копии Вакселя; карта дает изображение бухты и части берега Камчатки; 3) между стр. 70—71 карта плавания от Камчатки до Америки пакетбота «Св. Петр», составленная на основании журнала, который вел Свен Ваксель, и, наконец, 4) между стр. 174—175 рисунки в красках с изображениями морского льва, морского котика и морской коровы; №№ 3 и 4 выполнены, вероятно, самим Вакселем. Эти карты и рисунки воспроизводятся в настоящем издании, хотя все они (за исключением № 1) были уже изданы целиком или отчасти.

Самый труд Вакселя, как указано на его первой странице, составляет прежде всего «извлечение» из журналов самого Вакселя и других офицеров, которые они вели во время пла-

вания к берегам Америки и обратно и во время длительного пребывания на острове Беринга и в пути до Камчатки. Автор использовал, кроме того, и некоторые другие материалы (донесения, карты, устные сообщения и др.) в тех частях его труда (главе восьмой), где он говорит о плавании Шпанберга и Вальтона к берегам Японии. Но последние занимают не главное место в его труде, который в значительной своей части посвящен именно описанию плавания к берегам Америки: описание это (глава одиннадцатая) занимает почти половину рукописи, и именно оно-то и представляет наибольший интерес и научную ценность его труда.

Из текста рукописи, а также из имеющихся других материалов, можно получить довольно определенное представление об авторе этого труда.

Свен Ваксель, швед по происхождению, был принят в 1726 году на русскую морскую службу штурманом. По его желанию в 1733 году он был назначен во вторую экспедицию Беринга и записан в ранг лейтенанта флота, с исправлением должности штурмана. В 1741 году Ваксель был назначен Берингом старшим офицером «Св. Петра», которым командовал сам Беринг, и это назначение служит лучшей характеристикой Вакселя как моряка. В начале обратного пути от берегов Америки Беринг заболел цынгой и почти не покидал свою каюту, и командование «Св. Петром» в трудных условиях обратного плавания принадлежало бо̀льшую часть пути Вакселю. После смерти Беринга на острове, получившем его имя, командование перешло полностью в руки Вакселя. Распорядительности, умению обращаться с подчиненными и настойчивости Вакселя обязаны были оставшиеся в живых люди из команды «Св. Петра» тем, что гукер, вновь построенный из остатков разбитого пакетбота «Св. Петра» и получивший его имя, благополучно вернулся 27 августа 1742 года в Петропавловскую гавань на Камчатке. 2 сентября 1742 года гукер «Св. Петр» вышел в открытое море, но из-за сильного шторма должен был отказаться от дальнейшего плавания и вернуться в Петропавловскую гавань и там зазимовать.

15 ноября 1742 года Ваксель подписал рапорт в Адмиралтейств-коллегию, который был отправлен с нарочным — боцманом Алексеем Ивановым, доставившим его в Петербург только 4 сентября 1743 года. Этот рапорт, написанный вскоре после всего того, что перенесла и испытала команда «Св. Петра», является ценным источником при описании трудов и подвигов моряков «Св. Петра». Русский текст этого рапорта воспроизводится впервые в настоящем издании; в датском переводе он

стал известен еще в 1747 году, а в 1922 году был опубликован его английский перевод.

Только 27 мая 1743 года Ваксель мог со всей командой отправиться в Охотск, куда и прибыл благополучно через месяц. Из Охотска они поехали в Якутск, где должны были зимовать, и только в октябре 1744 года прибыли в Енисейск. Здесь находился ко времени их прибытия старший из всей экспедиции — капитан А. И. Чириков, совершивший также в 1741 году на корабле «Св. Павел» плавание к берегам Америки. Когда в 1745 году Чириков отправился в Петербург, Ваксель принял команду над оставшимися людьми пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел». С ними Ваксель вернулся в Петербург только в январе 1749 года.

Таким образом, он был единственный участник экспедиции Беринга, который находился в ней от начала до конца.

20 ноября 1749 года Ваксель был произведен в капитаны второго ранга со старшинством с 15 июля 1744 года. В 1751 году он был назначен командовать кораблем «Уриил» и в течение 1752—1761 годов командовал разными кораблями.

Ваксель скончался 14 февраля 1762 года.

Во время экспедиции Вакселем написано много донесений, рапортов и т. п. Судовой журнал плавания «Св. Петра» к берегам Америки скреплен подписями Вакселя и С. Хитрово. Ваксель, совместно с тем же Хитрово, является автором «Карты плавания «Св. Петра» в Америку в 1741 г.», которая поступила от него в Адмиралтейств-коллегию и в Академию наук. Им же составлен упомянутый выше рапорт 1742 года, в котором он дает первое по времени описание плавания к берегам Америки.

Все эти материалы находились в распоряжении Вакселя, когда он приступил к составлению «Извлечения» из журналов, которые вели во время Камчатской экспедиции как он сам, так и другие офицеры. Здесь необходимо указать прежде всего на тот журнал, который вел, по словам Вакселя, «его товарищ, в то время лейтенант, впоследствии контр-адмирал, ныне покойный Софрон Хитрово». Этот журнал сохранился в двух списках и является столь же ценным источником по истории плавания, как и упомянутый официальный журнал, скрепленный ими обоими. В английском переводе 1922 года был издан еще один журнал того же плавания, который, по мнению профессора Гольдера, вел подштурман Харлам Юшин. Были и другие журналы (например, журнал штурмана Андрея (Андреяна) Эзельберга), которые до сих пор еще не разысканы.

На основании всех этих материалов Ваксель составил свое «Извлечение». Судя по его указанию в главе двенадцатой, свою

работу он заканчивал тогда, когда «штурмана флота», «впоследствии контр-адмирала» Софрона Федоровича Хитрово уже не было в живых. Хитрово скончался в 1756 году. Таким образом, окончание работы Ваксселя можно приурочить к этому году. Но, во всяком случае, его труд был полностью готов к 1758 году, когда Г. Ф. Миллер в своем «Описании морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с российской стороны учиненных», несомненно, использовал труд Ваксселя, хотя и не назвал его по имени.

Почти все источники Г. Ф. Миллера при составлении им «Описания» в той части, где идет речь о плавании 1741 года, были известны уже давно, но оставался один, о котором нельзя было сказать что-либо определенное. В нескольких местах своего «Описания» Г. Ф. Миллер ссылается на показания и мнения одного офицера — участника экспедиции, который сообщил ему такие сведения, которых не было ни в одном из имевшихся у него источников. Следует заметить, что именно за эти сведения, полученные Г. Ф. Миллером от неизвестного офицера, исследователи особенно ценили его работу.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что лицом, которое сообщило Г. Ф. Миллеру эти ценные сведения, был Свен Ваксель. Стоит только сравнить, например, стр. 214—218 немецкого текста труда Г. Ф. Миллера (рассказ о первой встрече с американцами) и стр. 86—93 труда Ваксселя, чтобы определенно сказать, что этот интересный рассказ был заимствован Г. Ф. Миллером у Свена Ваксселя. То же самое можно утверждать по поводу стр. 221, 222 и особенно стр. 223, соответствие которым (иногда буквальное) находим на стр. 93—96 труда Ваксселя. Следует отметить также, что копия «Извлечения» С. Ваксселя оказалась в бумагах Г. Ф. Миллера, хранящихся в Москве в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (портф. № 531, лл. 1—98).

Таким образом, труд Ваксселя приобретает большое научно-историческое значение, являясь, наряду с известиями другого описателя этого плавания — Г. В. Стеллера, источником наших сведений о славном путешествии русских в Америку в 1741 году. Со времени появления в свет труда Ваксселя, именно к нему, как одному из основных источников, придется обращаться при рассказе о замечательном подвиге русских моряков, все еще недостаточно высоко расцениваемом иностранцами.

Отмечая большое научное значение труда Ваксселя, следует указать, что он написан им значительно позже, лет через пятнадцать после тех событий, о которых в нем главным образом и идет речь. Сам автор предстает перед нами вполне сло-

жившимся человеком, со взглядами своего времени и того класса, к которому он принадлежал, отличными иногда от тех, которые он имел, например, в 1741 году. Отсюда получается, прежде всего, некоторая разница в оценках событий и людей у Вакселя как несомненного автора печатаемого в приложении донесения в Адмиралтейств-коллегию от 15 ноября 1742 года и у Вакселя как автора «Извлечения», которое он закончил незадолго до 1758 года.

Круг его общих представлений в этом последнем труде соответствует во многом тому, что высказывали и другие его русские современники по тем же вопросам. В частности, с такой решительностью и настойчивостью доказываемая им мысль о невозможности Северо-восточного прохода из Европы в Великий океан принадлежала и таким людям, как Г. Ф. Миллер.

Вместе с тем, необходимо помнить, что автор печатаемого труда был руководящим лицом в описываемом им плавании к берегам Америки и в своем труде не везде изложил факты в том виде, как они известны, например, из рассказов его спутника Г. В. Стеллера или его друга С. Ф. Хитрово. Стоит сравнить, например, рассказ о высадке экспедиции на остров Беринга у всех троих, чтобы составить определенное мнение, что Ваксель склонен рисовать себя значительно более предусмотрительным, чем это было на самом деле, и приписывать себе большую роль в рассказе 1758 года, чем это было в действительности в 1741 году.

Под влиянием времени и изменившихся условий Ваксель нередко излагает дело не так, как оно происходило в действительности, а о некоторых вещах, например, о своих отношениях со Стеллером (об истинном характере которых мы догадываемся на основании сообщений Стеллера), склонен умалчивать и даже представлять их по-иному, чем они были на самом деле.

Неудачное начало и последующие трудности плавания к берегам Америки Ваксель объясняет «неверной картой», которая дана была в руководство экспедиции. Вопреки его мнению, автором карты был не Людовик Делакройер, который принимал участие в плавании на пакетботе «Св. Павел», а его двоюродный брат — профессор астрономии Академии наук Иосиф-Николай Делиль. Карта составлена Делилем не в 1731 году, как думали до сих пор, а в 1733 году. Это видно из переписки о Камчатской экспедиции и из легенды этой карты, в копии хранящейся в Библиотеке Академии наук СССР (№ 615). Уже Г. Ф. Миллер справедливо отметил, что единственная ошибка Делиля состояла в том, что он поместил слишком далеко к востоку несуществующую землю Гамы, из-за чего она и вошла

в круг земель, которые должна была обследовать американская экспедиция. Если бы она была помещена ближе к западу, то поиски ее были бы поручены Шпанбергу, и ничего особенного с его людьми не произошло бы. Вместе с тем, попытку Вакселя объяснять нередко свои собственные ошибки тем, что он имел в качестве руководства карту Делиля, конечно, следует признать неудачной: хорошо известно, что многие другие карты XVII—XVIII веков имели своим источником известия не более достоверные, чем карта португальского географа Тексейры 1649 года, который к северо-востоку от Японии поместил много островов и к востоку — берег с надписью: Terre vue par Jean de Gama Indien en allant de la Chine à la Nouvelle Espagne. С этой карты И. Делиль заимствовал свою «Землю, которую усмотрел Дон Жуан-де Гама»; она же помечена и на других современных картах: на карте Гомана 1712 года, карте полушария Гильома Делиля 1714 года и на карте Российской империи Кириллова 1734 года. Столь же распространенным было мнение, что земля Гамы (она же Иезо) составляла часть северо-западного берега Америки, хотя Гильом Делиль в 1720 году утверждал также, что Иезо — часть Азии и что Япония — полуостров. При таких путаных представлениях Иосиф Делиль не совершил той громадной ошибки, в которой так настойчиво обвиняет его Ваксель, и карта Делиля не «фантазия самоуверенного француза», а основана на тех представлениях, которые существовали среди ученых географов его времени. Экспедиция, подчиняясь указу Сената, предлагавшего точно следовать карте Иосифа Делиля, покончила, однако, навсегда с землею Гамы, доказав ошибочность существовавших о ней представлений и собрав, кроме того, немало новых географических сведений, которые прочно вошли в науку.

Кроме родного шведского языка, Ваксель знал и другие, в том числе немецкий, на котором он и написал свой труд. Но его немецкий язык, как отчасти указывает он сам в предисловии, составляет своеобразную смесь оборотов, слов и т. п., свойственных не только этому языку, но заимствованных им из языков английского, шведского и других. Точно перевести труд Вакселя невозможно, а потому приходилось нередко передавать его лишь близко к подлиннику.

Перевод труда Вакселя выполнен главным библиотекарем отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Ю. И. Бронштейном и проредактирован мною.

Ю. И. Бронштейном составлены также примечания к труду Вакселя. Некоторые из них, главным образом переводы

из сочинений Стеллера, дают существенные дополнения и исправления к тому, что находим у Вакселя. В тексте примечаний напечатано впервые несколько документов, относящихся ко второй Камчатской экспедиции. При издании документов XVIII в. соблюдалась их орфография с соответствующей заменой тех букв, которые не употребляются в настоящее время.

Кроме рисунков и карт, имеющихся в рукописи Вакселя, в настоящем издании помещены также карты и рисунки, относящиеся к тому же времени (40-е и 50-е годы XVIII века) и поясняющие отдельные места труда Вакселя, среди них «неверная» карта Делиля 1733 года, которая воспроизводится с разрешения Академии наук СССР.

А. Андреев

[illegible] Expedition [illegible]
[illegible] Anno 1733 [illegible]
Petersburg, abgefertiget worden;
[illegible]
[illegible] dieser Expedition [illegible]
Entdeckungen [illegible]
und Endigung;
[illegible]
[illegible] Materia [illegible]
[illegible]

Von
Swen Waxell

Первая страница труда С. Вакселя

ИЗВЛЕЧЕНИЕ
из
моего
ЖУРНАЛА,
а
также
из журналов других офицеров,
которые мы вели во время
КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ,
отправленной из Санкт-Петербурга
в
1733
году

в нем
кратко описаны
задачи экспедиции, ее ход, открытия,
перенесенные бедствия
и
окончание

пером
более искусным,
чем мое,
не меняя основного содержания рассказа,
она могла быть описана ярче,
обширнее и подробнее

составлено
СВЕНОМ ВАКСЕЛЕМ
российского флота капитаном

Ученый мир несомненно осведомлен о снаряженной Россией в 1733 году так называемой второй Камчатской экспедиции, так как она в свое время получила большую известность как из газет, так и из иных опубликованных документов и донесений, и отправление ее не держалось в тайне. Однако, до сих пор[1] не нашелся никто, кто бы потрудился сообщить свету об ее подготовке, ее ходе и окончании, если только не считать судовых журналов, составленных с возможной краткостью и лишь отмечавших предметы, касающиеся вопросов навигации; прочие же наблюдения и заметки, как, например, о неизвестных островах, вновь открытых землях, берегах, вовсе в них не указаны. Поэтому я и решил положить начало, поскольку я принимал участие в экспедиции с самого ее отправления и до конца; быть может, это побудит и других, знающих о ней столько же, сколько и я, а, может быть, и еще больше моего, и участвовавших в ней лично, а потому способных написать для сведения любознательной публики еще лучшее сочинение и изложенное к тому же лучшим слогом.

Я совершил бы непростительную ошибку, выдавая себя за ученого историка или за человека, обладающего талантом писать книги или истории. От этого намерения я крайне далек, в этом отношении я заранее признаю свою неспособность и бессилие. Я осмеливаюсь доложить здесь о виденном лишь в качестве простого моряка, а всем известно, что немногие из них посещали высшие школы и что необходимая ученость у нас отсутствует.

Все это, однако, не может отвратить меня от моего намерения, так как я убежден, что ученые и разумные люди, приняв во вни-

мание в данном случае качества, свойственные мне и мне подобным, отнесутся ко мне снисходительно, не поставят мне в вину моего невежества и учтут, что, приступая к составлению сочинения, может быть весьма полезного для многих, я, как сказано выше, вперед заявляю, что не обладаю способностью написать великолепное произведение, но обещаю сообщить исключительно истину, а это, я считаю, лучше всяких украшений. Я беру себе примером в этом деле славного и великого моряка капитана Вильяма Дампьера[2] и его штурмана Фэннеля, которые отплыли из Англии в 1679 году и совершили путешествие вокруг земного шара. Эти моряки также ознакомили свет со своим путешествием, и хотя слог их не слишком изящен и учен, но книги их, содержащие истинные и новые сведения, о которых всему свету интересно было знать, были приняты с большим уважением во всей Европе, и имя Дампьера не скоро будет предано нами забвению.

Недавно издана на английском языке книга, описывающая путешествие вокруг света благородного адмирала лорда Ансона,[3] предпринятое им в качестве командующего эскадрой военных судов его величества короля Великобритании, посланной для проведения различных мероприятий в Южный океан, и выполненное в 1740, 1741, 1742, 1743 и 1744 годах. Эта книга как по изящному своему слогу, так и благодаря множеству замечательных известий, прекрасных наблюдений и весьма полезных советов встретила во всей Европе такой превосходный прием, что ее пришлось в самое короткое время перевести с английского языка на различные другие европейские языки.

В эти же самые годы, а именно с 1738 по 1743 год, одновременно с экспедицией лорда Ансона находилась в водах Тихого океана, только значительно севернее, наша Камчатская экспедиция. Об этой экспедиции, о ее задачах, также о ходе ее и об ее окончании, равно как о сделанных во время экспедиции наблюдениях, вновь открытых странах и островах, приключившихся несчастных случаях и других происшествиях я намерен, согласно выпискам из моих и других веденных во время путешествия дневников, рассказать по возможности вкратце, но с полной правдивостью.

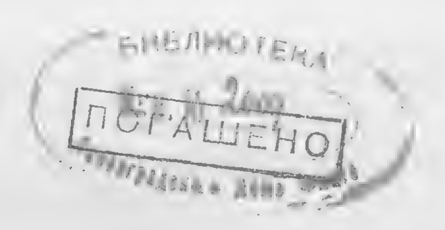
Хочу еще добавить здесь для сведения, что в настоящем кратком отчете я описываю только наш путь, по которому мы следовали из Санкт-Петербурга на Камчатку; о землях, губерниях, провинциях, воеводствах, городах и уездах, производимых ими продуктах и различных народах, населяющих их, их образе жизни, промыслах и тому подобном я ничего не говорю, ибо хотя я и мог бы кое-что об этом сообщить, но считаю это

излишним, так как в это же самое время в Сибири около десяти лет работали господа профессора (о чем сказано в первой главе) [4], которые с большой достоверностью и с гораздо бо́льшими подробностями обо всем том частично уже сообщили в своих печатных трудах, частично же в будущем представят их свету. А потому я со своими скромными данными не выступаю и, по пословице, остаюсь как сапожник при своей колодке, то есть, как уже замечено выше, буду вести свой простой рассказ моряка.

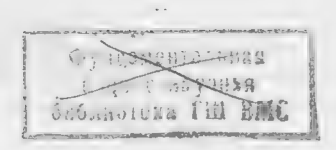
Хотел бы еще просить моих читателей благосклонно извинить меня за встречающиеся грамматические ошибки и неточные выражения и принять во внимание горячее мое желание выполнить свое дело возможно лучше.

Остаюсь покорный слуга

Свен Ваксель [5].

содержание

Седьмая глава

Описание Охотска, его положения и условий жизни

Восьмая глава

О второй задаче Камчатской экспедиции — отыскании пути в Японию и ее положения относительно Камчатки

Девятая глава

О наших приготовлениях в Охотске после отправки японской экспедиции, об отъезде оттуда и переходе на Камчатку и что при этом случилось. Описание Авачинской бухты

Десятая глава

О нашей зимовке на Камчатке в Петропавловской гавани, о наших приготовлениях и что случилось там в это время

Одиннадцатая глава

О нашем путешествии из Камчатки в Америку, что является третьей задачей нашей экспедиции, открытии нами неизвестных стран и островов, происшедших несчастных случаях и о прочем виденном и пережитом нами

Двенадцатая глава

Описание острова, на котором мы зимовали и которому впоследствии мною было присвоено название острова Беринга, о нашем образе жизни там, а также плавании оттуда на Камчатку и прочих примечательных происшествиях

Тринадцатая глава

Известия, полученные нами по прибытии на Камчатку о наших товарищах с судна «Св. Павел», которым командовал капитан Алексей Чириков, и о том, что с ними случилось в путешествии

Четырнадцатая глава

О наших занятиях после возвращения с острова Беринга на Камчатку и о нашем путешествии в следующем году оттуда в Охотск, с прибавлением справки для судоводителей о навигации из Охотска на Камчатку и вокруг ее оконечности, называемой мысом Лопатка, в Авачинскую бухту, так как подробных карт этих мест еще не существует

Пятнадцатая глава

Описание земли Камчатки, ее положения, современного устройства, природных богатств и прочих особенностей, а также об ее жителях, их промыслах, средствах существования и прочих, достойных упоминания, обстоятельствах

Шестнадцатая глава

Описание некоторых морских и сухопутных животных, а также птиц на острове Беринга, большинство которых мы употребляли в пищу, чтобы не погибнуть с голоду

Семнадцатая глава

Описание скорбутной болезни, или цынги, как мы ее наблюдали во время американской экспедиции

Копия предложения, сделанного мною капитану Чирикову о провиантских деньгах, причитающихся моим людям за время зимовки на острове Беринга

Копия резолюции Адмиралтейств-коллегии, последовавшей по этому предложению

Об отправке из Санкт-Петербурга так называемой второй Камчатской экспедиции, о стоявших во главе ее флотских офицерах, профессорах и обслуживающем персонале и о пути до Тобольска, столицы Сибири

В начале 1733 года необходимые судовые материалы были погружены на несколько сот саней и отправлены несколькими обозами; основной состав экспедиции выступил в путь в марте этого же года.[6] Он насчитывал примерно пятьсот человек, главное командование коими было поручено капитану-командору Витусу Берингу, по рождению датчанину, уже много лет состоявшему на русской службе. В командовании экспедицией его помощниками были два капитана флота, а именно: Мартын Шпанберг[7] и Алексей Чириков[8], оба — дельные люди. Было назначено также десять лейтенантов флота, а именно: Степан Малыгин и Алексей Скуратов,[9] которые держали путь через Архангельск, по причине, о которой я расскажу в дальнейшем; прочие лейтенанты: Петр Лассениус, Вильям Вальтон, Егор Ендогуров, Дмитрий Лаптев,[10] Дмитрий Овцын,[11] Свен Ваксель, Василий Прончищев[12] и Михаил Плаутин[13] отправились все вместе с основным составом экспедиции в Тверь на реку Волгу, куда прибыли через несколько дней. Здесь пришлось дожидаться вскрытия реки и тем временем озаботиться получением необходимых судов как для личного состава экспедиции, так и для материалов, с тем чтобы при первой возможности продолжить путешествие. Для того чтобы экспедиция не испытывала нужды в научных силах и для использования всякой возможности производства необходимых научных наблюдений, Правительствующий Сенат особым указом вскоре после отъезда экспедиции назначил опытных и ученых людей, которые догнали ее в Тобольске. Это были профессор истории, член английского

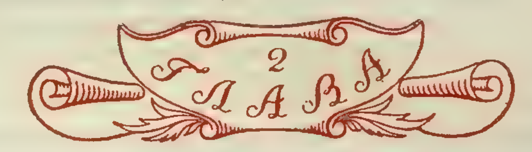
королевского научного общества Миллер,[14] доктор медицины, ботаник, химик и натуралист Георг Гмелин,[15] профессор астрономии Делакройер,[16] которых сопровождали искусные художники и рисовальщики, студенты и т. п. Так как их деятельность и количество наблюдений с каждым днем все увеличивались, расширялись и они уже оказывались не в силах справиться со всей работой (а их прилежание и неутомимую старательность можно отметить лишь с высшей похвалой), то через три или четыре года, по приказу из Санкт-Петербурга, пришлось прикомандировать к ним профессора истории Иоганна Эбергарда Фишера[17] и адъюнкта ботаники и натуралиста Стеллера.[18] Оба последних оставались при экспедиции до самого ее окончания, а остальные были отозваны в Санкт-Петербург уже в 1744 году.[19]

Не могу также не упомянуть о том, что для усиления состава нашей экспедиции был отдан приказ прикомандировать в наше распоряжение солдат из сибирских полков — Тобольского и Якутского, вследствие чего численность экспедиции возросла еще почти на пятьсот человек. Таким образом, общее число людей, участвовавших в экспедиции, составляло не менее тысячи человек, не считая тех, кто работал по перевозке провианта и материалов водой, что выполнялось в большинстве случаев казаками, крестьянами и ссыльными, которым ежемесячно выплачивалось денежное жалованье и довольствие, а таких было не менее двух тысяч человек. По этому одному уже можно судить, что на экспедицию не жалели никаких затрат и что правительство приложило все возможное старание к обогащению науки общей географии на пользу общественному просвещению, о чем можно и должно упомянуть как о славной заслуге России.

Я привел все эти данные для того, чтобы показать, какова была численность нашей экспедиции. Теперь пора вернуться к моменту отъезда нашей экспедиции из Твери, чтобы, согласно обещанию, описать ход нашего путешествия.

Немедленно после вскрытия реки, в апреле 1733 года, мы двинулись оттуда вниз по Волге до Казани, где подготовились к путешествию вверх по Каме. На это ушло все лето, и лишь осенью мы прибыли в местечко Осу. Здесь мы выждали установления санного пути и немедленно с первопутком отправились дальше, так что уже к исходу 1733 года благополучно собрались все вместе в городе Тобольске. Капитан-командор Беринг с небольшой командой отправился той же зимой в Иркутск, чтобы принять там необходимые меры к дальнейшей отправке нашей экспедиции. Остальные же члены экспедиции под командой капитана Чирикова остались в Тобольске в ожидании вскрытия рек.

Я чуть не забыл сказать, что капитан Шпанберг с небольшой командой был послан из Санкт-Петербурга вперед за несколько недель до нас, чтобы подготовить в канцеляриях всех городов, расположенных на нашем пути, все необходимое для наиболее благополучной перевозки личного состава экспедиции и ее грузов. Догнать его нам удалось только в Охотске.

Почему я назвал эту экспедицию «второй» Камчатской экспедицией.

Так как я назвал нашу экспедицию «второй», то уместно будет сообщить, какова была первая экспедиция. Чтобы внести полную ясность в этот вопрос, замечу, что (как мне было рассказано) когда покойный император Петр Великий в 1716 году находился во Франции, то французская Академия наук испрашивала у царя разрешения на пропуск через Россию и Сибирь нескольких членов французской Академии наук, чтобы определить расстояние между восточным побережьем Азии и Северной Америкой; на основании этого можно было бы заключить о происхождении коренного населения Америки (что до сих пор является спорным вопросом среди ученых). Они должны были также исследовать прилегающие к океану страны и побережья, о которых в те времена ничего не было известно и которые помечались на картах того времени лишь наугад.[20] Великий и мудрый царь отказал им в этой просьбе, обещав, однако, что Россия сама своими средствами произведет это исследование, и им сообщат затем полученные таким путем интересующие их данные. Так как царь был занят в то время искоренением множества непорядков в стране и ведением трудных войн, на которых, конечно, должен был сосредоточить все свои усилия, то это предприятие было отложено. Оно, однако, не было совсем забыто: в 1725 году по собственноручной резолюции императора был послан на Камчатку капитан Беринг с командой в составе двух лейтенантов и 50—60 человек моряков и чинов адмиралтейства.[21] Так как вскоре после того славный государь скончался, то продолжала руководство экспедицией его супруга, царица Екатерина Алексеевна. Эту экспедицию я называю «первой», а потому нашу экспедицию нельзя назвать иначе как «второй». Беринг и его спутники

держали путь через Россию и Сибирь и достигли наконец в 1727 году Камчатки, где построили довольно большой палубный бот — длиной в шестьдесят футов, и в 1728 и 1729 годах совершили морской вояж, пройдя от Камчатки к северо-востоку и достигнув восточной оконечности Азии на широте 64°, а от реки Камчатки к востоку примерно на 27° долготы. В восточном направлении они не видели никакой земли, хотя и плыли под парусами на восток в течение нескольких дней. Причина этого, я полагаю, та, что они недостаточно далеко зашли к северу, ибо впоследствии другие, также русские суда заметили, что с Чукотского Носа, составляющего восточную оконечность Азии, в ясную погоду видны высокие горы по направлению прямо к востоку, видимо, составляющие часть какого-то материка. Это, по моему мнению, не может быть ничем иным, как только частью Северной Америки.

Эта первая экспедиция затем вернулась снова на Камчатку, а в 1730 году возвратилась в Санкт-Петербург. Так как ее открытия и наблюдения не казались особо существенными, что объясняется малочисленностью команды, недостатком провианта и другого снаряжения, точно рассчитать которые вперед не было возможности, равно как рядом несчастных случайностей, то и было решено снарядить нашу вторую экспедицию, которая, как выше сказано, началась в 1733 году. Все это я счел нужным изложить, так как, задумав составить отчет об этой экспедиции, я назвал ее второй экспедицией.

Продолжение нашего путешествия из Тобольска по воде и по суше до Якутска.

Усилив состав нашей команды в Тобольске более чем двумя сотнями солдат и приняв более полутора тысяч ссыльных для работы на наших судах при путешествии по рекам, мы немедленно по вскрытии рек отправились из Тобольска на двенадцати довольно больших судах, нагруженных всеми наличными нашими припасами; на них же разместилась и вся наша команда. Мы плыли по Иртышу, Оби к Кети до села Маковского, куда прибыли в конце июня 1734 года. Здесь нам пришлось оставить наши суда, так как предстоял переход почти в пятнадцать немецких миль [22] сушей до Енисейска. Перевозка припасов соп-

ряжена была с большим трудом и задержками, так как едва удалось собрать необходимое количество лошадей, а в особенности затруднительным оказалось положение с подводами для перевозки наших тяжеловесных и громоздких грузов, как то: якорей, якорных канатов, пушек и т. п. Хотя были приняты меры к предварительной подготовке таких подвод и хотя, действительно, многое было подготовлено к нашему приезду заранее, нам все же нехватило повозок и пришлось одним и тем же подводам совершать путь дважды, что связано было для нас, конечно, с большой потерей времени.

Прибыв, наконец, со всей нашей поклажей в Енисейск, мы немедленно опять приступили к погрузке в другие суда, которые для нас уже были заранее приготовлены. Здесь мы задержались на семь или восемь дней и продолжали затем наш путь по Енисею и [Верхней] Тунгуске до реки Илима. До этой реки мы добрались поздней осенью, разгрузили наши суда и сложили грузы в пустые избы, а команду распределили на квартиры по близлежащим деревням. Между тем, мы немедленно же начали принимать меры к заготовке потребного количества саней, обеспечению лошадей и всего необходимого для путешествия, чтобы сразу по установлении санного пути двинуться в путь до села Усть-Кут на реке Лене, от которого мы находились на расстоянии примерно шестисот двадцати с лишним немецких миль. Туда мы добрались небольшими партиями, и в декабре 1734 года оказались все на месте в сборе.

В Усть-Куте вся работа началась сызнова. Стали строить новые суда и продолжали эту работу со всем возможным усердием вплоть до вскрытия реки. Мы построили суда самых разнообразных видов, крупные и мелкие, и как только река Лена вскрылась, то есть в начале мая, мы немедленно приступили к погрузке и к подготовке путешествия в Якутск. Так как наши люди, в особенности из числа ссыльных, стали толпами убегать, то пришлось поставить крепкие караулы, а вдоль берегов Лены через каждые двадцать верст поставить виселицы. Это произвело прекрасное действие, так как с этого времени убегало уже весьма немного людей. Подготовившись таким образом к путешествию, мы в начале июня двинулись из Усть-Кута на восьмидесяти примерно судах, нагруженных полностью провиантом и снаряжением, и в июле прибыли в Якутск, где встретили капитана-командора Беринга и нескольких других офицеров экспедиции. Капитан Шпанберг, однако, уже поспешил вперед в Охотск. Самые мелкие суда, приведенные нами, были немедленно отправлены под командой лейтенанта Дмитрия Лаптева на реки Алдан и Маю; ему был дан приказ: пройти

так далеко, как только удастся, а по наступлении морозов своевременно построить магазины, выгрузить провиант, поставить надежный караул, а самому с судами вернуться обратно в Якутск. Это сделано было с той целью, чтобы подвезти провиант как можно ближе к Охотску и чтобы совершить на тех же судах ближайшей весной, то есть в 1736 году, дополнительный рейс с грузом.

Одна из основных задач Камчатской экспедиции — исследование через Новоземельские проливы Северо-восточного прохода, которым можно было бы попасть через Ледовитый океан в Камчатское море или Тихий океан.

Исследование Новоземельских проливов и Ледовитого океана было также поручено Камчатской экспедиции. Так как в своем изложении я остановился на прибытии нашем в Якутск (откуда была предпринята попытка исследования океана), то теперь я сделаю самый подробный и добросовестный отчет о том, что нам удалось установить по этому вопросу, а также сообщу свои личные по этому поводу соображения.

Известно, что уже более двухсот лет тому назад англичане и голландцы делали неоднократные попытки найти Северо-восточный проход.[23] Этого им, однако, ни разу не удалось добиться, а приходилось каждый раз возвращаться обратно безрезультатно и с большими потерями в личном составе. В настоящее время известно из газет, что датское правительство в ближайшее время собирается отправить такую экспедицию, которой, по всей вероятности, сужден такой же исход, как и прежним экспедициям, предпринятым с этой целью англичанами и голландцами. Короче говоря, я могу заранее предсказать, что цели своей они не достигнут, потеряют при этом много людей, а при малейшей аварии останутся и без судов. Таким образом, я утверждаю, что проход Северо-восточным путем есть дело невозможное.

Зайдя так далеко в своих утверждениях и заявляя о невозможности прохода Северо-восточным путем, я, по справедливости, обязан изложить резоны и основания, которые заставляют меня держаться такого мнения. Иначе можно было бы возразить, что всякий может по собственным своим предположениям рассуждать о неизвестном деле и строить на этот счет

догадки, лишенные все же какой-либо достоверности, как не основанные на действительном опыте. Этого упрека мне, конечно, бросить нельзя, так как я пишу не на основании предположений или догадок, а на основании действительности, описываю то, что есть на самом деле, в соответствии с опытом и результатами ряда попыток. В доказательство этого приведу следующие соображения.

Чтобы не забыть, укажу сначала, что в ряде славных задач, поставленных государством так называемой Камчатской экспедиции, как уже указано выше, было также исследование побережья от Новой Земли до самой восточной оконечности Азии — Чукотского Носа, то есть, иначе говоря, всего побережья Ледовитого моря. При этом государство не щадило ни денег, ни людей, а щедро снабдило экспедицию во славу страны всем необходимым, чтобы добыть достоверные сведения о неизвестных в то время странах, неоткрытых еще землях и берегах. Во всем этом не было никакой другой скрытой цели, кроме пользы и помощи науке общей географии: надо было разбудить ученый мир от сна, в котором он покоился так долго — собственно, еще до настоящего времени.

Для этой цели было отправлено из Архангельска два судна с командой, во главе с двумя превосходными офицерами (о чем я уже упомянул в первой главе). Им было дано задание пройти через Новоземельские проливы в устье реки Оби. Оба судна выполнили это и благополучно достигли назначенного им места и даже прошли значительно выше по течению реки Оби. Другое судно отправлено было в том же году из Тобольска, с опытной командой, во главе со способным офицером; задачей его было разыскать путь из Оби в Енисей. Это судно также выполнило свое задание, достигло устья Енисея и прошло вверх по реке до города Енисейска. Третий и последний опыт был проделан из города Якутска на реке Лене, где было снаряжено два судна, также укомплектованные весьма способными людьми и офицерами. Их задание состояло в следующем: они должны были совместно, не разделяясь, спуститься вниз по Лене, выйти в Ледовитое море, а уже выйдя в открытое море, одно из них должно было повернуть на запад и разведать путь на реку Енисей, а другое направиться к востоку, обогнуть восточную оконечность Азии и попытаться пройти в Камчатское море. Оба эти судна не могли достигнуть поставленной им цели. Хотя попытка настойчиво повторялась подряд в течение пяти лет, но и в последний год им не удалось продвинуться дальше места, достигнутого в самый первый год. Грустно слушать рассказы о бедствиях и страданиях, испытанных несчастной

командой этих судов. Судно, направленное к западу для разведывания пути к устью Енисея, шло в прибрежной полосе, между льдом и материком, до 76° северной широты. Дальше оно уже не могло итти из-за льда, а к северу от него виднелась еще какая-то земля. В конце концов судно было раздавлено льдом, так что команде пришлось его оставить на расстоянии пяти или шести немецких миль от твердой земли и пойти пешком по льду по направлению к материку с таким запасом сухарей, сколько каждый мог унести для себя на спине. Добравшись с большими трудностями до твердой земли, они пошли дальше сушей вдоль берега до самой северной его оконечности, а когда они достигли уже почти 77° северной широты, берег стал опять поворачивать к юго-западу. Поэтому они снова повернули к реке Хатанге, где зимовали за два года до того и где оставили небольшой запас продовольствия. Это случилось в августе, когда они добрались до 75°, и ни к западу, ни к востоку, ни к северу не видно было открытой воды, а все море было загромождено стоячими высокими, как горы, торосами. От названной северной оконечности материка до прямого берега и до реки Хатанги им предстояло пройти еще около ста немецких миль через пустынные места, прежде чем они могли бы рассчитывать встретить жилье и людей, отдельных немногих туземцев, которые в известное время года приходят в эти места, занимаясь охотой на белого медведя и песца. Эти несчастные сильно терпели от голода, очень ослабели и перенесли много бедствий, а многим из них была суждена смерть.

Что касается отряда на судне, которое должно было отправиться на восток, то в 1735 году, достигнув Ледовитого моря, он в виду преждевременно наступивших морозов, вынужден был искать места для зимовки. Люди зашли в устье небольшой речки Харнулах, недалеко к востоку от устья Лены, где в течение зимы так сильно страдали от цынги, что из всей команды, примерно в шестьдесят человек, во главе с командиром лейтенантом Лассениусом, осталось в живых лишь три или четыре человека, которые и сообщили о гибели остальной команды.

Я чуть не забыл сообщить о втором судне, которое было отправлено к западу и о плавании которого я уже говорил выше. В том же году оно зимовало в устье небольшой реки Оленек, недалеко к западу от устья Лены. Командир отряда лейтенант Василий Прончищев и несколько человек его команды погибли от цынги, однако, этот отряд не так сильно пострадал от болезни и мог в следующем году, под командой следующего по чину офицера, продолжить свое плавание и сделать еще одну безуспешную попытку пробиться на запад.

Эти две партии при первой же возможности были сменены новыми отрядами, состоявшими из опытных офицеров и новой команды, снабженной всем необходимым. Начальником восточного отряда был назначен лейтенант Дмитрий Лаптев, начальником западного — Харитон Лаптев, двоюродные братья, отважные офицеры.

Так как выше я уже описал судьбу западного отряда и достаточно ясно показал, что в это море проход невозможен, то я считаю излишним подробно описывать плавание восточного отряда. Отмечу только, что он с большими трудностями добрался до реки Колымы и там 29 августа был скован льдом в открытом море, на расстоянии нескольких миль от берега. Вскоре после этого Д. Лаптев отправил по льду на сушу в первую очередь имевшиеся у него пушки; находившееся в той местности племя чукчей в большинстве своем было враждебно настроено, а потому, прежде чем высадить команду на берег, необходимо было обеспечить возможность обороны. Введя судно в устье реки и оставив надлежащий караул для охраны судна и снаряжения, он с остальной частью команды отправился сушей на реку Анадырь и разведал реку на всем ее протяжении вплоть до впадения ее в море, после чего возвратился в Якутск. Таким образом, на основании данного опыта я доказал правильность моего утверждения о непригодности Северного морского прохода.

Я обещал вначале высказать и мое личное мнение по этому вопросу. Оно как будто уже является несколько излишним, так как из приведенных мною фактов нетрудно убедиться, что никакой видимой надежды на этот путь не существует; однако, согласно обещанию, вкратце изложу еще следующие соображения. Во-первых, общеизвестно, что вследствие позднего наступления весны в тех краях и позднего вскрытия льда невозможно пройти Новоземельские проливы раньше чем в середине июля, а нередко и позднее, так что уже больше половины лета проходит, прежде чем удается добраться до побережья Во-вторых, известно, что расстояние от Новой Земли до восточной оконечности Азии немалое и составляет несколько сот немецких миль и что проплыть такое расстояние под парусами можно лишь в довольно большой срок, в особенности в такой части света, где постоянно меняется направление ветра. Если же и удалось бы забраться по побережью несколько дальше, то стоит установиться северному ветру, нагоняющему лед, как не останется пути ни назад, ни вперед. В таком случае приходится поневоле дрейфовать со льдом вблизи пустынного берега, где не только судну суждена гибель, но и люди

из-за недостатка пищи, нездорового климата, сильных холодов и полного отсутствия привычных для европейцев удобств в большинстве обречены на гибель. Люди в этих случаях гибнут, как мухи, особенно ввиду того, что зимовать приходится во всяком случае не южнее 72—73° широты, при климате крайне для них непривычном. Пример этого мы уже видели выше на случае с зимовкой лейтенанта Лассениуса и гибели всего его отряда. В-третьих, мы установили, что в этой части света в конце августа снова наступают морозы, так что в тех местах, где море вскрывается, в общей сложности можно рассчитывать встретить открытую воду лишь в течение не более четырех-пяти недель в году, да и то при условии, что долгое время будут дуть южные ветры, немного отгоняющие лед от берега. При продолжительных же и устойчивых северных ветрах нужно считать еще гораздо меньший срок для наличия чистой воды. В-четвертых, в настоящее время имеется много весьма ученых людей, утверждающих, что в Ледовитом океане не следует держаться вблизи берегов, а подаваться ближе в сторону полюса, где, как они предполагают, имеется район совершенно чистой воды.[24] Эти соображения настолько глубоки, что я не в состоянии их понять; проекты эти также связаны со столькими заведомыми трудностями, опасностями и риском, что я не берусь даже строить предположений на этот счет, а тем более судить о них сколько-нибудь положительно. Ведь по опыту известно всякому, что с приближением к полюсу холод усиливается, а кому же удалось побывать вблизи полюса или описать царящие в тех местах условия? Разве не возможно, что на протяжении пятнадцати-восемнадцати градусов широты лежит еще много разных неизвестных земель, и что даже сам полюс расположен на твердой земле, вследствие чего лед связывается и нагромождается еще плотнее, чем под 72-м или 75-м градусом? Насколько я могу припомнить, мне не приходилось слышать или читать, чтобы кому-либо удалось забраться дальше 82-го градуса, причем грустно подумать, какие труды и бедствия перенесли эти люди, прежде чем им удалось вернуться оттуда обратно, как это приходилось нередко читать в исторических описаниях. Я считаю, что если подойти слишком близко к полюсу, то должно произойти большое расстройство компаса, так как надо полагать, что полюс имеет больше влияния на магнит, чем магнит на полюс. Мы знаем из опыта, что полюс не совпадает с направлением магнитной стрелки, но так как это лишь мое собственное предположение, то я не хочу никому его навязывать. На это кто-либо может возразить и сказать: если компас в этих условиях и дает

неверные показания, то можно ведь, отчасти, руководствоваться солнцем или другими небесными светилами, движение которых по небесному своду нам известно. На это ответом служит следующее: кому приходилось хотя бы немного плавать на севере, тот на основании своего опыта может сказать, что из-за постоянного тумана и пасмурной погоды, солнце появляется крайне редко, а увидать звезды вообще нет никакой надежды, в особенности в летнее время, когда от влаги и испарений от плавающего в море льда отражается свет, обволакивающий весь небосклон. Вот почему это предложение и не дает надежного способа, на который можно было бы безусловно положиться. В-пятых, как уже сказано было ранее, расстояние от Новой Земли до восточной оконечности Азии очень велико; указали мы также и на краткую продолжительность периода вскрытия моря ото льда. Допустим теперь, что какой-нибудь корабль сравнительно далеко пройдет вглубь Ледовитого океана и что он вследствие преждевременного наступления морозов вынужден будет искать места для зимовки. Допустим, что он найдет такое место в устье какой-либо реки, которых здесь множество, или же в какой-нибудь бухте или естественной гавани, которую, быть может, удастся разыскать на побережье, и что он сумеет в безопасности провести там зиму. Открытым остается лишь вопрос: может ли такое судно, проведя десять месяцев или больше на одном месте и уничтожив бо́льшую часть своего запаса провианта, продолжать поход на восток? Не говорю уже о людях, значительная часть которых погибнет во время такой зимовки, что, без всякого сомнения, случится, если только оно выйдет в плавание, не взяв команду в сверхкомплектном числе и везя на борту больше чем двухлетний запас провианта, так как в тех местностях, где ему придется зимовать, невозможно получить какое-либо продовольствие, а питаться приходится исключительно судовыми запасами. Если бы мне пришлось ответить на такой вопрос, я не мог бы не выразить глубокого сомнения в способности такого судна продолжать свое плавание на восток. Великой удачей для него будет, если оно сможет вернуться опять обратно в Архангельск, чтобы снова взять свежий запас провианта, а затем... отправиться в обратное плавание домой. В течение этого времени оно давно бы успело совершить свое путешествие, если бы воспользовалось обыкновенным путем вокруг Африки.

Я мог бы привести еще много других соображений, взятых уже из собственных моих рассуждений, а рассуждать на эту тему мне очень легко, основываясь на моей богатой практике.

Я считаю это, однако, излишним, так как уже из сказанного выше, а также из приведенных примеров совершенно ясно, что я не без основания утверждаю о несостоятельности этого пути, и это, как надеюсь, мною вполне доказано. Вот и все, что я хотел сказать о Северо-восточном проходе.

О нашем пребывании в Якутске и наших работах в этом городе.

Таким образом, вся экспедиция собралась в Якутске. Капитан Шпанберг уже в предыдущем 1734 году поспешил с частью людей вперед в Охотск, не выслав вперед никаких запасов продовольствия. Мы получили тревожное известие, что ему вследствие ранних холодов не удалось добраться до места назначения—Юдомского Креста,—и что ему пришлось остановиться на двадцать—тридцать немецких миль ниже по течению в совершенно пустынном месте. Поэтому первейшей и главнейшей нашей заботой было оказать ему помощь, чтобы ни он, ни его команда не погибли от голода. Мы узнали также, что капитан Шпанберг с отрядом из нескольких человек покинул суда и двинулся на лыжах (это—длинные узкие дощечки, подвязанные к сапогам, чтобы не проваливаться в снег) к Юдомскому Кресту и в Охотск. Для оказания помощи этому отряду ранней весной 1735 года, как только оказалось возможным, было направлено сухим путем сто лошадей, по местному обыкновению, на каждую лошадь было навьючено двести фунтов продовольствия; как полагали, они должны были прибыть в Охотск своевременно и оказаться весьма полезными капитану Шпанбергу.

Другой нашей заботой была подготовка к тому, чтобы в следующем 1736 году перевозка в Охотск продовольствия и снаряжения была произведена в наибольшем объеме; это должно было обеспечить содержание в Охотске возможно большего количества людей и ускорить постройку там судов для нашей экспедиции (начало чему положил уже капитан Шпанберг). Для этой цели была начата постройка нескольких добавочных судов в Якутске и в устье реки Майи, а для того, чтобы обеспечить еще более успешный ход дела, руководство перевозками на 1736 год было поручено капитану Чирикову. Так как постройка судов продвигалась вперед довольно успешно, то

Карта полушария, составленная С. Вакселем

удалось усилить состав команды в Охотске, и постройка наших судов там также пошла успешно. Так как капитан Шпанберг был назначен главным начальником японского отряда экспедиции, но плавание свое должен был совершить по указанию командора Беринга, то его суда, во избежание потери времени, были изготовлены в первую очередь. Капитан Чириков в эту же зиму 1736 года отправился в Охотск, а в 1737 году были заложены два бота, предназначенные для американской экспедиции; постройка их по мере возможности продвигалась вперед, однако ускорить ее не представлялось возможным до окончания судов капитана Шпанберга.

Третья наша работа в Якутске состояла в том, что мы устроили канатную мастерскую с полагающейся к ней установкой для просмолки, и из пеньки, которую нам удалось получить в Иркутске и в других городах, изготовили всякого рода такелаж, который полностью в точно необходимом нам наборе из Петербурга привезти мы не могли.

В 1737 году перевозка провианта и снаряжения по реке была поручена мне, и к Юдомскому Кресту было благополучно доставлено тридцать три тысячи пудов провианта и снаряжения; эта удачная перевозка в значительной мере способствовала тому, что капитан Шпанберг мог в следующем году начать свое плавание.

Капитан-командор Беринг в течение этого лета отправился сухопутьем из Якутска в Охотск. Он уехал лишь после того, как уверился, что ему обеспечен провиант, достаточный для его команды. Он не раз говорил, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание на месте — это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности.

в которой описывается перевозка провианта и материалов от Юдомского Креста в Охотск.

Следует отметить, что Юдомский Крест расположен на реке Юдоме на расстоянии приблизительно двадцати немецких миль от Охотска. Ко времени проезда экспедиции через эти совершенно пустынные места на расстоянии около двух миль друг от друга (более или менее в зависимости от удобства места) были сооружены теплые избы. Зимой в них помещался

постоянный караул, так что для прибывающих обозов было обеспечено в любое время теплое помещение.

Сама перевозка совершалась на людях, из которых образовался своего рода грузовой обоз или караван. Каждый из них получал груз в шесть пудов и грузил его на узкие длинные сани, называемые нартами; их он был обязан доставить к месту назначения груза. Таким способом перевозка происходила только зимой; летом же не было других перевозочных средств, кроме лошадей, которых приходилось посылать туда из Якутска порожняком. Мы хотели было продержать в течение зимы сотню лошадей в Юдомском Кресте, однако, как в этом месте, так и вообще на всем течении реки Юдомы не нашлось сена даже для прокорма хотя бы десятка лошадей, а тем более целой сотни, а потому эту мысль пришлось оставить. В первое время перевозка производилась от Юдомского Креста непосредственно в Охотск; да и в настоящее время перевозят таким образом особо ценные грузы. Между тем, на полпути к Охотску расположена река, называемая Урак, по которой никогда ранее судоходства не было. Мы не знали, пригодна ли эта река для наших целей, а потому была произведена разведка, и оказалось, что весной, когда уровень воды в реках обычно повышается, а также летом в дождливую пору эта река вполне может быть использована для судоходства. Немедленно же по этой реке были сооружены склады и жилье для людей, и перевозка нартами производилась с тех пор не далее, как до этих складов. Однако и эта работа оказалась для людей крайне тяжелой и утомительной, так как им пришлось на протяжении шести месяцев пятнадцать раз проделать путь туда и пятнадцать раз обратно и пройти таким образом каждому около трехсот немецких миль, и притом все время в запряжке, на манер лошади. Провизии также не было в изобилии, кроме обычного пайка, состоявшего из ржаной муки и небольшого количества крупы, так что люди оказались крайне изнуренными.

В марте, ко времени окончания зимних перевозок, все люди были собраны к реке Урак, и тогда началась новая работа, а именно—постройка судов, которую необходимо было закончить к началу мая. Вначале мы строили суда вместимостью в сто пятьдесят пудов груза, затем в двести пудов; более крупных судов для плавания по этой реке строить было нельзя. По причине чрезвычайно быстрого течения, изобилия камней и наличия больших порогов, плавание по этой реке к тому же вовсе небезопасно. Мне пришлось дважды проделать путь от наших складов на реке Урак до впадения ее в Пенжинский залив.[25] Это расстояние считается в тридцать немец-

ких миль, но оба раза пришлось быть в пути на всем этом протяжении не более семнадцати часов, и при том без помощи весел или каких-либо других средств, вроде парусов или чего-нибудь подобного; судно увлекалось вперед единственно только силой чрезвычайно быстрого течения. Река оказала нашей экспедиции большую услугу, так как иначе мы навряд ли могли бы справиться с перевозкой всех наших грузов как раз на этом участке до Охотска и, следовательно, нам пришлось бы бесполезно потерять еще гораздо больше времени.

Я упустил раньше указать, что для перевозки грузов нам пришлось взять в конце концов в помощь еще партию оленей, так как даже при непрерывной работе четырехсот — пятисот людей мы не справлялись с перевозкой. Однако, каждый олень мог унести все же не больше, чем один человек, то есть не больше пяти пудов. [26]

Я забыл отметить также одну особенность реки Урак, а именно — непостоянство уровня воды в этой реке: как только выпадет хотя бы небольшой дождь, она выходит из своих берегов и заливает обширные, более или менее низко расположенные пространства. Так как на этой реке никаким способом невозможно управлять судном, а приходится плыть по течению, куда бы оно ни занесло, то нередко случается, что суда заносятся на расстояние половины немецкой мили и больше вглубь леса, откуда с крайним трудом приходится добираться обратно к реке. Когда по прошествии долгого времени дождь, наконец, прекращается, то через час или два река пересыхает во многих местах, так что никак не удается найти прохода. При таких обстоятельствах в малодождливое лето может случиться, что на это путешествие будет потрачен целый год.

Описание Охотска, его положения и условий жизни.

Охотск обязан своим названием реке Охоте, на устье которой, при впадении в Пенжинскую губу, он расположен. Охотск лежит на 50°30′ северной широты и примерно $112^1/_2$ ° восточной долготы от Петербурга. Прилив и отлив направлены здесь на $SSO^1/_2O$ и $NNW^1/_2O$ при новолунии и полнолунии; высота прилива достигает обычно девяти футов. Перед устьем реки расположен песчаный бар; глубина на нем при низкой воде не

превышает шести или семи футов. Подробно описать этот бар не представляется возможным, так как обычно каждой весной расположение его меняется от напора льда, выносимого рекой в море, причем обыкновенно образуются новые проходы и каналы, в то время как старые проходы одновременно заносятся. Сам острог расположен совсем низко; в случае особо высокого паводка, вовсе нередкого во многих здешних местах, Охотску угрожает опасность оказаться целиком под водой. Почва состоит здесь из мелкой гальки, очевидно намытой морем и с течением времени поросшей низкой травой. Это, в общем, — нездоровое место, лишенное всяких источников питания во всякое время года, за исключением только весны, когда из моря в реку приходит в больших количествах рыба. В это время жители должны запасаться провизией на весь год. Они засаливают небольшое количество рыбы, очень много рыбы сушат на солнце и пытаются консервировать ее разными другими способами. Впрочем, они не очень разборчивы на вкус, и если случится, что рыба несколько протухнет, они ее отнюдь не выбрасывают, а съедают целиком. В пищу идет мясо сушеной рыбы, а из шкурок или кожи ее жители изготовляют свои летние жилища; будучи аккуратно сшиты, они выдерживают самый сильный дождь, не пропуская ни капли внутрь. Главная порода рыбы — это лосось различных видов. Высший сорт называется няркой. Она обладает превосходным красноватым жестким мясом, жирна и весьма приятна на вкус. Второй сорт называется кетой. Мясо ее — белого цвета, оно не так жестко, но и не так приятно на вкус, как мясо нярки. Третий сорт называют мальмой. Она менее крупна, чем оба других сорта, и мясо ее мягче. Местные жители по большей части вытапливают из этого вида необходимые на зиму запасы рыбьего жира, и если только они могут раздобыть рыбы первых двух сортов, то неохотно едят мальму. Вообще относительно этой рыбы мы заметили, что если нашим людям случалось несколько дней подряд есть мальму, то у них в большинстве случаев делался сильный запор. От этого пострадало у нас много народу, так что эту рыбу никак нельзя назвать здоровой пищей. Местные жители, однако, понятия не имеют об этих последствиях, очевидно, потому, что с детства приучены к питанию рыбой и ни о какой другой пище и не помышляют.

Как показывают наблюдения, рыба ежегодно весной появляется в устьях рек, пробивается вверх против самого сильного течения и одновременно мечет икру,[27] которая уносится течением обратно в море и из которой там вновь выводится рыба. На следующий год выросшие до полного роста

рыбы вновь появляются в устьях. Прошлогодние же рыбы, поскольку им удается избегнуть сетей, неустанно пробиваются вверх против течения все дальше и дальше, пока не погибают. Некоторой части удается забиться в глубокие ямы подо льдом в местах, где река не промерзает до дна; обратно же в море они возвратиться не могут, так как плыть по течению противно их природе. Местные жители поднимаются зимой вверх по течению рек Урак и Охоты и разыскивают такие ямы или глубокие омуты. Найдя такие места, они с уверенностью могут рассчитывать на улов, так как в них нередко сбиваются тысячи рыб. А как только во льду прорубается отверстие, рыба сама поднимается на поверхность, и ее можно брать руками и выкидывать на лед. Вес каждой рыбы составляет в это время шесть или семь фунтов; она, однако, крайне истощена и не так вкусна.

В этих местах растет в больших количествах дикий лук. Его собирают в начале лета, мелко рубят и солят в бочках, откуда и берут зимой по мере надобности в пищу.

Попутно необходимо описать, как местные жители добывают соль. Это происходит в марте — апреле, пока еще держатся ночные заморозки. На берегу моря устанавливаются большие лодки, елы или боты (они обычно выдалбливаются из одного цельного дерева) и наполняются морской водой. Вода оставляется там в течение двух-трех недель и вымерзает. Каждое утро намерзшая за ночь ледяная корка выбрасывается прочь и добавляется свежая морская вода. Так продолжается до тех пор, пока рассол не перестанет замерзать, из чего заключают, что пресная вода, содержащаяся в морской воде, уже вся выделилась и что остался только чистый рассол. Рассол выливается в котлы и кипятится в продолжение двух-трех часов, пока не осядет вся соль; остальная вода затем выливается. Таким образом получается прекрасная белая и довольно сухая соль, которою запасаются ежегодно. Необходимо только хранить ее в сухом месте, так как если в нее попадает малейшая сырость, соль начинает таять, и весь запас в короткий срок может утечь.

Когда в 1735 году капитан Шпанберг впервые посетил эту местность, она не имела построек и населения, кроме тунгусов —ламутов, кочевавших в этих местах. Ознакомившись с местностью и считая, что для предстоящей нам постройки судов можно здесь найти подходящие условия, Шпанберг в первую очередь принял меры к постройке там казарм и домов для людей и нескольких домов для офицеров, где они могли бы разместиться по прибытии сюда. С течением времени Охотск значительно обстроился как силами нашей экспедиции, так и стараниями Охотской канцелярии, впоследствии там устроенной.

Самую гавань я не могу особенно похвалить, мы пользовались ею по необходимости, поскольку никакой лучшей не нашлось. Течение здесь во время прилива и отлива необычайно сильно, и с большим трудом удается удержать суда на месте: при низкой воде все суда оказываются на мели. Стоянка здесь возможна лишь для судов с осадкой не больше десяти, в крайнем случае двенадцати футов. Весной совсем не исключена опасность повреждения судов льдом; одним словом, эта гавань годится как временное убежище, а не как порт, на который можно безопасно положиться.

О второй задаче Камчатской экспедиции — отыскании пути в Японию и ее положения относительно Камчатки.

В пятой главе уже упомянуто, что капитан Шпанберг был назначен главным руководителем экспедиции в Японию. Для этой цели он построил два новых судна, а именно—гукер, названный «Архангел Михаил», и дубель-шлюп, названный «Надежда». Третьим его судном был большой палубный бот, уже плававший в первой экспедиции, капитально отремонтированный и вполне после этого пригодный для плавания. К концу 1737 года он успел полностью закончить подготовку судов. Так как, однако, зима уже приближалась, а закончить подвозку путевого провианта и другого необходимого морского снабжения не удалось, то пришлось отложить отправку его экспедиции до весны ближайшего 1738 года. Тем временем в Охотск должен был прибыть капитан-командор Беринг с прочей командой. Предполагалось заложить одновременно два пакетбота для американской экспедиции, длиной по килю в восемьдесят футов, и усердно взяться за их постройку.

В середине июня 1738 года капитан Шпанберг со своими тремя судами вышел из Охотска в море. Гукер «Архангел Михаил» шел под его личной командой; дубель-шлюпом «Надежда» командовал лейтенант Вильям Вальтон, а третье судно, названное «Гавриил», шло под командой мичмана Александра Шельтинга. Они могли бы выйти в море и раньше, так как были полностью подготовлены и снабжены всем необходимым, но на море так долго держались пловучие льды, что никак не удавалось найти прохода, и даже в это время года они с величайшим трудом пробили себе дорогу между льдами. Они взяли курс на

Камчатку и стали там перед устьем реки Большой, вероятно, для выполнения каких-нибудь подготовительных мер к предстоящей зимовке. После непродолжительной стоянки в этом месте они пошли к Курильским островам и дальше курсом средним между югом и западом до 46° северной широты. Они миновали при этом большое количество островов и заметили сильные переменные течения. Однако, уже приближалась осень, а море было совершенно неизвестно. Так как в этом году они могли очень поздно отправиться в путь, то приняли решение вернуться на Камчатку с тем, чтобы в следующем году пораньше выйти в море и выполнить намеченное путешествие. Они благополучно достигли устья реки Большой на Камчатке, где перезимовали, и, согласно принятому решению, весной в мае следующего 1739 года должны были снова выйти в море. Не теряя времени, они при первой же возможности вышли в море, взяли курс от Курильских островов между югом и западом и прошли ряд островов, но, выйдя в открытое море, попали в туман и сильные штормы, из-за которых лейтенант Вальтон отбился от отряда. Они так и не встретили друг друга, пока в августе весь отряд в полном составе, кроме мичмана Шельтинга, не прибыл обратно в Охотск. Шельтинг отсутствовал целый год и, как стало известно впоследствии, вторично перезимовал в устье реки Большой.

Лейтенант Вальтон со своим судном явился в Охотск 21 августа 1739 года. С ним вместе прибыла небольшая яхта, которую капитан Шпанберг приказал построить предыдущей зимой в Камчатке из березового дерева; яхта была названа им «Большерецк». Это маленькое суденышко оказало ему серьезные услуги. Как мне рассказывали, оно так хорошо шло под парусом, что оставляло за флагом весь отряд. Это подтверждается тем, что судно одновременно со всем отрядом проделало всю японскую экспедицию.[28]

Лейтенант Вальтон вручил капитану-командору Берингу следующее донесение: 22 мая прошлого года он совместно с остальными судами под общей командой капитана Шпанберга вышел из устья реки Большой и направился на юг. Все четыре судна оставались вместе до 14 июня, когда Вальтон вследствие густого тумана и сильного шторма отбился от эскадры и, несмотря на тщательные поиски, не мог снова ее разыскать. Он решил поэтому, не теряя времени, искать Японскую землю. Это ему в действительности и удалось, так как спустя два дня, а именно 16 июня, искомая земля оказалась в виду. Северная часть ее, которую он мог увидеть, находилась к NNW от него, а южная часть к SSW. Согласно обсервации, он находился на 39° север-

ной широты, а по расчетам или по морскому счислению, которое он делал от южной оконечности Камчатки, называемой мыс Лопатка, расположенной на 51° 30′ северной широты, истинный курс должен был быть SWtS. Подойдя ближе к берегу и следуя вдоль него в южном направлении, он заметил несколько судов, по величине примерно равных нашим самым мелким полугальотам, на каждом из них имелось команды по пятнадцати-двадцати человек. Так как эти суда избегали сближения с ним, он следовал за ними вдоль побережья и пришел, наконец, в бухту, где увидел большую деревню или городок, длиной, по его мнению, около трех верст и состоявший примерно из полутора тысяч каменных домов. Он бросил якорь в этой бухте и одновременно увидел, что от берега отчаливает множество судов. Они пристали к борту его судна; на одном из них находился человек, одетый в красивое шелковое платье.

По многочисленности сопровождавшей его свиты и по почету, которым он был окружен, можно было заключить, что это — начальник или самое знатное лицо этого селения. Все эти люди были приняты с величайшей учтивостью: им было поставлено угощение из всех припасов, находившихся на судне; их угостили также русской ржаной водкой, которая им пришлась по вкусу. Они, в свою очередь, приняли это угощение со всей возможной учтивостью и предложили лейтенанту Вальтону доставить ему все необходимое, если он в чем-нибудь нуждается. После этого Вальтон решил послать на берег шлюпку со своим штурманом и семью матросами, чтобы привести немного дров и пресной воды. Это было им немедленно доставлено и погружено японцами в шлюпку, между тем как матросов угощали в трех-четырех ближайших домах самыми лучшими фруктами и местным вином. Небольшой сосуд с вином был также послан в подарок лейтенанту Вальтону. Вино это, по цвету темнокоричневое, довольно приятное на вкус, лишь немного кисловато, может быть из-за жаркой погоды, но содержит порядочно алкоголя: мне пришлось отведать его в Охотске, а потому я и могу достоверно его описать. Матросы из команды Вальтона продавали также японцам различные мелочи, вроде старых рубашек, чулок и тому подобного, и за это получили целую кучу местных медных денег, у которых в середине проделано четырехугольное отверстие и которые носят нанизанными на тесемку.

С приближением вечера Вальтон заметил, что его корабль вплотную окружен многими судами; он заметил также, что почти все суда были нагружены большим количеством камней весом от двух до трех фунтов, которые, быть может, служили им лишь балластом, но в случае необходимости могли быть

отлично использованы и как метательные снаряды. Поэтому он счел нежелательным оставаться там на ночевку, поднял якорь и вышел в море, где все остальные суда его покинули. Он поплыл дальше к югу до 33° 30′ северной широты, где снова встретил такое же большое селение. Он намеревался подойти к нему и бросить якорь, однако с берега знаками ему было дано понять, что это запрещено и что ему следует уйти прочь. Так как инструкция его гласила — избегать опасных столкновений и не даваться в руки японцам, чьи тиранские поступки по отношению к христианам хорошо известны из истории, то он повернул прочь оттуда и вышел в море.

Пройдя довольно значительное расстояние к востоку с надеждой открыть какие-либо новые земли или острова, что ему, однако, не удалось, он взял курс на Камчатку, к реке Большой, куда благополучно прибыл 23 июля. Не встретив там капитана Шпанберга, он оставался в ожидании его до 7 августа, а так как последний и к тому времени еще не прибыл, то отправился в дальнейшее плавание до Охотска, куда, как выше сказано, благополучно прибыл 21 августа.

В том же 1739 году 29 августа прибыл в Охотск и капитан Шпанберг. Как уже упомянуто выше, он донес, что 22 мая со своей эскадрой вышел с рейда реки Большой, затем 26-го стал на якорь у первого из Курильских островов в ожидании отставших других судов и, как следует полагать, чтобы надлежащим образом подготовить свою эскадру, снабдить всех начальников необходимыми инструкциями и распоряжениями, а также сигналами и тому подобным. Затем, выполнив все эти необходимые дела, он 1 июня со всеми судами отплыл от Курильских островов.

Сначала он плыл курсом на юго-восток приблизительно до 47° северной широты, затем взял курс на юго-запад. Он прошел мимо большого количества островов, заметил сильные и переменные течения; 14 июня он попал в густой туман и свежий ветер, вследствие чего бот «Гавриил» отбился от отряда. Он проискал этот бот в течение двух дней, неоднократно палил из пушек, чтобы дать ему сигнал, но не мог его разыскать; 18-го он увидел землю и стал на якорь на глубине двадцати пяти сажен. По счислению, он находился на 38° 41′ северной широты. Они приняли эту землю за Японию, так как видели громадное количество японских судов, а на берегу несколько поселений, а также засеянные поля; однако за дальностью расстояния различить, каким именно видом злаков засеяны поля, было невозможно. Равным образом, можно было разглядеть довольно высокий лесок, но не удалось узнать, какой

породы деревья. К ним приблизились два судна, которые остались, однако, на веслах на расстоянии тридцати или сорока сажен от них и не желали подойти ближе. Когда им стали делать знаки и приглашать подойти поближе, они в свою очередь стали показывать знаками, чтобы Шпанберг со своими людьми высадился на берег. 20 июня снова увидели множество японских судов, в каждом судне команды по десяти-двенадцати человек. Шпанберг, однако, из осторожности не посылал своих людей на берег, и считает, что поступил в этом случае благоразумно. Он не мог одобрить поведение лейтенанта Вальтона в подобном же случае, когда тот послал на берег лодку с людьми. Он очень легко мог потерять всех этих людей и не имел бы возможности оказать им какую бы то ни было помощь; возможно даже, что он сам со всей командой был бы захвачен врасплох. Капитан Шпанберг несколько раз подходил к берегу в различных местах, становился на якорь, но ни разу не оставался на одном месте на более продолжительный срок, а держался все время под парусами, чтобы в любой момент быть готовым ответить силой на насилие, если бы в этом встретилась необходимость.

22 июня он пришел в другую бухту на 38° 23′ северной широты. Здесь к его борту причалили два рыбачьих судна, и доставили немного свежей рыбы, риса, большие листья табака, соленые огурцы и различные другие предметы питания. Рыбаки не соглашались продавать эти припасы, а выменивали их у матросов на различные мелочи и, по рассказам, держали себя вполне честно и пристойно [29]. Капитан Шпанберг достал у них также несколько японских дукатов, которые он, вероятно, выменял у них на русскую или другую европейскую монету. Эти дукаты имели четырехугольную форму, только слегка удлиненную, и были покрыты какими-то восточными, неизвестными знаками. Их вес равнялся семи десятым русского червонца, а золото, как передают, было весьма высокой пробы [30]. Наибольшее желание купить или сменять они, повидимому, проявили относительно сукна и полотняного платья, а также относительно синих стеклянных бус. На другие мелочи они не пожелали обратить никакого внимания, хотя им неоднократно их показывали. [31]

Их суда капитан Шпанберг описывал нам следующим образом. Рыбачьи суда все имеют плоскую корму и очень заостренный нос. Ширина их равна четырем с половиной — пяти футам, длина около двадцати четырех футов. Рулевое весло вставляется сверху так, что когда им не пользуются, его можно убрать внутрь лодки. Более крупные суда имеют по два весла, по одному

с каждой стороны в корме, совершенно кривой формы. Веслами они работают всегда стоя и продвигаются под веслами очень быстро. В этих судах устроена также палуба, под которую они складывают свои вещи и припасы, когда выходят на рыбную ловлю, а на самой палубе устроен небольшой очаг, на котором они готовят себе пищу. Удалось заметить также, что на этих судах вместо железных уключин и крюков имеются лишь медные, якоря же, вроде наших четырехлапых кошек, изготовлены из железа. В ночное время суда обычно становятся на якорь у своих берегов. На следующий день Шпанберг вблизи своего корабля видел семьдесят девять таких же судов. Японские боты, заостренные как с носа, так и с кормы и применяемые для перевозок между близлежащими островами, гораздо больше этих судов по размерам, вмещают много людей и хорошо идут под парусом, но лишь по ветру.

О самих японцах, их внешнем виде и телосложении Шпанберг сообщает следующее: японцы обычно невысокого роста. Иногда, правда, попадаются отдельные люди и среднего роста, но очень высоких людей удается встретить крайне редко. По цвету волос они брюнеты с черными глазами. На голове довольно густые черные волосы. Половина головы выстригается наголо, а на другой половине волосы зачесываются сзади совершенно гладко, смазываются клеем или жиром, затем заворачиваются в белую бумагу и нижний конец их коротко остригается. У маленьких мальчиков на середине головы волосы выстригаются в виде четырехугольника, размером в полтора или два дюйма, а остальные волосы зачесываются как у взрослых. Носы у них небольшие, плоские, но не настолько плоские, как у калмыков; остроносые же встречаются между ними очень редко. Они носят широкие одежды, укрепляемые поясом, с широкими рукавами, вроде европейских шлафроков, но без воротников. Сколько их ни было видно, все ходили без штанов и босиком и закрывали или перевязывали бедра повязкой из шелка или полотна. [32]

Незадолго до ухода корабля к борту причалила большая шлюпка, в которой, помимо гребцов, находилось четыре человека, немного лучше одетых, а именно: в вышитую как по плечам, так и по подолу одежду; повидимому, это были более знатные люди. Этих посетителей капитан Шпанберг пригласил к себе в каюту. Войдя, они поклонились до земли, а сложенные ладонями руки подняли выше головы, затем они остались стоять на коленях, пока капитан Шпанберг не заставил их встать. Их угостили водкой и обедом, и они охотно съели его с очевидным аппетитом. Затем капитан Шпанберг показал им морскую карту

этого района, а также глобус, после чего они знаками пояснили, что их страна называется Нифония, а не Япония, и сообщили также о других островах, называя их Масма, Сандо, Сангар, Нотто и еще по-разному; эти острова они показали пальцами на карте. Уходя из каюты, они снова поклонились до земли так же, как они сделали при входе в нее; как можно было заметить, они были весьма признательны за угощение, полученное у капитана Шпанберга. Шлюпки, которые доставили их в первый раз, вернулись вторично и привезли различные мелочи на продажу или для обмена на русские вещи. Между прочим, там был кусок картона такого сорта, какого нигде до этого не приходилось видеть.

Капитан Шпанберг пробыл несколько дней вблизи берегов Японии и получил достаточные доказательства, что эта земля — действительно Япония. Об этом можно было судить по множеству японских судов, вид которых хорошо известен из прежних описаний, по полученным им японским монетам, также соответствующим прежним описаниям, и, наконец, по заявлениям всех встреченных людей, что они находятся действительно в Японии. Это также подтверждалось следующим соображением: как известно, северная оконечность Японии расположена на 40° северной широты, а он следовал вдоль берега до 38° к юго-востоку и не видел к югу конца земле. В особенности это подтверждается тем, что по уходе из Японии он встретил по пути остров Иездо и большой остров Матсуман, о которых мы услышим впоследствии, а кто хоть немного понимает в географии, тому нетрудно сделать отсюда заключение. К тому же и его лейтенант Вальтон следовал вдоль той же земли до 33°40′ (как ему потом стало известно) и видел еще далее к юго-востоку непрерывную береговую линию. Учитывая, что в этих местах и на этих широтах неизвестна никакая иная большая земля и принимая во внимание все вышеприведенные соображения, без всякого сомнения можно заключить, что земля, которую они видели, была Япония. Таким образом, можно считать, что капитан Шпанберг выполнил возложенное на него поручение, состоявшее в том, чтобы дойти до Японии, определить расстояние до нее от Камчатки, что ранее с точностью было неизвестно, и при этом делать наблюдения надо всем, что ему по пути встретится.

Выполнив, таким образом, первейшее и главнейшее свое задание, Шпанберг не пожелал терять понапрасну времени и отошел от Японии, чтобы искать дальше, не найдутся ли еще неоткрытые земли, а также чтобы обследовать острова, уже встреченные им на пути туда. Если позволит время, он рас-

считывал также совершить путешествие в западном направлении и обогнуть Японию с севера. Не имея, однако, никакой уверенности в том, что встретит на своем пути землю. Шпанберг, во избежание недостатка в питьевой воде, пошел сначала в северо-восточном направлении, чтобы поискать пресную воду на одном из встреченных ранее островов. Это ему удалось: 3 июля на 43°50′ северной широты он увидел довольно большой остров. Шпанберг послал к берегу свою березовую яхту и шлюпку, чтобы поискать воды, а сам между тем стал на якорь недалеко от острова, на глубине тридцати сажен.

Посланные вернулись на судно и доложили, что воды найти им не удалось и что вследствие крутизны прибрежных гор и глубины моря они не смогли найти места, пригодного для высадки. Поэтому он снова поставил паруса, приблизился к берегу и послал шлюпку в другое место берега. Шлюпка привезла на судно тринадцать бочонков хорошей воды, и посланные сообщили при этом, что на этом острове растет много березы, зеленого кустарника и других неизвестных им пород деревьев. Они сообщили также, что встретили на берегу семь человек жителей, но не могли с ними переговорить, так как те от них убежали; впрочем, они видели весла от лодок и сани, сделанные наподобие тех, которые видели на Курильских островах и на Камчатке. Он подошел еще ближе к берегу и стал на якорь на песчаном грунте на глубине восьми сажен. Здесь внутри довольно большой бухты он заметил какое-то селение. Он немедленно послал туда шлюпку, и вскоре ему было доставлено на борт восемь человек местных жителей. По внешнему виду и росту они напоминали жителей Курильских островов, с тем лишь отличием, что все их тело было покрыто довольно длинными волосами. Он угостил их водкой и сделал им подарки из различных мелочей, которые они приняли самым дружелюбным образом. Они носили длинную одежду, сшитую из пестрых лоскутков шелка самого различного цвета, но ходили босиком. Судя по одежде, можно полагать с полным основанием, что они имели сношения с японцами. На лице у них были черные бороды, а у стариков бороды совсем седые. У некоторых в ушах были вдеты серебряные кольца; говорили они, конечно, по-курильски. Их суда также совершенно похожи на курильские. Увидев на борту живого петуха, они все стали на колени, сложив обе руки над головой, низко поклонились ему; также поклонились они до земли за полученные подарки.

Вполне вероятно, что острова, расположенные между

Камчаткой и Японией, от 51° до 44° северной широты, составляют одну группу Курильских островов, а числом они, крупные и малые, составляют свыше тридцати островов.

9 июля Шпанберг отошел от этого острова и лишь с большим трудом сумел выбраться оттуда. Впереди он видел песчаные мели, на которых разбивались большие волны; ему удалось пройти там на глубине трех, четырех и пяти сажен. Вследствие противных ветров на глубине семи сажен ему пришлось бросить якорь. В общем, только через несколько дней ему удалось выйти в открытое море; проходили на глубине десяти, одиннадцати, двенадцати и четырнадцати сажен. Вследствие вредных испарений, наблюдавшихся в этих местах, многие из состава экипажа заболели. На своей карте Шпанберг назвал этот остров Фигурным, а бухту — Пациенция (бухта «Терпения»), так как им пришлось перенести там много трудностей, и немалое число его людей вскоре после этого умерло от болезней.

На карте Шпанберга, составленной на основании его личных наблюдений, а не по показаниям третьих лиц или по предположительным данным, указан целый ряд островов Курильской группы, вытянутых на небольшом расстоянии друг от друга, начиная от самой Камчатки, почти по прямой линии, в направлении к SSW до 43—44° северной широты. Упомянутый выше остров Фигурный лежит примерно на 43° северной широты и настолько дальше к западу от прочих, что Япония находится прямо к югу от него. При этом вблизи расположены еще несколько больших островов, которые составляют как будто большую землю, так как одни острова, видимо, соединяются с другими. Капитан Шпанберг не признал, однако, эти острова так называемой землей Иездо и не внес этого названия на свою карту, так как подробных данных об этой земле ему собрать не удалось, а ограничиться сообщением непроверенных сведений он отнюдь не желал; это значило бы подкреплять старые небылицы новыми. Все же я лично остаюсь при твердом убеждении, что если только существует в этих местах земля, называемая Иездо, то это не может быть не что иное, как эти острова, равно как и вся цепь Курильских островов, которую тоже можно разуметь под этим наименованием. Если бы гденибудь существовала еще другая земля Иездо, то ее обязательно нашли бы в эту экспедицию; ведь на ее розыски не пожалели никаких трудов, ее искали три года подряд как на юго-востоке, так и на юго-западе, а не нашли ничего, кроме названных островов. При отправлении экспедиции нам было прислано несколько набросков профиля этой земли Иездо, видимой со

стороны моря, с указанием названий отдельных ее местностей, обозначением рейдов и гаваней и даже глубин. Я полагаю, что господам составителям этих профилей все это привиделось во сне или что они были введены в заблуждение своим легковерием и чужими рассказами, так как во всем этом обнаруживается столько же правды, сколько в существовании мнимой земли Хуана де Гамы, о чем речь будет впереди при описании нашего американского путешествия. Не нужно особых усилий и не требуется большой учености, чтобы, сидя в теплом кабинете, на основании отрывочных сообщений и произвольных догадок, вычертить подобные карты. С таким же успехом, живя в самой северной части Лапландии, я мог бы назвать по имени дитя, родившееся накануне у мыса Горна или у Магелланова пролива, и если бы кто-нибудь назвал меня обманщиком, — что, мол, дитя называется иначе, — то я мог бы ему ответить: не веришь — поезжай сам туда и спроси. Ведь нельзя никого обвинить в обмане, не уличив его в том, что он сказал неправду, и только тогда обнаруживается вранье. Выдавая ложь за истину, я уверял бы в правдивости своих слов, полагая, что пройдет ведь много времени, пока ложь моя обнаружится, а между тем я могу умереть и, следовательно, вовсе не услышу, как меня будут бранить за ложь. А у живых эта ложь навсегда остается в памяти.

Возвратимся, однако, к плаванию капитана Шпанберга. Отойдя от острова, он плыл по большей части к западу и отчасти к югу и 23 июля увидел впереди справа землю, расположенную на 41°22′ северной широты. Были видны также три японских судна, плывшие к западу. Капитан Шпанберг отдал приказание всем своим судам приготовиться к обороне и быть готовыми немедленно вступить в бой в случае, если на них последует нападение.

Он принял эту землю за остров Матсуман, как это и было на самом деле; ему пришлось ранее слышать, что японцы в этом месте содержат сильный гарнизон и большой флот. На берегу было видно несколько высоких вулканов, а в море много скал, выступающих из воды.

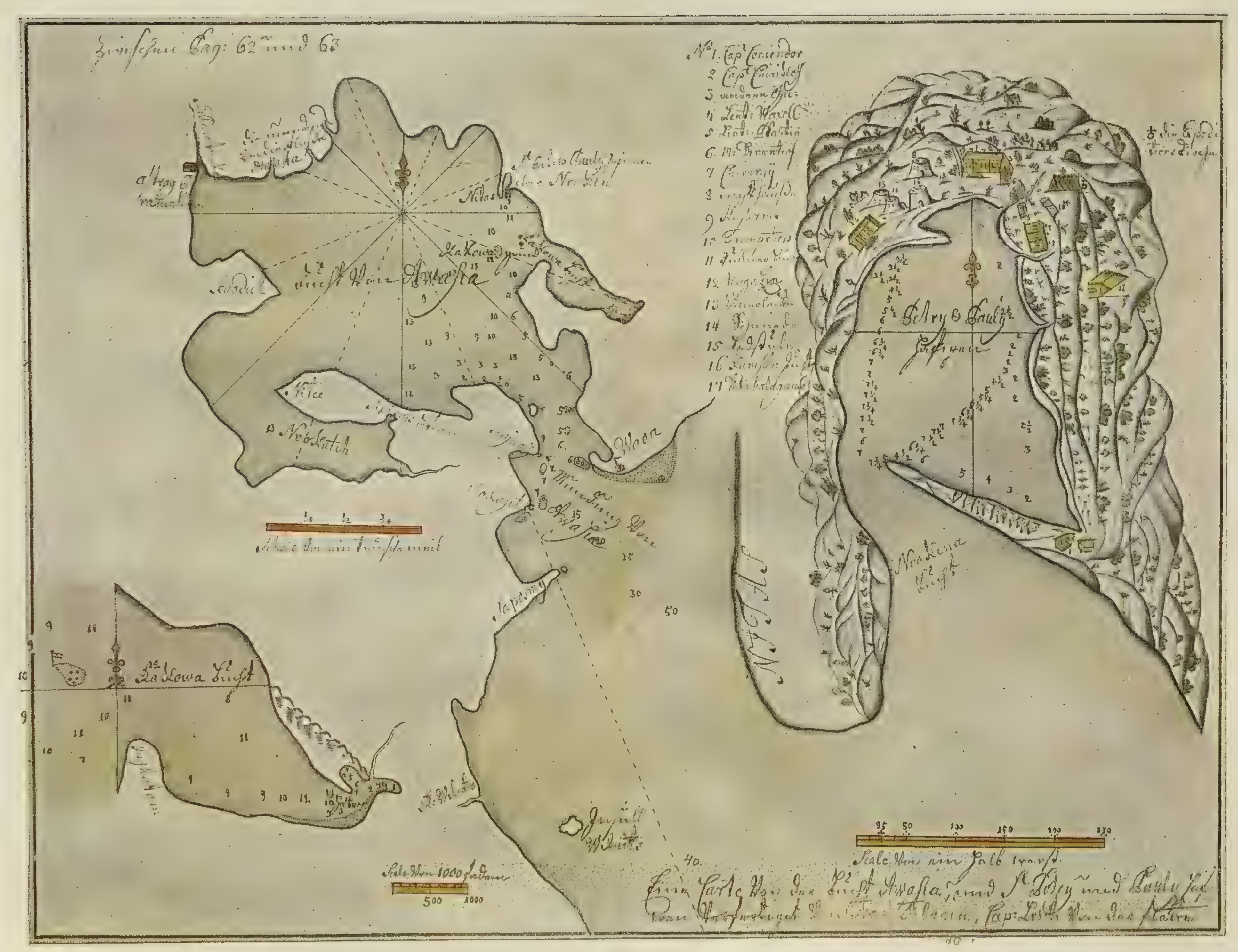
Шпанберг приблизился к берегу и стоял там до 25 июля, когда ему показалось, что он подошел уже очень близко. Он не решился стать там на якорь, но отправился в обратный путь на Камчатку. 15 августа он пришел к устью реки Большой, куда зашел, чтобы дать небольшой отдых своим людям; 20 августа ушел оттуда, а 29-го, как указано выше, бросил якорь в Охотске. Других известий об японской экспедиции я не получал. [33]

О наших приготовлениях в Охотске после отправки японской экспедиции, об отъезде оттуда и переходе на Камчатку и что при этом случилось. Описание Авачинской бухты.

До сих пор я описывал отдельные экспедиции, входившие в состав так называемой Камчатской экспедиции, в той мере, как мне удалось получить сведения о них и в целях лучшего определения задач нашей экспедиции. Перехожу теперь к последней, третьей и главной задаче нашей экспедиции — к плаванию американского отряда ее, с которым я сам лично проделал весь путь от начала и до самого конца. Я буду поэтому иметь возможность несколько подробнее остановиться на ходе этой экспедиции, на сделанных ею открытиях, происшедших несчастных случаях, испытанных ею бедствиях и опасностях.

После отправления в 1738 году японской экспедиции (о чем рассказано в восьмой главе) мы остались с таким малым запасом продовольствия, что до следующего 1739 года могли оставить у себя для продолжения постройки судов лишь каких-нибудь двадцать плотников, а всех остальных должны были отправить к складу на реке Урак и к Юдомскому Кресту с тем, чтобы перебросить оттуда как можно больше провианта, и таким образом для нас бесплодно пропал целый год. Все же и с немногими оставшимися в Охотске людьми работа продвигалась вперед, так что бо́льшая часть деревянного остова судов, а частично и обшивка были готовы. Когда же в 1739 году удалось благополучно перебросить по Ураку в Охотск более сорока судов с провиантом под командой капитана Чирикова, а в 1740 году такая же перевозка была выполнена под моей командой, то мы в течение этих двух лет уже могли содержать на месте почти всех наших плотников, в числе около восьмидесяти человек, а кроме того кузнецов, слесарей, парусников и тому подобных рабочих, и наша работа стала продвигаться очень успешно. Вместе с тем, мы старались не оставлять в Охотске лишних людей, а направляли всех, кроме необходимых для охраны, на Урак и Юдому, всего в количестве около ста двадцати человек. Они должны были получать продовольствие на месте и понемногу также помогать перевозке провианта в Охотск, так как нашей главной заботой оставалась все время перевозка. В 1740 году состав нашей экспедиции был усилен еще двумя офицерами, а именно Иваном Чихачевым и флота

Карта Авачинской бухты и Петропавловской гавани на Камчатке, составленная Иваном Елагиным. Из рукописи С. Вакселя

мастером Софроном Хитрово;[34] они должны были заменить в экспедиции захворавших и уволенных в отпуск офицеров.

Закончив, наконец, полностью постройку наших судов и снабдив их довольно хорошо провиантом и всеми необходимыми припасами, мы вышли из Охотска 8 сентября 1740 года под командой капитана-командора Витуса Беринга на пакетботе, названном «Св. Петр», на который я был назначен старшим лейтенантом. Другой пакетбот был назван «Св. Павел» и шел под командой капитана Алексея Чирикова. С нами шло также два судна с провиантом, которые должны были следовать до Камчатки и там выгрузиться, чтобы на будущий год при отправке в плавание мы не испытали задержки по причине нехватки продовольствия.

Наш курс был направлен к $SO^1/_2O$ прямо на устье реки Большой, куда мы прибыли 20 сентября, и бросили якорь на рейде на глубине тринадцати сажен. По обсервации широта оказалась 52° 40′ северная, а долгота 12° 49′ восточная от Охотска. Оба наши судна с провиантом вошли в устье реки Большой, где должны были разгрузить все привезенные припасы, так как в такое весьма позднее время года им нельзя было обойти вокруг южной оконечности Камчатки. В отношении этих судов мы не хотели также допускать ни малейшего риска, так как случись с ними какая-нибудь малейшая авария, и мы погубили бы плоды всех наших стараний, не достигли бы цели нашего путешествия и не выполнили бы поставленной нам задачи. Мы и сами с обоими нашими пакетботами охотно стали бы в самой реке, но глубина воды на барах в устье реки была так невелика, что нашим судам прохода туда не было, а потому мы были вынуждены плыть в Тихий океан. Мы прошли между южной оконечностью Камчатки, называемой мыс Лопатка, и самым северным из Курильских островов. Ширина пролива составляет там больше немецкой мили, а длина его — около половины мили. Как раз посередине, но несколько ближе к Камчатке, лежит большой каменный риф, на котором виден прибой. Этот риф можно обойти южным или северным проходом, однако обычно предпочитают обход с юга, так как там проход шире. Проходы направлены с востока на запад. Я не могу не рассказать здесь, что с нами случилось при проходе этого места, так как за всю мою жизнь (а я ведь почти сорок лет плаваю в море) мне никогда не приходилось подвергаться такой серьезной опасности.

Мы вошли в пролив при попутном западном ветре и при большой волне. Так как мы не имели сведений о том, какой в этих местах прилив и отлив, и, следовательно, не могли

правильно рассчитать время прохождения пролива, то случилось так, что мы попали в самую узкую часть пролива как раз в новолуние и как раз в такое время, когда приливная волна направлена с востока на запад. Она оказалась настолько яростной и мощной, что мы почти в течение целого часа, пеленгуя по берегу, не могли отметить ни малейшего продвижения судна вперед. Волны перекатывались через корму судна и, разбиваясь в пену, скатывались с обеих сторон через фальшборты. Судовая шлюпка, шедшая на буксире у нашего корабля и привязанная на конце кабельтова длиной в сорок сажен, была подброшена волнами и ударилась о корму корабля, не без повреждения, конечно, как корабля, так и шлюпки; не раз шлюпку чуть не бросало на палубу нашего корабля. В это время глубина под килем судна составляла около десяти-двенадцати сажен. Я очень сомневаюсь однако, оставалось ли под кормой корабля глубины больше трех сажен ото дна в те моменты, когда корабль опускался с волной до самой низкой точки. Мы опасались в то же время, как бы не рухнула наша главная мачта, так как ветер крайне усилился, а идя не по ветру, мы могли пользоваться только фоком и грот-марселем. Все наши усилия были направлены на то, чтобы держать судно по ветру, так как, попади мы между волнами в поперечном положении, нам не было бы спасения. Когда сила первой приливной волны немного уменьшилась, мы начали понемногу ползти с места и, наконец, оказались вне всякой опасности. Наши товарищи, которым пришлось пройти это место спустя приблизительно часа полтора после нас, не испытали при проходе его ни малейших затруднений. Отсюда совершенно ясно видно, что все это затруднительное положение возникло для нас только в момент первой встречи обоих течений, так как уйти обратно мы не могли из-за сильного западного ветра и большой волны, а продвижению вперед мешало сильное восточное течение. Если бы в этот момент руль или паруса получили какое-нибудь повреждение, мы несомненно пропали бы без малейшей надежды на спасение.

Пройдя, таким образом, 26 сентября пролив и определив по счислению, что южная оконечность Камчатки расположена на 51°30′ северной широты, мы продолжали итти курсом на северо-запад по направлению к Авачинской бухте. Слева от нас виднелись сплошь горы. Шли мы на большой глубине, 27 сентября подошли к Авачинской бухте, однако тут встретили густой туман и штормовую погоду, так что входа в бухту не могли разглядеть. Мы были вынуждены поэтому снова выйти в море. Там нам пришлось перенести сильный

шторм, с грозой; лодка, которая шла на буксире у нашего судна, погибла при этом, по всей вероятности, из-за повреждений, полученных ею в проливе, когда ее ударяло о борт нашего корабля, как о том рассказано выше.

Наконец, 6 октября 1740 года удалось войти в Авачинскую бухту и в тот же день стать на место зимовки, которое мы назвали Петропавловским портом, поскольку оба наших судна, носившие имена святых Петра и Павла, были первыми кораблями, которые воспользовались этой гаванью.

Петропавловская гавань расположена на 53° северной широты и 127°45′ восточной долготы от Санкт-Петербурга; вход в Авачинскую бухту расположен примерно на восемь или десять минут южнее, а ширина этого входа равна приблизительно трем или четырем стам саженям. При следовании средней частью входа курсом на NNW и NWtN глубина фарватера равна восьми, девяти, десяти и одиннадцати саженям, при песчаном грунте; плавание по нему совершенно безопасно во всех отношениях. Следует, однако, иметь в виду, что при входе в гавань с правой стороны по фарватеру лежит несколько подводных камней, на которых глубина составляет не более девяти футов; этих камней следует опасаться. Длина бухты равна трем или четырем немецким милям, ширина, примерно, такая же; бухта отлично защищена от всех ветров, только ветер с SOtS проникает со стороны моря через расщелину между горами. В Петропавловской гавани с удобством могут разместиться на зимовку до двадцати кораблей. В случае необходимости, вполне возможен проход туда без якорей и снастей, так как грунт там совершенно мягкий, а гавань настолько защищена, что никаких аварий опасаться не приходится. При юго-восточном и северо-западном ветрах в новолуние и полнолуние бывают сильные приливы с подъемом воды на восемь-девять футов. В этой же бухте есть еще три гавани, где может безопасно стать на зимовку большое количество кораблей. В начале мая возможен выход оттуда в море без особого труда и без особых препятствий со стороны льда, так как сама бухта никогда полностью не замерзает. Короче говоря, это наилучшая гавань, которую мне приходилось когда-либо видеть в своей жизни. Повсюду имеется также в изобилии пресная вода; наилучший источник воды находится далеко в глубине бухты—в виде впадающей туда речки, остальные источники вытекают из болот, и вода в них не так хороша. О существовании бухты нам было известно, конечно, и ранее, однако мы не знали, имеются ли там такие места, в которых возможна зимовка. Для выяснения всех этих вопросов

в 1739 году был послан на разведку Иван Елагин, в то время штурман, ныне капитан-лейтенант, — толковый моряк и храбрый офицер.[35] К нашей радости, он привез нам оттуда очень подробное донесение. Он построил там дома и склады, в которых мы могли на время зимовки разместиться со всей нашей командой.

О нашей зимовке на Камчатке в Петропавловской гавани, о наших приготовлениях и что случилось там в это время.

После того как мы сняли такелаж с наших кораблей и подготовили их к зимовке, главной заботой стал вопрос о том, как сберечь запасы морского провианта. Было принято решение кормить команду в течение зимы рыбой и олениной и выдавать ей половинную норму хлеба с тем, чтобы будущей весной, к моменту отправки кораблей в плавание, мы не испытали задержки из-за необходимости пополнения наших хлебных запасов. Сушеной рыбой мы могли запастись в нужном количестве у камчадалов, а северные олени в количестве нескольких сот голов уже заранее были закуплены за счет экспедиции. Они находились все это время на пастбище, нагуляли жиру и были в отличном состоянии; их мясо оказалось весьма приятным на вкус.

Особую заботу причинял нам вопрос о том, как переправить на место запасы провианта, доставленного двумя провиантскими судами в Большерецк. Его предстояло перевезти сушей на расстояние около тридцати немецких миль. Так как лошадей на Камчатке не водится, то надлежало совершить перевозку на собаках. Между тем, в Большерецке оказалось невозможным собрать столько собачьих упряжек, сколько понадобилось бы для перевозки, а потому пришлось разослать людей на расстояние от тридцати до сорока немецких миль к камчадалам, чтобы согнать их в Большерецк вместе с собачьими упряжками. За перевозку груза упряжкой из восьми собак, поднимающей четыреста фунтов, им платили из того же расчета, как в России платят за одну лошадь. Для некоторых камчадалов это оказалось, однако, непривычным делом, о таких перевозках им никогда не приходилось до того слышать, и большинство местных жителей не привыкло удаляться от места своего жительства далее чем на пять миль.

Вид Петропавловской гавани в 1779 г.

Теперь же их заставили (по их мнению) итти на край света и к тому же со своими собаками, которых они любят превыше всех земных сокровищ. Деньгами они вовсе не соблазнялись, денег они вообще не употребляют, они им вовсе не нужны, и большинство едва ли даже понимает, что такое деньги. Поэтому они взбунтовались, убили нескольких посланных к ним людей и бежали затем из своих становищ.

Для расследования и поимки виновных в убийстве был командирован лейтенант пехоты Василий Левашов с отрядом в пятьдесят солдат, хорошо вооруженных и снабженных амуницией. С большим трудом удалось найти бунтовщиков, которые собрались на сорвавшейся с гор и откатившейся далеко в сторону скале, окруженной со всех сторон водой так, что добраться до них было крайне трудно. Решено было взять их измором, а тем временем бросили в их лагерь несколько ручных гранат, которые и произвели хорошее действие, так как немалое число самих камчадалов, а также их жен и детей было ими убито.

Дело в том, что вначале они вовсе не понимали, что собой представляет граната, и когда она падала к ним, все сбегались поглядеть на нее, становились кольцом вокруг гранаты, со смехом и с удивлением ее рассматривали, допытываясь, что бы это могло означать. Когда же граната, наконец, взрывалась, то очень многих из них калечила, а немалое число и убивала. Увидев себя в таком безвыходном положении и не находя способов помочь себе в этих обстоятельствах, они спустились с горы и вышли на берег, чтобы отдаться в наши руки. [36] Всех их доставили в Авачинское к главному командиру. Здесь было наряжено следствие, при котором их сильно пытали кошками, [37] с целью узнать виновных в убийстве, что и удалось; после того все материалы следствия были отправлены нами по начальству. Какое наказание потерпели они впоследствии, мне, однако, неизвестно. Упомянутые выше высокие скалы падают с гор при сильных землетрясениях, весьма часто и в очень сильной степени случающихся в этих местах. Мне ни одной зимы не пришлось прожить на Камчатке, когда бы два или три раза не случилось испытать землетрясение, в особенности в последнюю зиму, которую пришлось там провести. В 1742 году в декабре в ночное время произошло такое сильное землетрясение, что мы боялись, как бы не опрокинулись все наши постройки. Койка, на которой я спал и которая стояла у стены, оказалась переброшенной на середину комнаты. Следуя вдоль восточного берега Камчатки, приходится также наблюдать во многих местах громадные каменные столбы высотой от двадцати до тридцати сажен, стоящие вертикально на расстоянии

двухсот и более сажен от берега. Впоследствии вблизи американских берегов пришлось видеть подобные же столбы.

Возвращаюсь, однако, к рассказу о перевозке наших запасов продовольствия из Большерецка. После того как было собрано от четырех до пяти тысяч собак, мы начали перевозку по первому санному пути и продолжали ее в течение всей зимы. Плату за перевозку, как указано выше, мы выдавали камчадалам аккуратно за каждую поездку. Убедившись, что их при этом не обижают, и привыкнув к такого рода работе, они никаких дальнейших препятствий не чинили. Благодаря этой перевозке мы запаслись полностью всем необходимым и обеспечили себе возможность ранней весной, без каких-либо дальнейших проволочек, выйти в море. Вместе с тем были приняты меры к тому, чтобы немедленно по вскрытии льда оба наших провиантских судна отправились из Большерецка в Авачинскую бухту с остатком продовольствия, которого не удалось перевезти к нам в течение зимы; приказано было по возможности погрузить весь оставшийся груз на одно судно. Весь груз был поэтому помещен на одно судно, [38] и последнее благополучно прибыло на Авачинский рейд, где и застало нас. Мы приняли на оба наши судна также ржаной муки и крупы, сколько только могли взять на борт; остальное было выгружено в склады Петропавловской гавани.

Третьей нашей задачей и заботой было уяснить себе и договориться, каким курсом итти прежде всего из Авачинской бухты. В течение всей зимы между офицерами шли рассуждения о курсе на восток и северо-восток; такой курс (как мы впоследствии, к сожалению, должны были убедиться) в действительности был бы самым правильным. Был созван совет из всех офицеров и штурманов, на который, согласно инструкции, был приглашен прикомандированный к экспедиции профессор астрономии Делакройер, француз по происхождению. Последний представил на совещании карту, составленную (как мы впоследствии установили) на основании ложных и неосновательных данных. [39] На этой карте была показана так называемая земля Хуана де Гамы в направлении SOtO от Авачинской бухты, расположенная на 47,46 и 45° северной широты и далее к югу, примерно на 13° долготы к востоку от Авачинской бухты. На основании представленной карты мы единодушно решили исследовать эту землю, и все согласились одобрить курс на SOtO, которым следовать до 46° северной широты с отклонением к востоку по долготе на 13°. Это решение подписали все участники совещания. [40] Таким образом, я описал все наши работы и приготовления во время зимовки на Камчатке.

О нашем путешествии из Камчатки в Америку, что является третьей задачей нашей экспедиции, открытии нами неизвестных стран и островов, происшедших несчастных случаях и о прочем, виденном и пережитом нами.

В предыдущей, десятой, главе я уже сообщил о том, что наши корабли вышли, наконец, на Авачинский рейд, а следовательно, были вполне готовы к плаванию. Единогласно был также намечен первоначальный курс, которым предстояло итти в море, и сделаны все прочие приготовления, необходимые при дальнем морском плавании. Теперь я могу перейти к описанию самого нашего плавания.

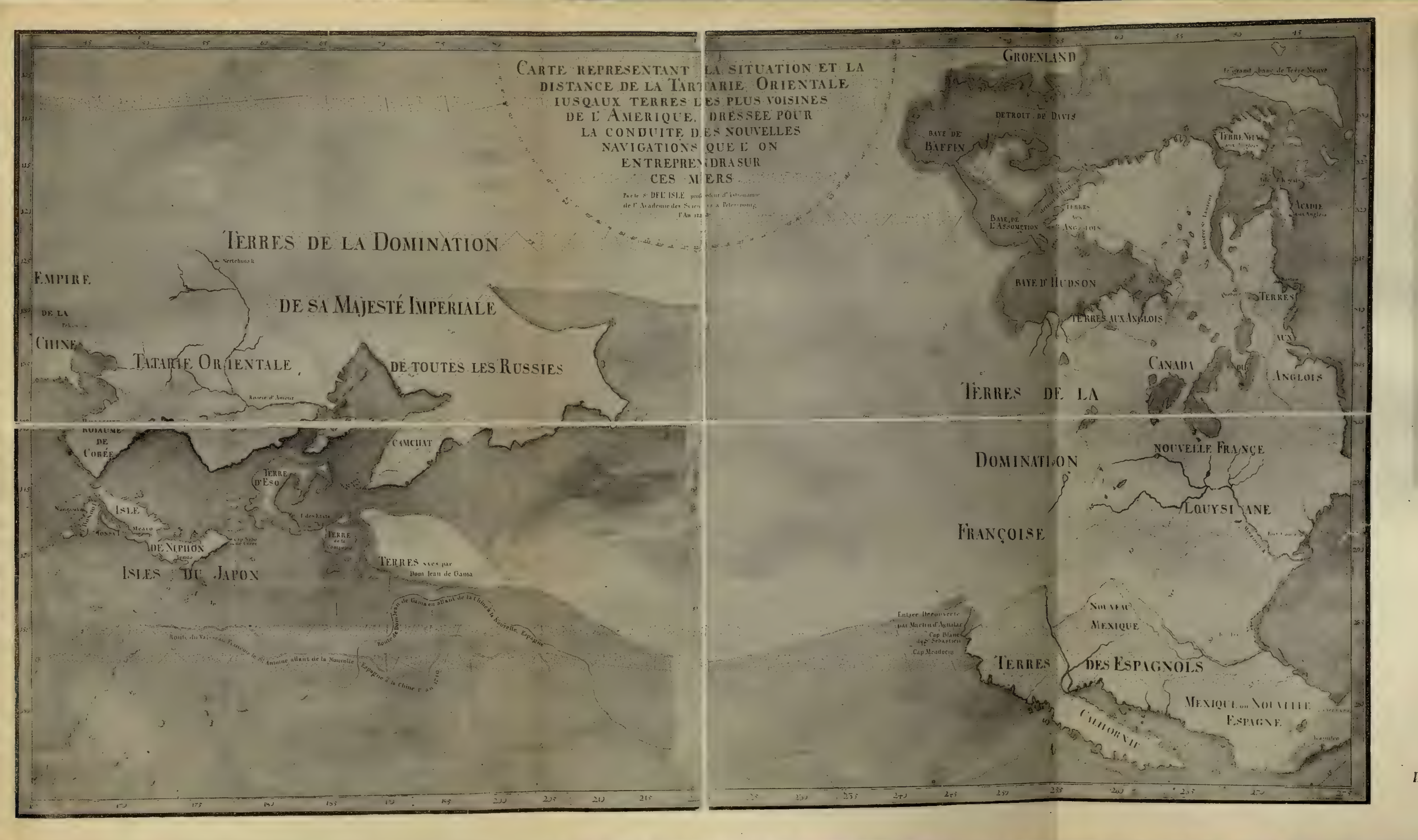
4 июня 1741 года мы с божьей помощью вышли под парусами при попутном ветре из Авачинской бухты в открытое море. Пакетбот «Св. Павел» вышел из бухты раньше, чем «Св. Петр», на котором я находился, и ожидал нас в открытом море. Соединившись, мы поплыли, как и условлено было на совещании, курсом SOtS до 46° северной широты. Кроме того, было условлено, что если к тому времени мы не встретим земли, то изменим курс на O и OtN, а если, идя этим курсом, повстречаем землю, то пойдем вдоль ее берега курсом NOO или NW до 65° северной широты, а затем пойдем прямо на запад до Чукотского носа, который является самой восточной оконечностью Азии, чтобы определить действительное расстояние по широте между Северной Америкой и Азией. Мы рассчитывали уложиться в нашем плавании в такие сроки, чтобы к концу сентября снова вернуться в Авачинскую бухту. Все эти наши расчеты в действительности полностью оправдались бы, если бы вместо курса SOtO пошли курсом OtN, так как этим последним курсом мы через восемь дней могли бы достичь материка Америки.[41] На самом деле, однако, мы были все введены в заблуждение вышеупомянутой неверной картой и поплыли не только до 47-го, но даже до 45-го градуса северной широты, причем ушли на шестнадцать градусов к востоку от Авачинской бухты. А между тем, прежде чем выйти за пределы 47-й параллели, мы отошли к востоку на целых двадцать шесть градусов, так как, не найдя земли до широты 45°, мы изменили курс на OtN и ONO. Отсюда ясно видно, что упомянутая карта была неверной и лживой, ибо в противном случае мы должны были бы перескочить через землю Хуана де Гамы. В этой карте я нахожу столько же

истины, сколько в известии о мифической стране Иездо, о чем подробно рассказано в восьмой главе. Было бы, однако, честнее сперва исследовать на самом деле такие неизвестные земли, прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии берегов земли Иездо или земли де Гамы; в противном случае многие честные и храбрые люди, по необходимости бороздящие моря, бессовестно и возмутительно обманываются. А таким людям, которые берутся утверждать непроверенные вещи, основанные только на предположениях, я бы посоветовал лучше совсем молчать, а если им уж так хочется пофантазировать и порассуждать, то делать это про себя и не давать посторонним людям в руки плодов своей фантазии, тогда по крайней мере никто не был бы обманут их домыслами. Ведь громадная разница существует между составлением карты по донесениям, известиям, предположениям и отвлеченным домыслам и составлением карты на основании личного опыта, собственных наблюдений и трудов. Быть может, я слишком подробно останавливаюсь на этом вопросе, но я никак не могу оставить его, потому что кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью.

В таком состоянии растерянности и раздражения на широте 50° в бурю и туман мы разлучились с нашими товарищами, плывшими на «Св. Павле». По условию мы искали его в течение трех дней на той же параллели, на которой потеряли, но не могли, однако, найти. Мы пошли до 45° северной широты, затем повернули на OtN и ONO до 46° широты и отклонились на 26° долготы к востоку от Авачинской бухты, как уже указано выше.

Так как, однако, на всем этом пути мы не только не увидели земли, но и не встретили ни малейших ее признаков (вроде птиц, плавника, водорослей и тому подобных предметов, обычно встречающихся вблизи берегов), то мы начали менять наш курс на несколько более северный, как NO, NNO и, наконец, N. Мы с уверенностью рассчитывали таким путем встретить какие-нибудь земли, так как отошли уже на пятьдесят градусов по долготе к востоку от Авачинской бухты.

Об одном происшествии я не могу не рассказать. На довольно дальнем расстоянии справа по ходу корабля мы увидели на поверхности воды какой-то черный предмет, над которым кружилось множество морских птиц всевозможных пород. Мы не могли догадаться, что это такое, бросили лот, которым не

Надпись на обороте карты

Карта И. Н. Делиля 1733 г.

достигли дна, несколько изменили курс так, чтобы черный предмет, увиденный нами, остался не слишком далеко от нас, и в конце концов сумели разобрать, что это не что иное, как мертвый кит; тогда мы подплыли поближе к нему. Вначале мы были несколько встревожены и полагали, что это, возможно, каменный риф, которого нам следовало опасаться, так как, плавая в совершенно неизвестных и никем не описанных водах, никогда нельзя быть уверенным в том, что все обстоит благополучно. Убедившись, однако, в ошибочности такого предположения, мы снова успокоились и продолжали наше плавание, в общем, в направлении к северу. 16 июля, когда мы по обсервации находились на 58°38′ северной широты, а по счислению отошли по долготе на 50° от Авачинской бухты к востоку, мы увидели землю к NtW от нас на расстоянии примерно двадцати пяти немецких миль от корабля.[42] Перед нами находились необычайно высокие горы, покрытые снегом.

Мы поплыли дальше, стремясь подойти ближе к берегу, но из-за небольшой силы и переменчивости направления ветра не могли достигнуть его ранее чем 20 июля, когда вечером в 6 часов бросили якорь на глубине двадцати двух сажен на мягком глинистом грунте вблизи довольно большого острова, расположенного неподалеку от материка.

В 8 часов вечера мы послали к берегу шлюпку с заданием — разыскать пресную воду и нашу большую лодку с флот-мастером, ныне капитаном, Софроном Хитрово, чтобы подробнее разведать бухту и побережье и выяснить, не найдется ли более удобного рейда или гавани. Лодка скоро вернулась к кораблю, и Хитрово доложил, что в проходе между несколькими островами, расположенными в недалеком расстоянии, имеется хороший рейд, в котором можно укрыться от ветров почти всех направлений.

Капитан-командор Беринг, видимо, был не очень расположен оставаться долго на этом месте. Хитрово рассказал, что на одном из островов он обнаружил несколько небольших построек, по всей вероятности, возведенных жителями материка, приезжающими на этот остров для рыбной ловли. Он заметил также, что местные жители очевидно имеют топоры и ножи, так как их постройки обшиты гладкими досками и украшены резьбой. Обитателей домов на месте не оказалось, возможно, что они спрятались на самом острове. Посланная шлюпка также вернулась на корабль и привезла известие, что удалось найти пресную воду. Найдены были также два костра, в которых огонь еще не погас, дорожки, на которых заметны были следы недавнего прохода людей, и заготовленные дрова. Матросы

встретили также пять живых красных лисиц, которые бегали взад и вперед и совершенно не боялись людей. Найдено было также в этом месте небольшое количество копченой рыбы, из которого четыре или пять штук было доставлено на борт корабля. Эти рыбы оказались очень вкусными и по размерам и внешнему виду напоминали крупных карпов.[43]

Немедленно же мы приступили к доставке пресной воды обеими нашими лодками. Воду мы брали с того большого острова, перед которым стояли на якоре.

На этом острове мы обнаружили также земляную юрту, а в ней разбросанные домашние вещи — явные признаки того, что там еще совсем недавно были люди, которые, видя наше приближение, по всей вероятности, спрятались в лесу. Остров оказался покрытым довольно густым лесом, по большей части еловым. После того как мы полностью запаслись водой, мы послали нашу шлюпку на берег, чтобы положить в упомянутую земляную юрту несколько подарков для их обитателей. Подарки эти состояли из куска ситца или гладкого полотна зеленого цвета, двух железных тарелок, двух ножей, двадцати больших стеклянных бус, двух железных курительных трубок и фунта листового табака.

Как только шлюпка вернулась на корабль, мы подняли якорь и 21 июля ровно в 6 часов утра отошли от этого места. На нашей карте мы пометили название этого места «мыс св. Илии», так как оно представляло собой длинную выступающую полосу земли, а по нашему календарю день, в который мы прибыли к этому месту, был обозначен днем св Илии.[44] Мы намеревались следовать вдоль берега, и только тут с полной ясностью поняли жестокий обман, жертвой которого сделались, пользуясь упомянутой уже ранее неверной картой. Вместо того, чтобы плыть, как мы рассчитывали, до 65°, мы вынуждены были спуститься к югу до 62°, а затем еще до 48°, а на обратном пути нам встретились громадные трудности, ибо как только мы намеревались направить курс для дальнейшего продолжения путешествия, в полной уверенности, что не придется опасаться каких-либо препятствий, так всякий раз вахтенный докладывал о том, что впереди по обе стороны видна земля. Приходилось каждый раз поворачивать обратно в открытое море, и таким образом попутный ветер поневоле обращался для нас в противный.

Не раз мы ночью проходили мимо крупных островов, которых не удавалось видеть. Что это действительно были острова, я заключаю из того, что временами в течение 2—3 часов при неизменном ветре и погоде корабль плыл среди значительно меньших волн и шел совершенно спокойно, а затем вдруг снова

попадал в крупную океанскую волну, так что мы едва справлялись с управлением кораблем. В особенности испугались мы однажды темной ночью, после того как в течение нескольких дней не видели земли и вдруг около полуночи попали на глубину в двадцать сажен. Мы произвели измерения по сторонам корабля, чтобы определить, как сойти с этого рифа или грунта (так как не знали, что он собой представляет), но во всех направлениях, куда мы ни шли, глубина оказывалась еще меньше. Я был в полном недоумении, что же надлежит предпринять. Бросить якорь, не зная, близко или далеко от берега мы стали, также было рискованно, тем более, что поднялся сильный ветер и началось сильное волнение. Я решил тогда направиться прямо на юг; в течение долгого времени глубины оставались неизменными; наконец, мы вышли на глубокую воду.

Спустя несколько дней в туманную погоду нам пришлось пройти мимо какого-то острова на глубине семи или восьми сажен. Мы с большой поспешностью бросили якорь, а когда туман рассеялся, то оказалось, что мы уже прошли мимо острова и остановились на расстоянии не более четверти мили от него. Этот остров мы назвали на нашей карте «Туманным островом».[45]

Уже кончался август. Наши люди стали сильно хворать цынгой. Запас пресной воды понемногу приходил к концу, и мы решили снова поискать землю, чтобы возобновить запас воды. 29 августа мы увидели землю с севера, а так как мы заметили, что там расположено много островов и что прибрежная линия материка имела очень пересеченный вид, то и направились прямо к берегу и 30 августа стали на якорь между несколькими островами. На нашей карте мы обозначили эти острова Шумагинскими, так как там похоронен первый умерший из нашей команды, а имя его было Шумагин. Эти острова расположены на 55°25′ северной широты и 25° восточной долготы от Авачинской бухты. Мы немедленно послали нашу шлюпку со штурманом Андреем Гейзельбергом на один из самых больших островов, чтобы поискать пресной воды. Он пробыл там недолго и привез нам две пробы воды, качество которой нам показалось не очень хорошим, так как вода имела совсем слабый привкус соли. Мы не могли, однако, терять времени на поиски и полагали, что лучше иметь такую воду, чем никакой, во всяком случае она была вполне пригодна для приготовления пищи, а для питья мы могли при некоторой экономии обойтись прежней водой и, таким образом, не страдать от недостатка пресной воды.[46] Немедленно же были приняты меры к доставке воды в возможно большем количестве, какое только в состоянии была поднять наша большая лодка. Эта работа продолжалась

всю ночь. Судно стояло на не вполне безопасном месте, так как оно было совершенно открыто действию южных ветров, и мы не видели никакой возможности от них укрыться. Мы торопились поэтому как можно скорее запастись водой, чтобы без всякой задержки снова выйти в открытое море.

Ночью мы заметили огонь на берегу небольшого острова к NNW от нас, приблизительно на расстоянии трех немецких миль. Утром вахтенный офицер[47] доложил мне, что было бы целесообразно воспользоваться временем, пока наша большая лодка занята подвозкой воды, и послать шлюпку на этот маленький островок, чтобы исследовать происхождение виденного нами огня. Я ответил ему, что справедливость его предложения совершенно бесспорна, но что не менее правильно сперва обеспечить безопасную стоянку судна и людей, прежде чем посылать маленькую шлюпку в такую далекую поездку. Как он сам отлично видит, мы стоим на якоре далеко не в безопасном месте; если поднимется более или менее свежий или сильный ветер, наши якорные канаты могут не выдержать и разорваться, а в таком случае нам придется немедленно выйти в открытое море. Между тем, при противном ветре даже средней силы маленькая шлюпка не может итти против ветра так далеко и вернуться благополучно на корабль; в таком случае неизбежно погибнут как сама шлюпка, так и наши люди. Он же доказывал противное и не видел никакого риска в отправке шлюпки.

Зная, что появление огня на берегу уже отмечено в судовом журнале, и не желая подвергать себя ответственности по этому случаю, я счел необходимым доложить о сделанном мне вахтенным офицером представлении капитану-командору Берингу, который уже в течение долгого времени лежал больной. Он тотчас же решил, что если вахтенный офицер настаивает на своем представлении, то, по справедливости, следует его самого и послать. Капитан-командор немедленно отдал ему письменное распоряжение ехать к тому месту, где был замечен огонь; также даны были ему указания, как держаться с людьми, если он их встретит на берегу. Немедленно была приготовлена шлюпка. Вахтенный офицер подобрал себе нужных людей, всего шесть человек, в числе их и переводчика, который должен был ехать вместе с ним. Мы снабдили их оружием и припасами, а также дали с собой несколько мелких вещей для подарков местным жителям, если бы они им встретились. Они отплыли от судна утром и благополучно достигли острова; там они нашли костер, в котором еще не погас огонь, но люди уже исчезли. На острове не оказалось ничего примечательного.

Остров Каяк (с юго-востока) — мыс св. Ильи (с запада)

Вскоре после полудня они покинули остров, встретили, однако, сильный противный ветер, вследствие чего не могли добраться до нас. Они вынуждены были поэтому держаться по ветру и для спасения своей жизни пристать к другому острову, оказавшемуся поблизости. Причалить туда им, однако, удалось лишь с опасностью для жизни, так как громадные и сильные волны, накатывавшиеся на берег, заполнили шлюпку водой и выбросили их вместе с шлюпкой на берег. Следует поставить в заслугу офицеру, что он сумел поставить на шлюпке парус и не побоялся пойти на нем прямо в прибой волн. Если бы не это, то почти невозможно представить себе, как бы им удалось достичь берега, — волны несомненно поглотили бы шлюпку или даже смыли бы из нее людей. Выйдя на берег, они немедленно развели большой костер, чтобы обсушиться, обогреться и дать знать о себе кораблю, в надежде получить оттуда при малейшей возможности помощь, так как они понимали, что попали в большую беду. В это время ветер крайне усилился.

Так как мы стояли в незащищенном месте, мы вынуждены были поднять якорь и укрыться за другим островом. Увидя, что мы снимаемся с места и ставим паруса, команда шлюпки, находящаяся на берегу, решила, что мы уходим в открытое море. К тому же стемнело, поднялся туман, и они нас больше не видели. Оставшихся на берегу людей охватило отчаяние; они были уверены, что для них не осталось никакой надежды на спасение. Переводчик-чукча, видя их отчаяние и громкие жалобы, пытался ободрить их и внушить им мужество. Он говорил, что на корабле остались честные и смелые люди, которые не бросят товарищей в беде, и если кораблю придется выйти в открытое море, а оставшимся пробыть некоторое время одним в ожидании помощи, то нет опасности умереть голодной смертью: на острове есть морская капуста (это — морское растение), выброшенная морем в большом количестве, она вполне пригодна в пищу, ею можно питаться, и из моря можно добывать этой морской капусты сколько понадобится.

Моим милым друзьям пришлось ограничиться этим утешением, так как ничего лучшего у них под руками не было, а затем они улеглись спать под открытым небом. Кто мог, уснул немедленно, а кто не мог уснуть, те плакали втихомолку, пока не устали от слез и тоже в конце концов уснули.

На следующее утро моей первой заботой было послать за ними нашу большую лодку, и хотя ветер продолжал бушевать с большой силой, как только забрезжило утро, лодка была отправлена.

Офицеру, командовавшему шлюпкой, я послал письменное приказание немедленно, без малейшей задержки погрузиться со своими людьми в большую лодку и вернуться на борт корабля, так как мы намерены без дальнейших задержек отправиться в море. Если бы оказалось несколько затруднительным привести с собой шлюпку, то из-за этого ему не надлежало задерживаться, а бросить шлюпку на берегу. Мое приказание было на сей раз в точности и без задержки выполнено. Они с большим трудом, по горло в воде, добрались до лодки и в 7 часов утра 3 сентября вернулись на борт корабля. Шлюпку пришлось оставить на американском острове в качестве невольной жертвы. Одним словом, получилось так, как я предсказывал моим друзьям, с тем только отличием, что наши люди остались целы и не погибли. Своим спасением они обязаны скорее моей распорядительности, чем своему собственному благоразумию, хотя я с своей стороны и выполнил не более, чем служебный долг.

Между тем разыгрался сильный юго-западный шторм, сопровождавшийся большим ливнем. Мы стояли на двух якорях и подготовились к немедленному спуску третьего запасного якоря на случай, если бы обстоятельства этого потребовали.

Собрав, наконец, всех наших людей в безопасное место, мы решили выйти в море и ровно в 10 часов утра поставили паруса. Мы отошли от берега, идя на глубине шестнадцати, восемнадцати, девятнадцати, двадцати, двадцати двух, двадцати трех и двадцати восьми сажен. Ветер перешел в южный и стал, таким образом, для нас противным. Это помешало нам выйти в открытое море, к тому же там свирепствовала буря. Берег был весь усеян островами, вблизи которых, как обычно принято полагать, легко встретить подводные камни и рифы; оставаться на ночь в таком неприятном соседстве казалось очень рискованным. Мы решили поэтому своевременно, еще до наступления темноты, повернуть и поискать лучшего места стоянки. В 6 часов вечера мы подошли к двум островам на расстояние трех немецких миль к востоку от места, откуда мы ушли утром; глубина там была пятнадцать сажен, грунт — серый песок с ракушкой. Место оказалось довольно хорошо укрытым от ветра с моря.

5 сентября мы снова пытались выйти в открытое море, но из-за сильного юго-западного ветра вынуждены были снова повернуть обратно и возвратиться назад на то место, откуда ушли и где были вполне защищены от ветра с моря. Мы радовались, что разыскали такое безопасное место. Ночью опять поднялся сильный шторм с юго-востока. Мы спустили реи

и стеньги и в течение всей ночи отстаивались на двух якорях.

С одного из близлежащих островов мы услышали голоса и крики людей и увидели разведенный там костер. Вскоре показались две небольших байдарки, сделанные из тюленьих шкур. В каждой байдарке сидело по одному человеку, которые подплыли к самому судну на расстояние от пятнадцати до двадцати сажен.

Так как мы не могли с ними разговаривать, то они делали нам разнообразные знаки и сигналы и приглашали нас выйти к ним на берег; к нам же на борт они ни за что не желали подняться. Затем они подплыли еще ближе. Мы решили дать им несколько различных мелких предметов в подарок, которые бросили им в воду. Все же не удалось убедить их подняться к нам на борт судна, и они вернулись обратно к себе на берег. Немедленно была спущена наша большая лодка, и я с адъюнктом Стеллером и девятью людьми из команды, взяв с собою оружие и припасы, поплыли к ним на берег. Волны, однако, били с такой силой у острова, на котором они находились, и берег его на всем протяжении был усеян таким количеством больших и острых камней, что нам никак не удавалось высадиться без риска разбить в щепки нашу лодку. Я распорядился бросить якорь на расстоянии около двадцати сажен от берега и подтягиваться постепенно между камнями к берегу, от которого мы стали на расстоянии трех сажен.

Там я увидел девять человек диких американцев, которых стал приглашать самыми дружественными знаками и жестами сесть к нам в лодку, причем показывал различные вещи, которые собирался им подарить. Американцы отвечали также знаками, чтобы я со своими людьми вышел к ним на берег, однако это было невозможно, так как если бы я и мои люди вышли на берег, то наша лодка неизбежно разбилась бы на мелкие щепки. Так как я, к сожалению, не имел при себе никого, кто бы понимал их язык, то я и не мог их ничем убедить. Заметив, однако, их боязнь и недоверчивость и желая доказать им, что мы с своей стороны их нисколько не боимся и что они также не имеют никакой причины нас опасаться, я решил послать на берег трех человек: двух русских и одного чукчу — переводчика. Они сняли одежду и по плечи в воде пошли к берегу. Как только мои люди вышли на берег, один из американцев сел в свою байдарку и подплыл ко мне. По всей видимости, это был один из старейшин и, по всей вероятности, наиболее знатный из них всех. Я угостил его чаркой водки, которую он взял в рот, но, однако, немедленно выплю-

спущено было от него лейтенанта несколько служителей с два на берег. между то-
лмачами был толмач а самому ему было выйти на берег невозможно пото-
[illegible] у берегу бота для сильного ветра и от бурунов и каменья было о-
пасно а стоял близ острова [illegible] американцы взяли то-
лмача нашего в свой стан и дали ему [illegible] он то-
лмач принял от них намерения был итти на бот тогда ж американцы со-
брав было держали его за руки и не пускали на бот потому можно
видеть что они его признали от народа нашего отменна особ[illegible]
него что он был камчатской природы. тогда ж [illegible] для свобод[illegible]
толмача приказал солдатам выпалить на ветер из нескольких ружей а сам
выпалено было тогда они все упали на землю а между тем освободясь
от них возвратился на бот а сам же я намерен [illegible] к боту
тогда ж все оне бросились против бота и за фалень тянули
бот тогда ж все оне бросились против бота и за фалень тяну-
ли бот на берег чего ж ради он [illegible] опасаясь нама-
нея приказал отрубить якорь и отрезать фалень и возвратиться
к пакетботу а [illegible] всем бухту [illegible] острова и
[illegible] виды имеются американцы и их изображения [illegible]
явствуют нарисованные при сем.

Страница из журнала С. Ф. Хитрово
с изображением Шумагинского острова

нул обратно с ужасным криком, как будто рассказывая своим товарищам о случившемся с ним. Я хотел подарить ему кое-какие мелочи, вроде швейных иголок, стеклянных бус, небольшого чугунного котла, курительных трубок и так далее, но он не пожелал ничего от меня принять и ушел обратно на берег.

Я оставался на этом месте почти целый час и все время знаками звал их подойти поближе, но мне не удалось добиться этого. Я пытался говорить с ними, пользуясь английской книгой La Hunton'а — «Описание Северной Америки», [48] которую имел при себе и которая содержит много американских слов с английским переводом, расположенных в алфавитном порядке. Я спрашивал у них про воду, они показали мне небольшой ручей, протекавший поблизости; я спросил про дрова, (так как на острове, где они находились, не росло никаких деревьев), и они указали на другой остров, на котором, как я сам мог видеть, было много деревьев. Я спросил у них также мяса, и они притащили мне большой кусок китового жира. Подобные вопросы я задавал для того, чтобы узнать, действительно ли эти люди — американцы. Так как они на все мои вопросы сразу давали желаемые ответы, то я вполне убедился, что мы находились действительно в Америке.

Между тем наступал вечер, начало темнеть, поднялась бурная погода с дождем, а наше судно стояло на расстоянии примерно четверти немецкой мили от берега. Я приказал трем моим людям, находившимся на берегу, возвратиться в лодку. Двух русских матросов американцы немедленно и беспрепятственно отпустили; переводчика же, чукчу, во внешнем виде которого они усмотрели некоторое сходство с собой, они не пожелали отпустить с берега, а насильно задержали у себя. Я делал им различные знаки, требуя, чтобы они его отпустили, они, однако, не хотели понять моих требований и делали вид, будто не замечают моих знаков. К тому же наш причальный канат был закреплен на берегу, и вместо того, чтобы, как мы рассчитывали, сбросить его в воду, пятеро или шестеро из них взялись за него и стали тянуть к себе изо всех сил, надеясь, вероятно, что наша лодка ударится о камни и разобьется и нам не удастся вернуться на борт корабля и волей-неволей мы останемся у них. Я вынужден был поэтому перерубить канат, чтобы помешать им выполнить свое намерение.

Тем временем они продолжали силой удерживать нашего переводчика, и он никак не мог освободиться, хотя всеми силами отбивался от них и умолял меня слезно не бросать его в таком положении. Эта была излишняя просьба, так как я и мои люди твердо решили не терять ни одного человека,

даже если придется вступить из-за него в борьбу. Я приказал поэтому сделать одновременно два выстрела в воздух из мушкетов. Мои люди имели сильное желание выстрелить в самих американцев, что я, однако, им запретил самым строгим образом. Так как мы находились у подножия высокой горы, то выстрелы из двух мушкетов произвели очень сильный шум, от которого американцы повалились на землю, однако довольно скоро снова поднялись. Тем временем переводчик вывернулся из их рук и добрался до лодки. Американцы так сильно тянули за причальный канат, что якорь лодки подался и застрял под большим камнем, и нам никак не удавалось его высвободить. Пришлось обрубить якорный канат, бросить якорь и вернуться без него на корабль. Отчаливая, я делал им знаки и с улыбкой приглашал их посетить нас на корабле.

Оба русских матроса и переводчик, которые успели побродить немного вокруг места высадки (однако не удаляясь настолько, чтобы потерять нас из виду), сообщили, что видели девять байдарок, изготовленных из тюленьих шкур. В каждой байдарке помещалось по одному человеку; снизу и сверху байдарки были крепко сшиты, в средней части их было устроено возвышение, вроде деревянной чашки, а в середине возвышения было сделано отверстие такого размера, что взрослый человек мог нижнею частью туловища забраться внутрь байдарки и сидеть в ней. Затем кругом байдарки была приделана тюленья шкура в виде мешка, которая при помощи длинного ремня укреплялась вокруг тела. Когда человек сидел в байдарке и закреплялся ремнем, то ни одна капля воды не могла попасть внутрь байдарки. К плаванию по морю на таких байдарках местные жители приучаются с детства и умеют с таким искусством сохранять равновесие (а в этом в большинстве случаев и заключается главная трудность), что могут даже при довольно сильных ветрах разъезжать с одного острова на другой, проходя даже при сильном волнении расстояние иногда по четыре или пять немецких миль. Ни луков, ни стрел, ни другого оружия, из которого можно стрелять и которое в других местах жители обычно постоянно носят при себе, мы не заметили; только у одного из них сбоку был нож, изготовленный совершенно необычным образом: спереди он был широкий и довольно толстый, длина его составляла около восьми дюймов. Верхняя одежда, или парки, была сделана из китовых кишек, разрезанных вдоль и сшитых вместе; штаны — из тюленьих шкур, а шапки — из шкур морских львов (сивучей); шапки были обсажены кругом различными перьями, в большинстве, повидимому, соколиными. Носы у них были плотно набиты какой-то неиз-

вестной острой травой, а когда они вынимали траву, то из носа вытекало много жидкости, которую они слизывали языком. Лица их были раскрашены в красный, а у некоторых в синий цвет;[49] выражение лиц у них было различное, как у европейцев, и не все имели плоские лица, как у калмыков. Ростом они были довольно высоки и хорошо сложены. Их пища, по всей вероятности, состоит из различных морских животных и китового жира, так как большой кусок его они хотели подарить мне. Они едят также различные травы и дикие корни, которые в моем присутствии выкапывали из земли, очищали от песка и съедали сырыми. Я полагаю, что они так же хорошо разбираются в растениях, как камчадалы, которые тоже употребляют в пищу многочисленные коренья, однако никогда не прикоснутся к растению, которое могло бы принести им вред, хотя таких вредных растений разных видов на Камчатке имеется очень много. Дальнейших сведений об американцах, их образе жизни и занятиях я не мог собрать за незнанием их языка, так как при мне не было никого, кто умел бы с ними разговаривать.

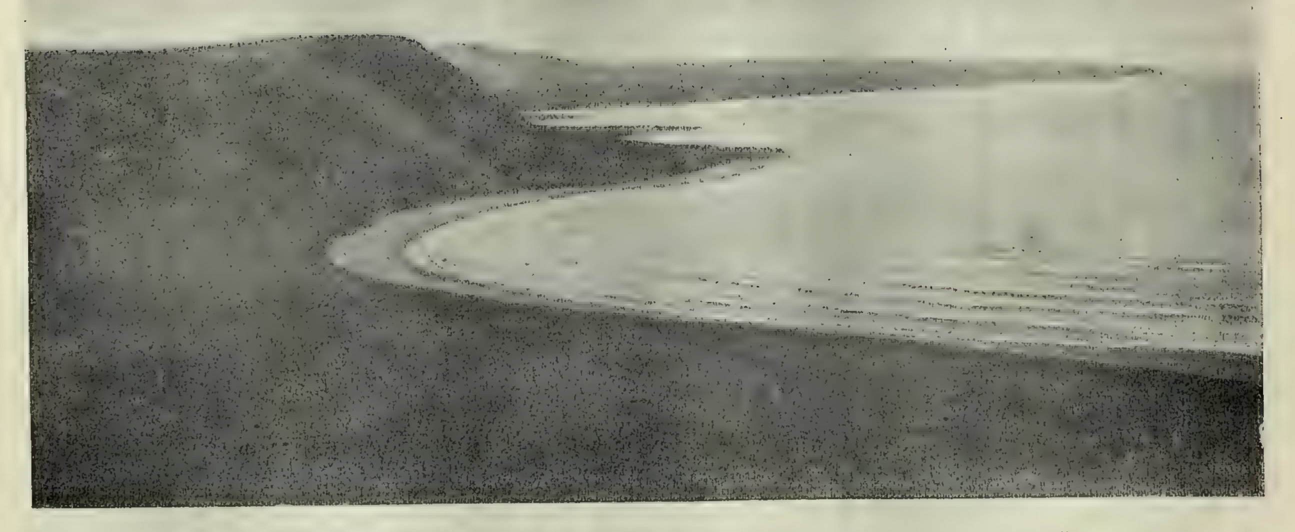
На следующее утро, 6 сентября, к нам подошло семь байдарок, которые остановились совсем близко у нашего корабля; в каждой из них сидело по одному человеку. Двое из них подошли к самому кораблю и пришвартовались к нашему фалрепу. Они привезли нам в подарок две шапки, палку длиной приблизительно в пять футов, на тонком конце которой были укреплены перья птиц разных пород и небольшое резаное из кости изображение человека. Как мы полагали, оно являлось идолом, которому они поклонялись[50]. Они также и от нас приняли подарки и наверно в конце концов пришли бы к нам на корабль, если бы в это время ветер не начал свежеть. Тогда они поспешно направились обратно к берегу и, как только высадились там, собрались все вместе и подняли ужасный крик, который продолжался добрых четверть часа — с какой целью они это делали, я не могу сказать. Во всяком случае, можно думать, что огнестрельное оружие и порох им еще не были известны, так как если бы они знали, что при выстрелах из мушкетов, которые я накануне вечером велел произвести в их присутствии (о чем уже упоминалось выше), некоторые из них легко могли быть убиты, то, по всей вероятности, они не решились бы снова подойти к нашему кораблю на такое близкое расстояние. Я мог бы всех девять человек забрать в плен и даже об этом доложил капитану-командору Берингу, но последний письменно запретил мне это и не велел чинить над ними никаких насилий. Вскоре мы снова поста-

вили паруса, и когда проходили мимо острова, на котором находились американцы, они опять собрались все вместе и начали кричать изо всех сил. Делали ли они это с намерением пожелать нам счастливого пути или же кричали от радости, что мы уходим от них, — об этом я ничего сказать не могу.

Мы взяли направление к югу, чтобы возможно дальше отойти от берега, так как все время держался устойчивый западный и WSW ветер. В течение почти всего времени, которое мы пробыли в открытом море, то есть до 5 ноября, направление ветра оставалось почти неизменным, колеблясь от WSW до WNW, так что я имею основание полагать, что в течение почти всего года в этих местах дуют западные ветры. Если изредка мы встречались с восточным ветром, то он держался не больше нескольких часов, а затем снова перескакивал на западные румбы, на которых и продолжал держаться в течение нескольких недель. К тому же постоянно стояла туманная и облачная погода, иной раз в течение двух-трех недель не удавалось увидеть солнца, а ночью — звезд; следовательно, мы были лишены возможности делать астрономические наблюдения и определять широту, а потому не имели никаких данных для уточнения своего местоположения, определяемого только счислением. Мы должны были плыть в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые, не знающие слишком ли быстро или слишком медленно они передвигаются и где вообще находятся. Не знаю, существует ли на свете более безотрадное или более тяжелое состояние, чем плавание в неописанных водах. Говорю по собственному опыту и могу утверждать, что в течение пяти месяцев этого плавания в никем еще не изведанных краях мне едва ли выдалось несколько часов непрерывного спокойного сна; я всегда находился в беспокойстве, в ожидании опасностей и бедствий. Мы заметили здесь также очень сильное и переменчивое отклонение компаса к востоку или деклинацию на 22, 17, 14 и 11 градусов. Мы шли, по большей части борясь с противными ветрами и сильными штормами, не видя земли до 25 сентября.

В этот день в 3 часа пополудни увидели справа землю с очень высокими горами, а перед ней множество островов, далеко отстоящих от берега. Мы находились в это время, по нашим расчетам, на 51° 27′ северной широты и на 21° 39′ к востоку от Авачинской бухты. Далеко в глубине материка мы заметили высокую гору; на нашей карте мы обозначили ее под названием горы св. Иоанна.

Так как в течение долгого времени мы не имели возможности определить широту по солнцу, то уже впоследствии мы

Остров Беринга, устье реки Командор. Место крушения „Св. Петра“

установили, что южная оконечность этой земли расположена на 52° 30′ северной широты. Так как мы не могли подойти к этой земле, то нам пришлось снова повернуть к востоку. Тут мне опять пришлось помянуть недобрым словом ту проклятую неверную карту, о которой я несколько раз уже упоминал. Держался штормовой южный ветер, и все же пришлось поставить паруса на марсе, чтобы нас не прибило к берегу. На следующее утро мы уже не увидели земли и считали поэтому, что отошли от нее на приличное расстояние, а так как шторм все еще усиливался, то мы спустили паруса и легли в дрейф.

Между тем к 4 октября от постоянного шторма и сырости из-за дождей многие из нашей команды заболели. Они до такой степени были разбиты цынгой, что большинство из них не могло шевельнуть ни рукой, ни ногой и тем более не могло работать. При этом, однако, они испытывали сильнейший аппетит, для удовлетворения которого у нас, к сожалению, оставалось очень мало провизии, равно как уже в течение нескольких недель у нас не было водки, от которой наши больные, пока мы имели возможность ее давать, испытывали немалое облегчение. Многие из наших людей стали в это время помирать, так что редко проходил день, когда бы нам не приходилось бросать в море покойников.[51] Ветер все еще сохранял направление с запада, так что пришлось и в дальнейшем лежать в дрейфе до 12 октября, когда мы по счислению находились на 48° 18′ северной широты (ибо нам приходилось все время итти по счислению, не имея никакой возможности определиться по солнцу).

Когда шторм немного утих, мы снова, насколько возможно, старались продвинуться к западу и по пути открыли три небольших острова, которые на нашей карте назвали: первый остров св. Маркиана, второй — св. Стефана и третий — св. Авраама. Острова эти расположены примерно в сорока или пятидесяти милях друг от друга в направлении приблизительно от WtN к OtS, между 51 и 52° северной широты. В нашей команде оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном. Паруса к этому времени износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими за отсутствием людей я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту. Когда же вахтен-

ный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, находившемуся в таком же состоянии, приходилось его сменять у штурвала. Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы. Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли их снова убрать. И при всем том стояла поздняя осень, октябрь-ноябрь, с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, градом и дождем. К тому же мы не имели понятия, что может встретиться нам по пути, и каждую минуту были готовы испытать последний гибельный для корабля удар. Немногие державшиеся на ногах люди были до последней степени изнурены и пали духом настолько, что просили не поручать им больше никакой работы, так как чувствовали себя совершенно обессилевшими. Чтобы избавиться от своего ужасного состояния, они нередко призывали смерть, говоря, что предпочитают лучше умереть, чем вести такой образ жизни. В пресной воде у нас также появился недостаток, короче говоря, мы испытывали самые ужасные бедствия.

Наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать. Я старался поднять мужество своих матросов и уговаривал их (ибо силу я уже не мог применить, так как люди были близки к отчаянию), чтобы они не падали духом и не отказывали мне в помощи по мере оставшихся сил. Я обещал им, что если мы, с божьей помощью, вскоре увидим землю, мы сразу же причалим туда, чтобы спасти свою жизнь, — пусть то будет хоть какой бы то ни было берег, затем, быть может, найдем какие-нибудь средства, чтобы обеспечить дальнейшее наше возвращение. После этого некоторые из матросов через силу заставляли себя выходить на палубу и по мере возможности принимали участие в работах.

В таком ужасном состоянии мы дрейфовали по морю в разных направлениях до 4 ноября, когда в 8 часов утра увидели землю — высокие горы, покрытые снегом.

В течение долгого времени мы не могли определить свое положение по солнцу. Вместе с тем вследствие продолжительного плавания в шторме и непогоде мы не были уверены в правильности сделанных нами определений, встреченные же нами земли были неизвестны не только нам, но никому на свете. Ввиду этого мы и не имели никакой возможности с точностью определить землю, которую мы, наконец, увидели, тем более, что в течение пяти месяцев плавания мы ни разу не встретили на своем пути изведанную и описанную землю, исходя из

чего могли бы исправить и привести в порядок наши судовые журналы и расчеты. Мы не имели ведь даже морской карты, которой могли бы руководствоваться, но шли как слепые, ощупью, не зная куда идем. Единственным нашим пособием была чистая меркаторская карта, которую мы сами себе изготовили перед выходом из Камчатки и на которой мы ежедневно отмечали суточный переход во время плавания к востоку; по этому же пути нам следовало возвращаться обратно. Все это получилось бы в конце концов неплохо, если бы нас не ввела в заблуждение неоднократно уже упомянутая мною неправильная карта.[52]

Мы находились еще на довольно большом расстоянии от земли и с наступлением вечера вследствие темноты и облачности не могли ее разглядеть, ветер же очень усилился. Мы были вынуждены в течение ночи поставить много парусов, чтобы нас не поднесло близко к берегу. На следующее утро, то есть 5 ноября, мы обнаружили, что все главные снасти по правому борту лопнули, а под рукой не было людей, которые могли бы при помощи обычных инструментов их починить. Оказалось также, что ванты на грот-стеньге также разорвались с правой стороны, почему пришлось убрать грот-марс и грот-рею, чтобы не потерять грот-мачты. Увидя, что мы находимся в таком угрожаемом и беспомощном состоянии, я доложил об этом капитану-командору Берингу, который уже в течение многих недель не покидал постели. Он приказал собрать в его каюту всех старших и младших офицеров, а также всю команду, чтобы держать совет: как поступить лучше всего, чтобы добиться спасения. При этом пришлось принять во внимание, что большинство наших людей были больны и значительнейшая часть их уже в течение долгого времени не в состоянии была покинуть постели, так что не оставалось никого, кто бы мог обеспечить управление кораблем. Наш такелаж, как неподвижный, так и подвижный был в скверном состоянии, запасы провизии и пресной воды были также очень невелики. К тому же наступала глубокая осень, впереди мы не имели никакого надежного маршрута, и если бы мы покинули эту землю, то у нас не было бы никакой уверенности встретить в ближайшем будущем другую землю. Поэтому все согласились на том, чтобы высадиться здесь и попытаться спасти нашу жизнь и, если удастся, то сохранить также в целости судно. Позднее мы обнаружили, что две главных снасти на фок-мачте также лопнули с правой стороны. Поэтому мы повернули судно и взяли направление прямо к берегу, поставив столько парусов, сколько имели возможность держать. Из опа-

Остров Беринга, долина реки Командор. Вид от могилы Беринга.

сения за сохранность мачт мы вынуждены были поставить лишь небольшое число парусов, а потому приближались к берегу очень медленно.

Ветер был северный, и шли мы курсом WSW и SW. Лотом определили глубину в тридцать семь сажен при песчаном грунте; спустя несколько часов, а именно ровно в 5 часов вечера, лот показал глубину двенадцать сажен при таком же грунте. Мы бросили якорь и стравили три четверти каната. Ровно в 6 часов наш якорный канат как раз позади клюзов лопнул. Нас понесло большой и сильной волной, которая разбивалась о каменный риф. Несколько раз волны ударяли в наш корабль с такой силой, что все судно содрогалось, и мы опасались, что палуба не выдержит тяжести волны. Бросили лот, глубина оказалась пять сажен, и все же мы дважды ударились днищем корабля о камни. Бросили другой якорь, канат его немедленно разорвался, и пользы от него было столько же, как если бы его вовсе не бросали.

Не могу не рассказать при этом, как, при всех наших неудачах, нам улыбнулось неожиданное счастье. Дело в том, что мы не успели бросить третий якорь, что по морским правилам обязаны были сделать. Если бы это было сделано, то мы, конечно, потеряли бы и этот якорь и, следовательно, у нас не осталось бы ни одного якоря, которым могли бы удержаться на месте после благополучного перехода через каменную гряду. Пока мы были заняты подготовкой к спуску третьего якоря, наш корабль перебросило волнами через каменную гряду, и мы оказались в спокойной тихой воде. Мы бросили якорь на глубине четырех с половиной сажен на чистом песчаном грунте, примерно в трехстах саженях от берега, и остались там стоять в течение всей ночи в ожидании наступления дня. Впоследствии мы узнали, что по побережью этого острова, на всем его протяжении, нет другого места, пригодного для причала судна, кроме этой единственной бухты. Повсюду в других местах остров окружен большими каменными рифами, простирающимися в море на расстояние более половины немецкой мили. Место, где нам удалось проскочить, настолько узко, что, пройди мы на двадцать сажен севернее или южнее, — мы неизбежно сели бы на каменный риф, и ни одному из нас не удалось бы спасти свою жизнь. В то время, когда мы бросали якорь, уже было совершенно темно, и мы отнюдь не могли выбирать места, где его бросить, а должны были делать это наудачу.

Дав нашим людям немного передохнуть, мы с превеликим трудом спустили на воду лодку, и 6 ноября в 1 час пополудни

я с адъюнктом Стеллером поплыл к берегу, чтобы найти место, куда можно было бы высадить наших больных.[53] Мы увидели, что земля вся покрыта снегом, с гор вытекает небольшая речка с отличной пресной водой, но что на этом берегу не растет никакого леса и нет никакого топлива, если не считать выброшенного морем плавника, который, однако, в это время уже был покрыт снегом и который разыскать было нелегко. На берегу упомянутой маленькой речки было много песчаных холмов, а между ними довольно глубокие ямы, которые без особого труда можно было покрыть парусом и приспособить для помещения больных. К вечеру мы снова возвратились на борт и доложили капитану-командору Берингу обо всем, что видели на берегу. Было решено послать на берег на следующее утро всех людей, которые могли хоть сколько-нибудь работать, чтобы приспособить упомянутые ямы для жилья больных. Это было выполнено 7 ноября, а 8-го с самого утра мы приступили к перевозке больных на берег. Многие из них умерли, как только попали на свежий воздух, несколько человек скончалось в лодке, так и не ступив на берег, а несколько человек умерло уже на берегу вскоре после высадки.[54] Песцы, весьма многочисленные на этих островах, отгрызали им руки и ноги, прежде чем удавалось похоронить их. Капитана-командора Беринга мы перевезли на берег 9 ноября, и после высадки четыре человека перенесли его на носилках, сделанных из двух перевязанных веревками шестов, в небольшую, отдельно для него приготовленную, землянку. По мере наших сил мы продолжали доставлять больных на берег.

19 ноября я еще оставался на борту с семнадцатью людьми, в большинстве тяжело больными, и с пятью мертвецами. У меня было на борту лишь четыре ведра пресной воды, а шлюпка находилась на берегу. Я дал сигнал бедствия, поднял на вантах грот-мачты красный флаг, а на гафеле вывесил пустой бочонок из-под воды и одновременно дал несколько выстрелов из пушки. Из этих знаков находившиеся на берегу люди могли усмотреть, что я нуждаюсь в пресной воде; однако ветер дул с такой силой от моря к берегу, что они не могли на шлюпке выгрести и добраться до корабля. Я приказал бросить покойников в море. На наше счастье ночью выпал такой обильный снег, что можно было собрать его с палубы и заменить им недостающую пресную воду. Я оставался на корабле до 21 ноября, когда, наконец, на корабль прибыла лодка. Меня на руках перенесли в эту лодку, а затем четыре человека таким же способом, как командора Беринга, перенесли меня в ту же землянку, где находились остальные больные. Люди, находившиеся

вместе со мной на борту корабля, одновременно со мной были также перевезены на берег. За несколько дней до этого ради тепла я переселился в камбуз корабля, так как видел, что многие из наших людей, как только их головы показывались из люка, немедленно умирали, словно мыши, из чего было ясно, какой опасности подвергаются больные, попадая из духоты на свежий воздух; в виду этого при переезде на берег я принял некоторые меры предосторожности. Я покрыл свое лицо почти целиком теплой и плотной шапкой, а другую такую шапку надел себе на голову, — и все же на пути от камбуза до фалрепа три раза терял сознание. Я вполне уверен, что если бы не предохранил себя вышеописанным способом от соприкосновения со свежим воздухом, то неизбежно умер бы еще на корабле, так как силы мои уже подходили к концу. Конечности мои в это время уже были совсем парализованы, я не в состоянии был сделать ни одного шага, не опираясь на двух людей, которые поддерживали меня под руки.

Заразился я этой болезнью еще во время плавания в открытом море, но, заставляя себя постоянно находиться на палубе, в непрестанном движении, мне удалось не свалиться в постель до самого момента постановки судна на якорь. Особенно плохо мне стало тогда, когда я переселился в камбуз. Я полагал, что, имея возможность поддерживать там небольшой огонь, я буду жить там с бо̀льшими удобствами, чем на берегу, где пришлось бы валяться под открытым небом, все равно что на снегу. Однако я жестоко ошибся: дурной и нездоровый воздух, исходивший из кубриков корабля, в которых помещалось столько людей, в течение двух или трех месяцев не покидавших места, неподвижно лежавших в закрытом помещении на своих койках и справлявших на них все свои естественные нужды, этот дурной и нездоровый запах, повторяю, так скверно на меня подействовал, что я перестал владеть руками и ногами, у меня стали шататься зубы, — я был уверен, что близок час моей смерти. Мой товарищ, Софрон Хитрово, тоже держался на ногах все время, пока мы находились в плавании, хотя и у него цынга проявлялась в довольно сильной форме; он был мне все это время добрым и преданным помощником. Только тогда, когда его перевезли на остров и высадили на берег, выяснилось в полной мере, как сильно он поражен болезнью. Он свалился в постель и настолько обессилел, что совершенно не мог держаться на ногах; оставалось очень мало надежды, что удастся сохранить ему жизнь. Болезнь затянулась у него гораздо дольше, чем у меня: когда я уже поднялся и стал ходить, он еще долгое время оставался лежать.

Остров Беринга (восточный берег)

Таким вот образом, все мы, здоровые и больные, оказались на берегу этого пустынного острова. Корабль же наш остался стоять на якоре. Для верности мы завели еще наш запасный якорь, а также верповые якоря, сняли стеньги и реи, словом, для сохранения судна применили все средства, бывшие в нашем распоряжении, и в таком состоянии оставили судно стоять на якоре, так как не могли ничего предпринять более для его сохранности.

Глава 12

Описание острова, на котором мы зимовали и которому впоследствии мною было присвоено название острова Беринга, о нашем образе жизни там, а также плавании оттуда на Камчатку и о прочих примечательных происшествиях.

После того как все больные были доставлены на берег, а прочие, кто хоть немного мог самостоятельно передвигаться, также высадились на берег, наше судно оставалось стоять на своих якорях до 28 ноября. В этот день ночью поднялась сильная буря с OSO, при которой все якорные канаты лопнули, а корабль был выброшен на берег неподалеку от места, где мы все разместились. Немногие наши люди, остававшиеся еще на ногах, наблюдали это печальное зрелище, несомненный дальнейший шаг на пути к полной нашей гибели, но не могли подать судну никакой помощи. Как мы впоследствии установили, следует считать еще большим счастьем, что судно прибило именно к берегу, так как нельзя допустить, чтобы какое бы то ни было судно могло в течение всей зимы остаться неповрежденным, стоя на якорях у берега открытого моря; а если бы его унесло в открытое море, то нам пришлось бы навсегда остаться на этом острове, так как никакого леса на нем не росло, и мы, следовательно, не могли бы раздобыть материала, чтобы построить другое новое судно. Судно не пролежало и двух дней на берегу, как под действием сильных приливов стало погружаться в рыхлый песок, из которого здесь состоит грунт, и ушло на глубину восьми или девяти футов, а изнутри наполнилось соленой морской водой. В таком состоянии оно оставалось лежать со всем своим такелажем до марта следующего 1742 года, когда оставшиеся у нас немногие люди собрались с силами.

Людей, остававшихся еще на ногах, мы разбили на два отряда и командировали их к северу и к югу, чтобы разведать землю, на которой находились. Оба отряда отправились каждый в свою

сторону, пока не дошли до высоких крутых гор, спускавшихся прямо к морю, через которые им не удалось найти прохода. Через два или три дня они вернулись и сообщили, что ни разу не встретили людей и даже не заметили признаков присутствия их, как то: тропинок, костров и тому подобного, но они видели по всему побережью множество морских бобров, а на суше бесчисленное количество песцов, которые совершенно не боялись людей. Можно думать, что им никогда не приходилось встречаться с человеком. Это также подкрепило наше мнение о том, что мы находимся на острове. Впоследствии мы направили также нескольких людей вглубь страны, которые, пройдя по высоким горам, по нехоженым дорогам, вернулись обратно через два дня и принесли известие, окончательно убедившее нас в том, что мы действительно находились на острове. Они прошли приблизительно две немецких мили и взобрались на высокую гору, где и увидели с противоположной стороны, то есть с запада, снова открытое море. Это известие подействовало на всех наших людей, словно удар грома. Мы ясно поняли, в какое беспомощное и тяжелое положение попали и что нам угрожает полная гибель. В самом деле, мы оказались выброшенными на неизвестный и пустынный остров без корабля, без леса для постройки другого судна, без провизии, с большим количеством людей, до последней степени больных, без лекарств или каких-либо средств для лечения больных, без жилья, — выброшенными, так сказать, под открытое небо. К тому же вся земля покрыта снегом, впереди предстоит длительная зима с неизбежными сильными морозами, у нас совсем нет дров. От таких тревожных мыслей немудрено дойти до отчаяния и усомниться в возможности нашего спасения. При подобных обстоятельствах не оставалось, однако, ничего другого, как запастись терпением и покориться неизбежному. Как перезимовать на этом пустынном острове, было невозможно придумать, и приходилось только надеяться, что те из нас, кому удастся пережить зиму, по наступлении весны найдут какое-нибудь средство спасти всех остальных.

Остров этот, южную оконечность которого мы назвали мыс Манати (морской коровы), расположен на 54°37′ северной широты и простирается к NWtN еще полностью на один градус к северу. Долгота его восточная от Петербурга, примерно, 130°; в ширину он имеет в некоторых местах приблизительно около трех немецких миль, а в иных, в зависимости от расположения бухт, и того менее. От материка он удален примерно на тридцать немецких миль; непосредственно к западу против него находится Камчатка. На нем имеется много высоких гор,

состоящих из скалистых и песчаных камней, а между ними — многочисленные долины, в большинстве которых можно найти хорошую пресную воду. Долины поросли высокой травой, но никаких деревьев или кустарников в них не растет, если не считать имеющейся в некоторых долинах карликовой ивы толщиной примерно с палец, а высотой в фут или полтора. Эта ива разветвляется на очень многочисленные тонкие и искривленные ветви, довольно широко стелющиеся по земле, но ни на какое дело непригодные.

На всем протяжении побережья острова незаметно ни одного места, где можно было бы безопасно поставить судно, а к поискам такого места мы приложили немалые усилия. Суда, которые кто-нибудь вздумал бы послать к этому острову для промысла морского бобра, должны иметь такое устройство, чтобы их можно было немедленно по прибытии на место вытащить на берег, а таких отлогих, вполне удобных для этого мест имеется достаточное количество на всем берегу, особенно в средней части острова по обеим его продольным сторонам, главным образом на западном берегу.

Приливы и отливы особенно высоко поднимаются при полнолунии и новолунии; приливная волна особенно сильна на восточном берегу, где она направлена от OtN к WtS, а на западном берегу направление ее — с WNW к OSO. Подъем воды достигает при этом семи или восьми футов, что, в частности, может способствовать легкому причалу таких судов, так как если причалить к берегу в момент полного прилива, то с отливом судно останется на суше, а затем уже можно принять меры к тому, чтобы до наступления следующего полного прилива убрать судно повыше, туда, где никакая волна его достигнуть не может. О птицах и животных, которых мы там встретили, пока ничего говорить не буду, так как предполагаю описать в особой главе морских и сухопутных животных, а также и птиц, настолько подробно, насколько это позволят мои познания.

Возвратимся, однако, к рассказу о наших работах и образе жизни на острове. Когда мы все собрались, наконец, на берегу, то самой первой и главной нашей заботой было — обеспечить себя продовольствием на зиму. Мы подсчитали оставшиеся у нас запасы провианта, который состоял из небольшого количества ржаной муки и крупы. Эти запасы, однако, находились еще на корабле и уже в течение нескольких дней были затоплены соленой морской водой. Провизии предстояло пробыть еще несколько дней в воде, в ожидании, пока несколько человек из числа нашей команды не оправятся настолько от своей

Карта острова Беринга

болезни и не соберутся с силами, чтобы вытащить запасы из помещения, затопленного водой. Оказалось, что запасов продовольствия было так мало, что на каждого человека к выдаче пришлось ежемесячно вначале по тридцати, затем по пятнадцати фунтов ржаной муки, которая, однако, вскоре совсем окончилась, кроме того, было выдано пять фунтов подмоченной крупы и полфунта соли.

Решено было также, что с наступлением весны все должны перейти на питание травами и корнями диких растений, которые каждый должен был сам себе собирать с тем, чтобы сохранить восемьсот фунтов ржаной муки в качестве запаса для нашего морского путешествия, — переезда с острова на материк. Таким распределением (лучше которого при наших обстоятельствах придумать было невозможно) все люди были вполне удовлетворены, тем более, что было постановлено всем, без различия звания или чина, как высшим, так и низшим, выдавать одинаковый паек, не считаясь с лицами или положением.

Между тем больные продолжали умирать один за другим. Столь велико было общее бедствие, что покойники оставались в течение довольно долгого времени лежать среди живых, так как не находилось никого, кто был бы в силах убрать их из землянки, а живые также были не в силах отделиться от умерших. Так мы и оставались лежать вперемежку вокруг небольшого костра. Если бы нас мог увидеть в это время кто-либо посторонний, тот безусловно оказался бы в затруднении и не сумел бы отличить живых от мертвых.

Мой товарищ, в то время лейтенант, впоследствии контр-адмирал, ныне покойный, Софрон Хитрово находился со мной в одной землянке, а между нами был корабельный комиссар Иван Лагунов, который довольно долгое время лежал уже мертвым, пока, наконец, нам не удалось добиться, чтобы его убрали и похоронили. Из числа немногих людей, еще державшихся на ногах, нужные люди не всегда были под рукой на месте. Нельзя было также и заставлять их оставаться с нами, потому что для полного излечения своего от цынги они стремились совершать по возможности больше движений на свежем воздухе и по мере сил старались ходить. Нередко тот или иной из них приносил с собой морского бобра, мясо которого они съедали сами, а также уделяли его больным для поддержания сил тех, кто не в состоянии был самостоятельно ходить или держаться на ногах.

Капитан-командор Беринг скончался 8 декабря. Тело его привязали к доске и закопали в землю; все остальные наши покойники похоронены были без досок.

Не могу не описать печального состояния, в котором находился капитан-командор Беринг ко времени своей кончины, тело его было на половину зарыто в землю уже в последние дни его жизни. Можно было бы, конечно, найти средства помочь ему в таком положении, но он сам не пожелал этого и указывал, что те части тела, которые глубоко спрятаны в земле, сохраняются в тепле, а те, что остаются на поверхности, сильно мерзнут. Он лежал отдельно в небольшой песчаной яме — землянке, по стенкам которой все время понемногу осыпался песок и заполнил яму до половины, а так как он лежал в середине землянки, то и получилось так, что тело его на половину было засыпано песком.

После смерти командора мне, как старшему по рангу, пришлось принять командование. Хотя в то время я лежал совершенно обессилевший от болезни, мне все же пришлось приняться за дело. Я решил руководить командой по возможности кротко и мягко, поскольку жесткость и строгость были бы при таких обстоятельствах совсем неуместными и не привели бы ни к каким результатам. Это было мне, между прочим, поставлено в вину некоторыми офицерами, которые говорили мне в лицо, что я, как командир, не соблюдаю регламентов и указов. Так, когда некоторые больные уже начали вставать и ходить самостоятельно, а иные еще только стали садиться, то они развлекались игрой в карты. Это обстоятельство и было поставлено мне в вину, как поступок, нарушающий приказ ее императорского величества. Мне, как командиру, надлежало, по их мнению, запретить игру в карты. Я возразил на это, сказав, что когда издавался указ о запрещении карточной игры, то не имели при этом в виду наш пустынный остров, потому что он в то время еще не был открыт. Я с уверенностью утверждал, что если бы в то время можоо было предвидеть наше нынешнее бедственное состояние, то, по всей вероятности, был бы установлен особый артикул, разрешающий всякие пристойные способы препровождения времени, и что этот артикул был бы введен в действие законным порядком. Я весьма далек от мысли запрещать команде игру в карты; наоборот, весьма доволен тем, что люди нашли какой-то способ развлечься, провести время и преодолеть тоску и уныние, в котором большинство из них находилось. Пока я командую отрядом, я намерен по своему усмотрению руководить им и в любое время готов дать отчет в своих действиях. После моей смерти (ибо я не надеялся в то время остаться в живых) пускай те, к кому перейдет командование, распоряжаются и командуют, как им заблагорассудится. [55]

Эпидемия цынги между тем продолжалась. Весь ноябрь и декабрь мы провели в величайших страданиях. За это время умерло около тридцати человек, не считая тех, которые скончались во время плавания и были выброшены в море.[56] Достойно удивления вообще, что мы все не погибли в то время, так как (об этом уже упоминалось выше) большинство из нас лежали больными и были совершенно лишены средств для лечения и всего необходимого для поправки. Если бы даже все были совершенно здоровы и прибыли на место полные сил, то уже одной угрозы предстоящих жестоких страданий и испытываемых ежедневно бедствий было бы достаточно, чтобы свести нас в могилу.

К началу января следующего 1742 года некоторые из оставшихся в живых начали понемногу вставать и постепенно стали самостоятельно волочить ноги, а к концу этого месяца большинство из нас могло покинуть свои койки и немного бродить вокруг лагеря. Наша пища состояла, главным образом, из мяса морских бобров, за которыми охотились наши люди, не потерявшие способности ходить: они добывали мясо как для своего пропитания, так и для лежачих больных. Порции, приходившиеся на долю каждого, бывали, однако, иногда настолько малы, что мы были вынуждены употреблять в пищу и внутренности этих животных, даже кишки не выбрасывались вон, а варились в пищу больным и съедались ими с громадным аппетитом.

К этому же времени море выбросило, к нашей большой радости, мертвого кита длиной в восемь сажен. Хотя жир его уже несколько протух, так как, надо полагать, тушу этого кита в продолжение долгого времени носило по морю, мы все же с большой радостью любовались на кита и называли его нашим провиантским магазином, ибо если не оказывалось под рукой мяса каких-либо других морских животных, то здесь нам был обеспечен запас продовольствия. Приготовляли мы его в пищу следующим образом: приносили на своих спинах китовый жир (туша кита лежала примерно на расстоянии трех четвертей немецких миль от нашего лагеря), разрезали его на небольшие четырехугольные куски и долго кипятили их в воде, чтобы очистить от жидкого жира. Остальную часть, состоящую из жил и связок, мы глотали кусочками, не прожевывая, и, как оказалось, это не представляло никаких затруднений. Таким способом мы избавлялись от необходимости отделять вручную весь жир, содержащийся в кусках, и получали возможность целесообразно использовать все составные их части. Мясо морских бобров, составлявшее до марта главную часть нашей пищи, вначале тоже внушало всем большое отвращение, так как оно

Остров Беринга. Место зимовки экспедиции. Крест показывает место, где был похоронен Беринг.

необычайно жестко и состоит почти целиком из сухожилий, напоминая по плотности кусок кожи. Приходилось его жевать, жевать и снова жевать без конца, пока оно, наконец, не становилось немного мягче и только затем можно было его проглатывать кусочками. Ржаную муку, которую каждый из нас получал в небольшом количестве каждый месяц, мы не могли использовать для печенья хлеба, а приготовляли из нее лепешки следующим образом: муку замешивали с небольшим количеством теплой воды в деревянной посудине, оставляли ее стоять два-три дня, пока тесто не начинало бурно бродить, то есть скисало. Затем несколько ложек теста клалось на сковородку и поджаривалось на китовом жире. Эти лепешки нам казались необыкновенно вкусными. Приходилось, однако, обходиться с ними экономно и не роскошничать, а рассчитывать свой запас так, чтобы дважды в день съедать понемногу.

Мне в особенности приходилось тяжелее, чем прочим, так как со мной был мой родной сын, мальчик двенадцати лет, служивший в то время волонтером; теперь он лейтенант российского флота, имя ему — Лоренц Ваксель.[57] Ему, конечно, хотелось съедать такую же долю, как и мне; и мы с ним договорились, что тому из нас, кто за обедом получал три ложки этого теста, вечером доставалось всего две ложки.

Немалые страдания, вдобавок ко всем прочим бедствиям, мы переносили от того, что все время испытывали недостаток в топливе. Это побуждало нас иногда поедать наши «деликатесы» почти сырыми. Приходилось ходить по берегу как в северном, так и в южном направлении по две три немецких мили в поисках, не найдется ли выброшенного морем бревна или другого какого-нибудь обломка дерева, словом, чего-нибудь пригодного для топлива. Если кому-либо случалось найти плавник, он оставлял на этом месте знак, чтобы кто-либо не присвоил себе этой находки. Дело в том, что мы жили в различных землянках, а все, кто жил вместе в одной землянке, питались также сообща и старались, чтобы одна компания не обижала другую, ибо здесь говорили и поступали по правилу: каждый за себя, а бог за всех. Тот, кому удавалось найти плавник, сразу бежал домой и извещал своих сожителей и товарищей по землянке; те с громадной радостью вооружались топорами и веревками и отправлялись на место. Каждый нарубал себе вязанку такой величины, какую только в состоянии был унести на спине, и доставлял ее домой в землянку, в которой помещался.

В этом милом занятии и я сам со своими товарищами по землянке всегда принимал деятельное участие, так как в этих

обстоятельствах не приходилось обращать внимания на звание или чин, а все руководствовались правилом: «кто не хочет работать, тот да не ест». Иной раз выходили на поиски с палками и искали плавник, заваленный снегом, и если случалось нащупать под снегом какую-либо неровность, то это место раскапывали и иной раз находили отличный плавник. Вот с каким трудом приходилось нам в течение всего этого времени добывать себе топливо.

Что касается других условий нашего пребывания на острове, то погода там оказалась вовсе неблагоприятной. Хотя в продолжение всей зимы нам не приходилось страдать от особенно сильных морозов или пронизывающего холода, но зато постоянное беспокойство причиняли нам жестокие ураганы и штормовые ветры в сочетании с сильным снегопадом, густыми туманами и сыростью от близости моря, от которых паруса, составлявшие крыши наших землянок, быстро ветшали и не в состоянии были противостоять постоянным сильным ветрам; они разлетались при первом же порыве ветра, а мы оставались лежать под открытым небом. В эти моменты, кто обладал одеялом или шинелью, тот имел и дом, ибо единственным возможным средством укрыться от непогоды было натянуть на себя что-нибудь, покрыть все тело с головы до ног и лежать неподвижно до момента окончания пурги, которая иногда продолжалась довольно долго. Когда же непогода кончалась, люди вставали, отряхали снег со своих одеял и приводили в порядок свое жилище в ожидании следующей непогоды.

Необходимо отметить при этом, что, когда мы оказывались покрытыми снегом, мы совершенно переставали ощущать холод. Иногда ветер бывал так неистово силен, что один раз, например, некоторых из наших людей, которым пришлось выйти из землянок за естественной нуждой, несомненно унесло бы в море, если бы они не догадались броситься на землю, изо всех сил ухватиться за камни и другие находившиеся на земле предметы и остаться лежать, не двигаясь с места до окончания шквала. Меня самого как-то раз перебросило ветром через крышу нашей землянки, которая была покрыта брезентом, установленным под углом примерно в 33 градуса. Я ухватился изо всех сил за что-то и закричал во весь голос, призывая на помощь товарищей. Тут из землянки вышли два матроса и с превеликим трудом доставили меня в землянку и сами еле-еле туда забрались. Я считаю, однако, что в значительной степени эти перечисленные мной происшествия с людьми, едва не пострадавшими от ветра, следует отнести за счет нашей общей слабости и истощения от болезни.

Нам пришлось также в течение зимы, проведенной на острове, пережить два довольно сильных землетрясения, от которых изрядно пострадали наши жилища, то есть землянки, вырытые в песке: они почти целиком заполнились осыпающимся песком. Многие наши люди, бессильные после перенесенной болезни, во время землетрясения крепко спали, а проснувшись, увидели, что засыпаны с ног до головы песком. К счастью, их удалось быстро раскопать, так как землетрясение продолжалось недолго. Впоследствии, вернувшись с острова на Камчатку, я навел справки и узнал, что как раз в то же время и там наблюдалось землетрясение, а ведь мы находились в то время на расстоянии не менее тридцати немецких миль от Камчатки.

К марту количество морских бобров стало сильно уменьшаться, оставшиеся весьма отощали и, в результате постоянной охоты на них, стали так пугливы, что не было никакой возможности подобраться к ним на необходимое расстояние: как только им случалось увидеть человека хотя бы в ста саженях, они немедленно бросались в воду, между тем как в первое время легко было подходить к ним даже на десять или пять сажен, и они не проявляли никаких признаков страха. Мы нашли, однако, другой источник питания, а именно морских котов, которые в таком количестве выходили на западный берег острова, что весь он был, если можно так выразиться, вплотную ими покрыт. Мясо их, однако, тоже весьма отвратительная пища, так как оно обладает очень сильным и острым запахом, напоминающим запах старого козла. Жир их желтого цвета, а мясо жестко и жилисто. Как оно ни было противно, нам пришлось целых два месяца питаться исключительно им. Когда морские коты в начале мая исчезли, уйдя в открытое море, мы стали бить тюленей, которых на этих островах тоже водится превеликое множество. Затем, как и весной, прибило к берегу тушу еще одного кита, длиной она была семь сажен, а по сохранности оказалась в несколько лучшем состоянии, чем туша первого кита. Поэтому мы считали себя хорошо обеспеченными продовольствием.

Я чуть не забыл упомянуть, что в числе морских животных, которых мы промышляли для пищи, было убито нами несколько молодых морских коров. Мясо их по сравнению со всеми прочими мы нашли самым лучшим, ибо оно очень приятно на вкус. Оно также отлично действовало на наше здоровье, ибо от постоянного питания мясом других морских зверей все мы страдали запорами и тяжестью в желудке, а мясо морских коров действовало противоположным образом, так что мы от него почувствовали большое облегчение.

До сих пор я рассказывал о том, что именно мы употребляли в пищу в течение всей зимы. Расскажу теперь полноты ради также и о том, что мы потребляли в качестве питья. Пили мы большею частью чистую воду, которая, на наше счастье, в изобилии доставлялась небольшим ручьем, протекавшим в непосредственной близости от нашего лагеря. Вода из этого ручья оказалась довольно приятной на вкус и вполне здоровой, что немало содействовало нашему излечению. Пока земля была покрыта снегом, мы раскапывали снег и искали брусничные листья. Найдя их, мы основательно отваривали их в кипятке и пили этот настой вместо чая. Как только, однако, сошел снег и из земли стали показываться зеленые растения, мы стали собирать различные травы и варили из них чай. Большую услугу оказал нам при этом адъюнкт Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения и указывал нам разнообразные травы; из них мы приготовляли чай, а некоторые травы употребляли в пищу, что приносило заметную пользу нашему здоровью.[58] Могу с полной достоверностью засвидетельствовать, что ни один из нас не почувствовал себя вполне здоровым и не вошел в полную силу, пока не стал получать в пищу и вообще пользоваться свежей зеленью, травами и кореньями.

Между тем приходил к концу март 1742 года. Земля почти полностью очистилась от снега, все наши люди были на ногах, наступало, значит, время обсудить, каким способом или каким образом мы могли бы спастись из этого гиблого места. Я приказал всей оставшейся в живых команде, числом сорок пять человек, собраться, чтобы иметь возможность поговорить с ними всеми одновременно. Каждому из них не только было позволено, но даже предложено откровенно высказать свое мнение, с тем чтобы единодушно выбрать наиболее подходящее решение. Я указал, что все мы терпим совершенно одинаковые бедствия и что последний матрос так же горячо желает избавиться от гибели, как и первый офицер, а потому следует нам всем единой душой и единым сердцем дружно помочь в общем деле, а если только мы сами выполним все как следует, то бог не откажет в своей помощи, так как он помогает везде и всегда лишь тому, кто сам себе помогает. При обсуждении были высказаны различные мнения. Некоторые предлагали соорудить из паруса палубу для нашей открытой шлюпки и, насколько возможно, подготовить ее к походу в открытое море, а затем послать ее с командой в пять-шесть человек прямо к западу с тем, чтобы, добравшись до Камчатки, команда дала там знать о нас и позаботилась послать нам суда, необходимые для нашего

спасения. Другие полагали, что следует приложить все усилия к тому, чтобы снять с мели судно и вывести его на глубокое место, а затем продолжать на нем наше плавание. Я возражал против обоих предложений по следующим соображениям. Что касается предложения об отправке шлюпки, то я не считаю этого предложения совершенно неприемлемым и, быть может, если не удастся найти и осуществить другого, более надежного средства спасения, придется решиться на посылку шлюпки. Однако выполнение этого проекта связано с громадными трудностями и риском, так как шлюпка слишком мала по размерам для плавания в громадном открытом океане, причем мы вовсе не знаем в точности, какое расстояние отделяет нас от Камчатки. Между тем, при малейшем шторме, это суденышко ни в коем случае не может уцелеть, а неизбежно погибнет вместе со всеми находящимися на нем людьми. К тому же судьба шлюпки будет внушать оставшимся на острове людям беспрестанную тревогу и сомнения, так как здесь не будет известно — дошла ли шлюпка благополучно до места своего назначения или нет, а, между тем, здесь ничего другого предприниматься не будет и, следовательно, будет потеряно и праздно много времени, которое мы могли бы использовать иначе для нашего спасения. К тому же остается под большим сомнением, даже в случае, если шлюпке удастся вполне благополучно добраться до места своего назначения, — окажутся ли на Камчатке налицо необходимые перевозочные средства. Вполне вероятно, что суда, зимовавшие там, уйдут уже к этому времени в Охотск. Отсюда следует, что даже если вся эта операция пройдет счастливо и благополучно, нам все равно придется остаться здесь на вторую зимовку, а за это время все мы, от первого до последнего человека, успеем умереть. Вдобавок, ведь мы уже и теперь замечаем, что морских зверей становится все меньше и меньше и к тому же они стали так боязливы, что никаким способом не удается подобраться к ним поближе. Не исключена возможность, что морские животные с течением времени совсем покинут этот остров, а тогда мы все неизбежно погибнем голодной смертью. Отправка шлюпки — мера, которую можно предпринять в любое время (если не представится ничего более надежного), а возлагать на это всю нашу надежду при наличии столь разнообразных опасностей и риска я считаю совершенно неразумным и опасным. Такими и другими подобными соображениями я возражал против посылки шлюпки.

Что касается другого предложения, а именно — вытащить наше судно с берега на глубокое место, на чем некоторые

недовольные по своему неразумию настаивали, то я считаю это предложение совершенно неосновательным и полагаю, что оно было выдвинуто совсем необдуманно. Во-первых, наше судно (как было указано выше) уже успело погрузиться в песок на семь или восемь футов, а для того чтобы извлечь его оттуда, потребовалось бы гораздо большее количество людей, чем то, которым мы могли располагать, а также нужно было бы иметь большое количество бревен, которых у нас не было ни единого. Во-вторых, нам было отлично известно, что подводная часть корпуса судна повреждена, ибо вода в трюме держалась на одном уровне с окружающей морской водой. Во время отлива воды в трюме не было, а во время прилива вода набиралась туда и постепенно поднималась, все время сохраняя одинаковый уровень с водой за бортом. Отсюда следует, что сперва пришлось бы отремонтировать судно, в противном случае мы неизбежно, вольно или невольно, погубили бы совсем судно, как только вывели бы его на глубокое место, произвести же ремонт мы не имели решительно никакой возможности. В-третьих, откопать судно и провести к нему канал до самого моря, как указано в предложении, — это тоже дело совсем не выполнимое. Я уже не раз отмечал и было хорошо известно, что грунт в этом месте состоял из зыбучего песка, а потому все, что нам удалось бы выкопать за время отлива, неизбежно при ближайшем же приливе снова затянуло бы песком, а следовательно, мы стали бы копать и копать бесконечно, не продвигаясь ни на шаг ближе к конечной цели.

После обсуждения этих соображений мной и капитаном Софроном Хитрово, который во всем полностью держался одного мнения со мной, было сделано третье предложение: не удастся ли нам, разобрав наше старое судно, набрать из него такое количество теса, какое нужно для постройки меньшего судна, на котором мы все вместе и одновременно могли бы спастись из этого несчастного места. Не сомневаюсь в удаче нашего предприятия, если мы только все вместе будем помогать друг другу. Большим утешением для нас будет также то обстоятельство, что, претерпев вместе все бедствия, мы, таким образом, вместе же и одновременно придем к спасению или, если дело кончится неудачей, все вместе потерпим последствия такой неудачи, так что никто ни в чем не сможет упрекнуть своих товарищей.

Это предложение, видимо, показалось большинству наиболее разумным из всех, и в конце концов все единогласно пришли к решению принять его. Я приказал составить протокол, в котором было изложено все, что нами единодушно было решено.

Его подписали все без исключения. Сделано это по той причине, что я не мог быть уверен, счастливо ли окончится наше предприятие или нет, ибо я никак не мог предусмотреть вперед, как пойдет у нас дело с разборкой судна чрезвычайно крепкой конструкции, сильно скрепленного железом и гвоздями. Я не хотел, чтобы, в случае неудачи, вся ответственность была возложена на одного меня, а поэтому и принял такую меру предосторожности. Я отлично понимал, что в таких случаях — сколько голов, столько появляется проектов, а впоследствии, в случае неудачи, начались бы толки, что если бы, мол, поступили не так, а иначе, то дело пошло бы на лад, и следовательно, мне пришлось бы опасаться за свою жизнь. Хотя некоторые недовольные как будто вполне согласились в конце концов со всеми нами и даже одновременно со всеми подписали упомянутый протокол, все же на следующий день с их стороны последовало на мое имя письменное представление, в котором заявлялось, что недопустимое дело ломать корабль ее величества и что ничего этим заведомо не удастся добиться, так как неслыханное дело строить новое судно из обломков старого, а следовало бы, согласно их первоначальному предложению, снять судно с мели и спустить его на глубокую воду.

Как видно из сказанного выше, хотя я уже отверг это предложение с надлежащим обоснованием и доказал его полную невыполнимость, все же счел нужным собрать всю нашу команду во второй раз, чтобы довести до ее сведения этот протест и заявление и вторично запросить мнение команды по этому вопросу. На собрании, однако, проект снятия судна с мели был полностью отвергнут и оставлено было в силе принятое первоначально решение — построить новое судно из частей старого.[59]

Утвердившись таким образом, как описано выше, в нашем намерении, мы в начале апреля приступили к снятию такелажа с судна и к его разборке. При этой работе я сам и все прочие офицеры всегда первые подавали пример, с тем, чтобы, по возможности, еще более воодушевить команду. Группа недовольных продолжала, однако, роптать и прямо заявляла мне в лицо, что совершенно напрасно их заставляют выполнять такую тяжелую работу, что это никоим образом не может привести к нашему спасению. Я терпеливо выслушивал их заявления; так как я был вполне уверен, что подавляющее большинство команды, а также упоминавшийся неоднократно капитан Хитрово, стоят на моей стороне и окажут мне полное содействие, то я мог по отношению к этой группе недовольных принять меры понуждения и заставить их, под угрозой применения силы, приняться за работу. В течение апреля мы продолжали работу

по разборке судна с довольно большим успехом и к концу месяца почти закончили ее.

Приближался момент, когда следовало произвести закладку нового судна. На пути к этому оказалось, однако, одно серьезное препятствие: дело в том, что в числе команды не было ни одного корабельного плотника или человека, знающего такого рода работу. Хотя при выходе в плавание мы имели в составе команды трех отличных корабельных плотников, но во время плавания, а также в бытность на острове все трое умерли. Мои собственные познания в судостроительном деле были не особенно велики, и я никак не мог решить, кто бы мог мне в этом деле помочь. В конце концов среди команды нашелся один сибирский казак, уроженец города Красноярска, по имени Савва Стародубцев. Единственный раз ему пришлось видеть постройку судна в Охотске, при постройке обоих наших пакетботов, на которых он был занят простым рабочим. Он заявил однако, что если только я могу указать ему пропорции судна, то он берется под моим руководством построить такое судно и обеспечить его крепость настолько, что мы безопасно можем выйти на нем в море. Хотя я, конечно, не мог считать такого заявления вполне надежным, но чтобы иметь себе хоть какого-нибудь помощника, я с большой радостью ухватился за это предложение и очень его благодарил. Должен заявить также, по справедливости, что этот человек оказал мне очень большие услуги, и едва ли удалось бы мне справиться с делом без его помощи. По возвращении нашем в Сибирь, по моему представлению, он был награжден Енисейской канцелярией званием сына боярского, то есть произведен в сибирское дворянство.

Так, во исполнение принятого решения, мы положили начало постройке судна 6 мая 1742 года: заложили киль, вытесали и укрепили форштевень и ахтерштевень. Это было сделано утром, а в послеобеденное время я пригласил всю команду к себе в гости с просьбой, чтобы каждый принес с собой собственную посуду, из которой можно было бы пить, ибо в этом отношении я был обставлен очень плохо. Команда в полном составе незамедлительно собралась у меня, каждый со своей плошкой или кружкой. Угощение состояло из распространенного в Сибири напитка, называемого там «сатуран», составными частями которого обычно является хорошее масло, пшеничная мука мелкого размола и хороший чай. Пшеничная мука основательно поджаривается в масле и заливается кипящим чаем; все это хорошо размешивается, получается прекрасный напиток, напоминающий по густоте отвар шоколада и

к тому же довольно сытный. За отсутствием, однако, всех необходимых припасов пришлось пустить в ход вместо масла китовый жир, взамен пшеничной—заплесневелую ржаную муку и вместо чая—отвар из брусничных листьев. Из этого я приготовил полный большой судовой котел напитка, и каждый выпил свою порцию с превеликим аппетитом. Все развеселились и приободрились и притом без всякого опьянения. Таким образом мы провели этот день до самой полуночи.

На следующий день мы бодро принялись за работу. Меня благодарили за вчерашнее угощение, и все были в превосходном настроении. Для работы мы отобрали двадцать человек, выбирая при этом тех, кто лучше всего умел колоть дрова, а следовательно, и лучше всего мог владеть топором; эти люди должны были постоянно оставаться на работе по постройке судна. Прочая команда была разбита на три отряда, в которые не включили только одного меня, так как люди не желали, чтобы я сам ходил на охоту за морским зверем; они говорили, что будут меня кормить, а я должен оставаться дома и руководить работой по постройке судна; это принесет бо́льшую пользу всем, чем тот небольшой запас пищи, который мне самому удалось бы раздобыть.

Ежедневно третья часть людей уходила на добычу мяса как для самих себя, так и для прокормления плотников, которые неотрывно должны были оставаться на своей работе. Такой порядок, однако, оказался вначале не совсем удачным. От плотников стали поступать ко мне многочисленные жалобы на то, что они очень страдают от голода, пищи им, очевидно, нехватало, и они просили меня о разрешении отправиться самим на охоту за морским зверем. Это положение меня очень тревожило, так как грозило сильно затормозить нашу работу. Я охотно разделил бы остальную команду на две части (а не на три), но это было бы слишком изнурительно для людей, потому что им приходилось проходить через высокие горы от двадцати пяти до тридцати верст и обратно тем же путем, без всяких дорог, чтобы дойти до места, где водился морской зверь; иначе говоря, им пришлось бы через день совершать по шестидесяти верст; этого они, конечно, не могли бы выдержать долго, особенно потому еще, что большинство ходило босиком.

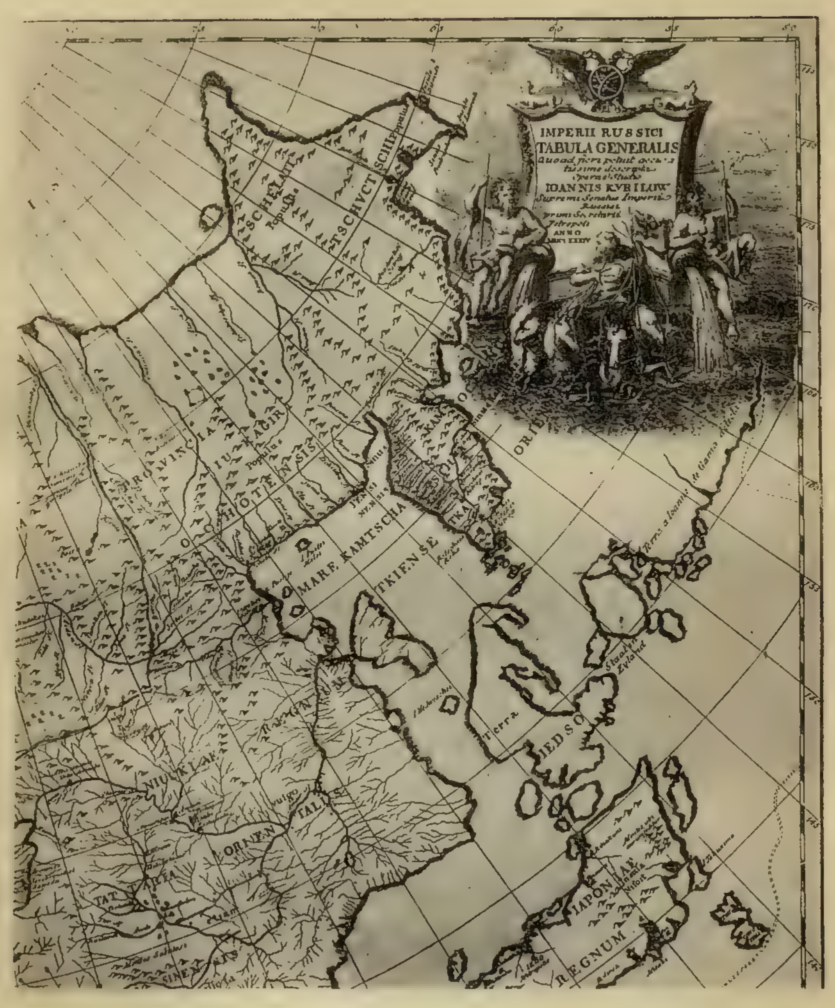
Я должен был найти другой способ, чтобы получить пропитание, и я его нашел. Он состоял в следующем. Мы ежедневно могли наблюдать, как прямо против места нашей стоянки в море ходили довольно большие косяки морских коров, или манатов [60] в поисках морской травы, которой они питаются и которая растет в этих местах в громадных коли-

чествах. Морские коровы во время отлива отходят от берега, а во время прилива опять к нему приближаются. Эти животные никогда не выходят на сушу, а остаются постоянно в воде. Это обстоятельство навело нас на мысль о том, каким способом можно поймать или раздобыть животных. Я приказал изготовить железный крюк с загнутым назад зубцом, наподобие крючка для ловли рыб, весом примерно от пятнадцати до восемнадцати фунтов. К этому крюку мы прикрепляли перлинь толщиной в четыре дюйма, оставляя другой конец его на берегу. Пять или шесть человек брали в лодку крюк (предварительно очень остро отточенный) и совсем тихо подплывали к зверю, который, будучи поглощен поисками пищи, обращал свои взоры только на дно; спина же его всегда видна над поверхностью воды. Один из самых сильных людей нашей команды становился на нос лодки, и когда она приближалась к добыче, вонзал крюк между ребрами животного. Тогда все мы, около сорока человек, ухватывались за перлинь, и случалось нередко, что нас по плечи втаскивало в воду. Бывало также, что наш перлинь разрывался, и корова уходила в море, унося с собой крюк и все прочее и чуть не утопив всех нас. Мы тогда заново изготовляли все орудия лова и начинали все дело сначала, только, вместо четырехдюймового перлиня, стали применять более тонкий гинлопарь, который зверь разорвать уже не мог. Люди, находившиеся в лодке, вооружены были также саблями, штыками и копьями; они преследовали корову и кололи ее, пока не протыкали кожу насквозь; тогда начинала фонтаном бить кровь, которая была очень горячей. Иной раз приходилось целый час возиться с коровой, пока силы ее не начинали ослабевать; тогда мы понемногу подтягивали ее к земле, в ожидании пока наступит отлив и корова окажется на берегу. Тогда надо было как можно быстрее резать и свежевать корову и доставлять мясо ее домой, прежде чем наступит прилив, иначе плоды наших трудов могли пр пасть.

Из всех разнообразных видов пищи, которую нам пришлось употреблять во время пребывания на острове, мясо морских коров оказалось самым лучшим. Оно очень вкусно и весьма полезно для здоровья, так как морская корова ничем другим не питается, как только морской травой. После того как мы стали его есть, мы чувствовали себя несравненно лучше и совершенно выздоровели. То, что мы начали бить этого зверя, было немалой удачей для нас, ибо, во-первых, мы были полностью и постоянно обеспечены пищей; во-вторых, если бы мне не удалось наладить добычу этих животных, то я не имел бы

никакой возможности прокормить плотников, а следовательно, мы не поспели бы в срок с работой и вынуждены были бы оставаться на этом острове еще одну зиму; в третьих, каждый раз, когда удавалось добыть одно из этих животных, мы оказывались обеспеченными продовольствием для всей команды на целых две недели. Каждый готовил себе так часто и в таком количестве, как ему вздумается, а вследствие этого работа наша пошла настолько успешно, что к концу мая остов судна был совершенно готов, все шпангоуты укреплены на месте, и в начале июня мы могли уже приступить к укреплению наружной обшивки.

Так как работа приближалась к концу, то будет, пожалуй, уместно сообщить несколько подробнее о пропорциях нашего судна и о том, из каких частей мы его построили. Длина его по килю равнялась сорока футам, ширина—тринадцати футам, высота—шести с половиной футам. В качестве киля мы использовали грот-мачту нашего старого судна, отпилив ее на высоте трех футов выше палубы, так как не располагали необходимыми силами и надлежащими приспособлениями, чтобы вынуть ее из судна целиком. Оставшийся отрезок мачты послужил нам в качестве форштевня, а ахтерштевень мы изготовили из целого шпиля, который был у нас на корабле. Мы сохранили еще грот-стеньгу, грот-марсель-рею, грот-брамсель-стеньгу и утлегарь для использования их на нашем новом судне, а все остальное распилили на полуторадюймовые доски,—как фок-мачту, так и все прочие стеньги и реи, равно как и все, что вообще возможно было распилить на доски. Мы хотели, чтобы новое судно от киля и до ватерлинии было обшито новым тесом, без отверстий от гвоздей. Этого осуществить полностью, однако, не удалось; пришлось, к сожалению, пустить в дело часть старой палубной обшивки. Изнутри все судно было обшито старыми досками, взятыми из обшивки старого судна. Так как эти доски имели многочисленные отверстия от гвоздей и скоб, а при разборке судна сильно поломались и растрескались, то использовать их для наружной обшивки мы уже не могли. В качестве внутренней обшивки, однако, они оказались весьма полезны, усилив крепость нашего судна, так как каждая в отдельности доска прибивалась крепкими железными скобами и железными же гвоздями. В кормовой части судна была устроена каюта, где во время пути помещался я вместе с тремя другими офицерами. В носовой части был сделан камбуз, то есть помещение, в котором для всей команды приготовлялась пища. Уложены были также палубные балки и палубный настил, и каждая балка, как

Часть генеральной карты России из атласа И. К. Кириллова 1734 г.

это вообще принято, была прочно укреплена кницами или деревянными кронштейнами кривой формы. Было приспособлено также восемь весел, по четыре с каждой стороны. Таким образом, в смысле успешности выполнения нашей работы мы, судя по всему, не имели оснований жаловаться. Когда группа недовольных убедилась, что вопреки их предположениям, дело идет успешно, они также исполнились радостью, стали усердно работать, и с этого времени приносили нам большую пользу. В конце июля мы были готовы уже приступить к конопатке судна, а затем и к спуску его на воду.

Для конопатки судна мы имели в изобилии паклю или старые канаты, но смолы, необходимой для последующей просмолки пазов, нам нехватало. Чтобы выйти из этого затруднения, мы применили следующий способ. У меня был новый якорный канат, ни разу еще не бывший в воде. Этот канат я разрубил на короткие куски, длиной примерно в один фут или менее, и раздергал его на отдельные пряди. Ими я наполнил большой медный котел, закрытый крышкой, а в середине крышки проделал отверстие. Затем мы закопали в землю деревянный сосуд, также покрытый крышкой и с отверстием в ее середине, наконец положили медный котел на деревянный сосуд вверх дном так, что крышка пришлась на крышку, а отверстие одного пришлось против отверстия другого. Всё это мы обложили землей на такую высоту, чтобы огонь не мог накоснуться деревянного сосуда. Дно котла выступало теперь наружу и возвышалось над землей больше чем на половину, а кругом него мы развели огонь со всех сторон. От жары смола из канатов вытапливалась и стекала из котла в деревянный сосуд. Таким образом, я собрал столько смолы, сколько нужно было для просмолки подводной части судна. Пазы, находившиеся ниже ватерлинии, мы смазали топленым салом, некоторый запас которого у меня был.

Я построил также для нашего судна небольшую шлюпку. На старом судне было два запасных якорных штока из березового дерева. Половину одного штока мы употребили для изготовления топорищ, а остальные три полуштока распилили на доски, толщиной в три четверти и полдюйма, и из них построили шлюпку, которая могла поднять от восьми до десяти человек. Занимаясь постройкой судна, мы не забывали также и все прочие необходимые для плавания приготовления. К тому времени, когда судно окажется вполне готовым, насколько это было возможно сделать с нашими ничтожными средствами, необходимо было привести в полную исправность весь такелаж, мачты, паруса, бочки для воды и весь необхо-

димый провиант. Все наши бочки для питьевой воды были обиты деревянными обручами, а за предыдущие две кампании они развалились. За полным отсутствием леса на острове изготовить новые обручи не было никакой возможности. Я приказал поэтому заново скрепить бочки при помощи стропов, то есть полос из канатов, и привести их в полный порядок.

Бочки получились чрезвычайно прочные и крепкие и во время всего дальнейшего плавания они не дали ни малейшей течи. Для питания нашего в пути мы засолили несколько бочек мяса морских коров, так как другим провиантом не располагали. С двадцатью пудами ржаной муки, которые нам удалось сохранить для нашего плавания, мы не знали как поступить. Выпечь из нее хлеб не имело смысла: какое значение могло иметь такое небольшое количество для большой команды в сорок шесть человек. Поэтому мы единодушно решили не выпекать из нее хлеб, а взять муку с собой и во время плавания готовить два или три раза в неделю «бурду». Последняя приготовлялась следующим образом: брали двадцать или больше фунтов муки, смотря по размерам запасов, замешивали ее на теплой воде в деревянной посуде и оставляли стоять два или три дня, пока не начиналось брожение и тесто не становилось совсем кислым. После того как тесто было приготовлено таким образом, ставили на огонь большой судовой котел, наполнив его на три четверти или больше водой, а когда вода начинала кипеть, то клали это кислое тесто в котел и давали ему основательно прокипеть, и очень вкусный суп был готов. У кого оставался еще китовый жир, тот добавлял его в свою порцию, а у кого ничего не было, тот ел его и так, и всем нам этот суп казался очень вкусным. День, когда мы получали «бурду», считался у нас праздничным, так как от одного котла мы все наедались досыта.

Возвратимся, однако, к нашей постройке. К концу июля судно было совершенно готово, и оставалось только сделать помост, на котором предстояло спустить его на воду. Эта работа отняла у нас много времени и стоила нам много труда, так как помост из-за большой отмели, прилегавшей к берегу, пришлось делать длиной свыше двадцати пяти сажен; вследствие сравнительно большой высоты прилива мы не могли заложить судно в непосредственной близости от береговой линии. Главное, что меня беспокоило, это необходимость спустить судно в открытое море в таком месте, где на половине горизонта от NNW до SSO нельзя было найти защиты от ветра. Если бы ветер вдруг изменил направление и задул с некоторой силой от моря, то судно неизбежно выкинуло бы на берег.

В этом случае судно следовало бы считать обреченным на гибель, все наши труды и старания пропали бы даром и последняя надежда на спасение была бы потеряна. Никакого другого выхода, однако, не было, приходилось итти на риск, и 10 августа к концу дня, при полном приливе, мы, наконец, спустили судно на воду. Как и при закладке судна, о чем рассказано выше, в тот же вечер у меня было устроено угощение.

Половина наших людей была у меня в гостях, а другая половина была занята на судне, устанавливала мачту и крепила такелаж, пользуясь полнейшим отсутствием ветра. Мы пировали недолго, а постарались, по пословице, ковать железо, пока горячо. Немедленно же мы приступили к погрузке на борт воды, всего нашего провианта и багажа. Мы погрузили в качестве балласта сто восемьдесят семь болванок железа, два домкрата и несколько сот пушечных ядер. Между тем судно было оснащено, поставлены паруса, подвешен руль, и все было подготовлено к выходу в открытое море. В этой работе немалую помощь оказал мне тогдашний боцман, ныне младший лейтенант Алексей Иванов, очень расторопный человек и прекрасный моряк.

Закончив все приготовления к походу и перейдя на борт судна, мы к вечеру 13 августа подняли якорь и подтянулись на варповом якоре до глубины пяти, семи и девяти сажен. Затем мы пустили в ход наши восемь весел и стали отгребать от берега. Отойдя примерно на две немецкие мили, мы попали в полосу легкого попутного ветра и воспользовались им для продолжения нашего плавания. Особой удачей надо считать то обстоятельство, что за все три дня, пока наше новое судно стояло на якоре перед островом, ниоткуда не ощущалось ни малейшего ветерка, ибо даже самый слабый ветер мог бы крайне затруднить нам работу по оснащению судна и по погрузке. Новое судно мы назвали «Св. Петр». Это имя принадлежало нашему старому судну, из частей которого мы построили новое, поэтому, по справедливости, и ему надлежало присвоить то же имя. Оснастка его была сделана наподобие одномачтового гукера с большими реями и грот-парусом, летучим топ-парусом, фоком и кливером. Бизань-мачты нам не требовалось, так как при большой величине грот-реи паруса хватало настолько, что грот-шкот приходился на самую корму. Осадка его составляла пять футов, причем была возможность грузить его еще глубже; мы, однако, не хотели слишком перегружать судно, так как не могли быть вполне уверены в его крепости. Оно шло под парусом так хорошо, как только можно ожидать от судна такого типа, делало четыре, пять и до шести

узлов и свободно маневрировало как по ветру, так и против ветра,—в общем, оно выполняло все, что только можно было от него требовать. Должен еще добавить, что, по достоверным известиям, это судно еще в 1752 году было в плавании, выполняя грузовые перевозки между Охотском и Камчаткой. Мы взяли также с собой на буксир шлюпку нашего старого судна с таким расчетом, что пока будет стоять хорошая погода, она может нам пригодиться; если же наступит сильная непогода, то мы в любое время можем бросить ее и оставить на произвол судьбы.

14 августа около полудня мы увидели южную оконечность острова Беринга, которую мы в нашей карте назвали мыс Манати (морской коровы), к $N^1/_2O$ от нас примерно на расстоянии двух немецких миль, и определили его северную широту по обсервации—54°55′ и от этой точки начали счисление курса нашего судна.

15 августа мы встретили сильный противный ветер южных и западных румбов. Во избежание повреждения нашего судна тяжелой буксируемой лодкой, мы единодушно решили обрубить наш буксир и бросили шлюпку на произвол судьбы. В обеденное время мы заметили сильную течь в судне. Пришлось непрерывно работать одним насосом, а к вечеру в судне набралось столько воды, что были пущены в ход оба насоса; все же этого было недостаточно, и мы должны были выкачивать воду ведрами через оба люка. В целях облегчения судна мы принуждены были выбросить в море бо́льшую часть погруженных на судно пушечных ядер и картечи, а также часть нашего багажа. Это позволило начать поиски места течи, и действительно, вскоре удалось его найти. Оказалось, что вода проникла в судно через открытый паз, из которого конопатка была вымыта волной. Мы снова законопатили паз изнутри, как только могли, забили его сверху деревянными планками и добились того, что при частом откачивании одним насосом уровень воды не повышался.

17 августа мы увидели землю к WNW от нас—берег Камчатки, севернее Авачинской губы. Мы пошли вдоль этой земли к югу, встречая неоднократно противные ветры, по большей части южных румбов, и шли так до 26 августа, когда благополучно добрались до Авачинской бухты, а 27 августа бросили якорь в Петропавловской гавани.

Я не в состоянии описать радость и восторг, который каждый из нас испытал, убедившись в своем спасении. От величайшей нужды мы перешли к полному изобилию—целый склад, наполненный продовольствием, теплые и удобные квартиры

и масса всяких удобств, без которых приходилось обходиться в течение всей прошлой зимы. Все это вызвало такую бурную радость, составило такой контраст с прошлым, что словами высказать это невозможно.

Таким вот образом, в настоящей главе моей книги я выполнил свое намерение и рассказал вкратце, как нам пришлось жить на острове, а также о путешествии оттуда обратно на Камчатку. Этим заканчивается в сущности и рассказ о Камчатской экспедиции, так как последняя вернулась, наконец, в порт, из которого когда-то отправилась.

Известия, полученные нами по прибытии на Камчатку о наших товарищах с судна «Св. Павел», которым командовал капитан Алексей Чириков, и о том, что с ними случилось в путешествии

Отбившись от нас, как уже рассказано ранее в одиннадцатой главе, второе судно экспедиции «Св. Павел» с 48-го градуса северной широты поплыл прямо на восток, в то время как мы, преодолевая противные ветры, пробивались к югу до 45-го градуса, прежде чем также повернуть к востоку. Поэтому «Св. Павел» и оказался на несколько градусов восточнее нас. Он встретил землю лишь на 56-м градусе северной широты после того, как отошел на 60° к востоку по долготе от Авачинской бухты. Берег был совершенно ровный, без островов или шхер, и подойти на близкое расстояние «Св. Павел» не имел возможности. Он бросил якорь в порядочном расстоянии от берега. Так как на судне испытывали большой недостаток в пресной воде, было решено послать за ней на берег лодку. Для этой цели был назначен офицер Абрам Дементьев, очень толковый человек; с ним послали десять человек из числа лучших людей команды, хорошо вооружив их и снабдив боевыми припасами, а также пушкой и всеми к ней относящимися принадлежностями. Им была дана также подробная инструкция, как себя держать при различных возможных неблагоприятных случайностях и как пользоваться сигналами; они взяли с собой запасы провианта на несколько дней. Лодка отошла от корабля, и видно было, как она завернула за мыс. Можно было совершенно спокойно надеяться, что она благополучно достигла

земли, тем более, что вслед за тем было замечено несколько сигналов различного рода огнями, как раз таких, как было условлено. Прошло, однако, два и три дня, лодка не возвращалась, а тем временем сигнальные огни на берегу непрерывно продолжали гореть. Это навело на мысль о том, что, быть может, лодка, причаливая к берегу, потерпела какие-нибудь повреждения и что до ее исправления команда не может вернуться на борт. Поэтому решено было послать на берег дополнительно небольшой ялик с плотниками, запасом пеньки для конопатки и всякой мелочью для ремонта лодки, если бы это потребовалось. Шесть человек было командировано в ялике, также с ружьями, припасами и всем необходимым в полном количестве, с приказом разыскать лодку, по нахождении ее, оказать ей необходимую помощь и возвратиться вместе с нею немедленно на борт.

На следующее утро было видно, как два судна отошли от берега, одно несколько бо́льших размеров, чем другое. На борту корабля были уверены, что это — лодка и ялик, и по этому поводу была большая радость. Немедленно начата была подготовка корабля к выходу в море, снасти и реи спешно приводились в порядок и делались все остальные необходимые приготовления. Вся команда была на палубе, каждый был занят своей работой. Когда же оба суденышка подошли ближе к кораблю, то пришлось убедиться, что это американские лодки, переполненные американцами. Они подошли к кораблю на расстояние около трех кабельтовов, но, увидев на палубе много народа, американцы повернули обратно к берегу; на судне же не оставалось ни одной шлюпки, на которой можно было бы последовать за ними. Конечно, пришлось немедленно сделать грустный вывод, что лодка и ялик со всеми находившимися на них людьми погибли. Я думаю, что если бы они во-время заметили, что приближаются не их шлюпки, и спрятали бы всех людей в трюмах, а на палубе оставили бы только одного-двух людей, то американцы взошли бы на корабль, быть может, с намерением захватить судно, ибо, имея у себя семнадцать человек пленных, они вполне могли полагать, что на корабле оставалось немного людей. Таким способом капитану Чирикову, может быть, и удалось бы выручить своих людей, если, конечно, их не убили при высадке, или во всяком случае отплатить за гибель товарищей. На корабле, однако, слишком были уверены, что это их собственные суда, и не приняли необходимых мер предосторожности, а сообразили только тогда, когда было упущено время. Таким образом, эти бедняги без всякой вины остались в руках диких американцев и погибли.

Можно предполагать с полным основанием, что, когда они подошли к берегу, американцы, вероятно, спрятались, и что люди, прибывшие на лодках, не подозревая о грозящей им при высадке на берег опасности, разошлись в разные стороны за водой, за ягодами и плодами или по другим надобностям. Таким образом, они, надо полагать, были разобщены друг от друга, когда американцы, улучив, наконец, удобное время, появились вдруг между ними и лодкой, преградив обратный путь. Если бы около лодки осталось большинство людей или даже хотя бы шесть или семь человек, то, имея при себе столько оружия и пороха, они в течение долгого времени могли бы удерживать на расстоянии даже несколько сот диких американцев, которые, вероятно, не обладали огнестрельным оружием (мне лично не приходилось встречать у них ружей), в крайнем случае, они могли и отчалить от берега. Между тем поднялся западный ветер такой силы, что «Св. Павел» не мог дольше оставаться на якоре в открытом океане. Чтобы сам корабль не выбросило волной и ветром на берег, пришлось поднять якорь и уйти в открытое море. Шторм продолжался несколько дней, и в течение этого времени они не могли приблизиться к земле. Как только погода улучшилась и буря утихла, они снова подошли к земле в том месте, где оставили своих людей, но никого не услышали и не заметили каких-либо следов их пребывания. Небольших судов или шлюпок, которые можно было бы послать к берегу на розыски и для расспросов, у них уже не оставалось; итти же к берегу с большим кораблем было очевидно невозможно. Поэтому принято было решение людей покинуть, а самим возможно скорее возвратиться на Камчатку. [61]

Они встретили в пути сильные противные ветры и испытывали большой недостаток в пресной воде, так как ни одного раза после отхода из Камчатки им не удалось запастись свежей пресной водой. Когда случалось приставать к берегу, то не было малых судов, чтобы послать за водой, а их лодка и ялик пропали, и им пришлось весь обратный путь проделать с запасом воды, взятой еще на Камчатке. Чтобы несколько увеличить этот запас, они занялись перегонкой морской воды, добывая из соленой воды пресную; получалась вода несколько горьковатая на вкус, но не соленая. Они смешивали ее пополам с камчатской водой, пока той еще оставалось немного, и каждый получал ежедневно небольшую кружку, и так продолжалось в течение долгого времени. Они собирали также дождевую воду. Таким способом кое-как с большой нуждой пробились до конца плавания. Многие из команды также заболели цынгой; два лейтенанта и один констапель умерли в плавании, капитан

Чириков слег на долгое время и совсем обессилел. Из офицеров оставался только один — в то время штурман, ныне капитан-лейтенант Иван Елагин. Он довел судно до Авачинской бухты, куда оно прибыло 17 октября 1741 года. Еще до прибытия в Петропавловскую гавань умер профессор Делакройер, который также проделал с ними всю кампанию. Вот все, что я узнал про плавание «Св. Павла», о случившихся с этим судном происшествиях, и что я здесь вкратце изложил.

О наших занятиях после возвращения с острова Беринга на Камчатку и о нашем путешествии в следующем году оттуда в Охотск, с прибавлением справки для судоводителей о навигации из Охотска на Камчатку и вокруг ее оконечности, называемой мысом Лопатка, в Авачинскую бухту, так как подробных карт этих мест еще не существует.

Так как по приходе на Камчатку я нашел там довольно большой запас продовольствия, то я решил в этот же год вернуться в Охотск, чтобы иметь возможность скорее и подробнее доложить Адмиралтейств-коллегии о моем прибытии. Для этой цели я распорядился по мере возможности и со всей поспешностью, снабдить наше судно возможно лучше материалами для конопатки и прочим необходимым для его ремонта. Так как, однако, по вместимости нашего судна численность команды была чрезмерно велика, а осенняя пора уже приближалась, то я решился оставить половину команды на зимовку на Камчатке под командой артиллерийского офицера Берента Розелиуса, который так же проделал с нами весь поход, с инструкцией и приказом — следующей весной с первым судном, отходящим из Камчатки в Охотск, последовать туда за мной, не оставляя никого из остальных членов команды. Закончив все свои дела и запасшись полностью провизией и всеми прочими припасами, 2 сентября 1742 года вышел из Авачинской бухты при благоприятной погоде. Но не успел я, однако, пробыть в море и 24 часов, как поднялся сильный юго-западный ветер, который в нашем плавании не был нам попутным. Судно стало испытывать сильную качку, и обнаружилась сильная течь в трюме. Время года было такое, что с полным основанием можно было опасаться сильных штормов. Мы отлично знали, что наш гукер

не обладает крепостью, необходимой для морского судна. Я созвал совет, пригласив всю команду, бывшую со мной на судне, и мы единодушно решили снова вернуться в Авачинскую бухту и там провести зиму, с тем чтобы к будущей весне полностью отремонтировать судно и совершенно безопасно совершить на нем плавание по морю. Это и было приведено в исполнение. 3 сентября мы вернулись в Авачинскую бухту, где стали готовиться к зимовке.

Громадную разницу почувствовали мы между этой зимовкой и предыдущей, ибо, во-первых, все мы были вполне здоровы, а во вторых, не испытывали никакого недостатка ни в квартирах, ни в продовольствии. Хлеб и крупа имелись в изобилии; вдобавок я распорядился доставить сотню северных оленей, таким образом, и в мясе мы не терпели никакого недостатка.

На Камчатке не водится лошадей, а следовательно, в летнее время невозможно предпринять путешествие сушей. Чтобы послать отчет о моем прибытии главному командованию и Адмиралтейств-коллегии, я должен был дожидаться санного пути, когда по здешнему обыкновению можно очень быстро передвигаться на собаках.

Между тем я занялся составлением рапортов и отчетных донесений, равно как меркаторских карт нашего путешествия, с тем чтобы немедленно по установлении санного пути послать их в надлежащие учреждения. Это и было выполнено 15 ноября 1742 года. В этот день я послал в то время боцмана, ныне младшего лейтенанта Алексея Иванова, а с ним солдата для охраны его в пути. Как мне удалось впоследствии узнать, он лишь в августе следующего 1743 года прибыл в Санкт-Петербург.[62]

В марте 1743 года мы приступили к ремонту нашего судна и к его укреплению. Так как у нас не имелось никакого другого дерева, кроме березы, которая вырастает на Камчатке до довольно большой толщины, но высотой не больше четырнадцати-пятнадцати футов, то я распорядился напилить из нее дюймовых досок, которыми почти полностью обшил все судно, а затем основательно проконопатил его так, чтобы оно стало водонепроницаемым, словно бутылка.

27 мая со всей командой я вышел из Авачинской бухты. Обогнув южную оконечность Камчатки, называемую мысом Лопатка, и войдя в Пенжинский залив, зашел в устье реки Большой, так как мне было хорошо известно по прежнему опыту, что упомянутый залив зачастую до середины июня не очищается от плавучих льдов. Поэтому я переждал там время, пока явилась возможность плыть дальше, и 27 июня 1743 года прибыл в Охотск, который являлся начальной гаванью нашей

экспедиции и где были построены все суда, принимавшие участие в Камчатской экспедиции. На этом заканчивается мой рассказ о наших морских путешествиях и о том, что́ приключилось с нами во время плаваний.

Полагаю совершенно излишним останавливаться здесь на наших дальнейших работах в течение тех шести лет, которые мне пришлось еще пробыть в Сибири, ибо это не имеет отношения к морскому путешествию, а в начале настоящей книги по поводу нашего путешествия к Охотску я кое-что вкратце рассказал о нашем пути и о самой Сибири. Достаточно здесь сказать только, что в конце января 1749 года я вернулся в Санкт-Петербург и, следовательно, целых шестнадцать лет провел в составе Камчатской экспедиции.

Для сведения мореплавателей я сообщу некоторые подробности, касающиеся плавания между Охотском и Камчаткой, вокруг мыса Лопатки и до Авачинской бухты, так как никаких исправных карт этих вод не существует.

Фарватер выхода из Охотска описан быть не может, так как каждый год при сильном ледоходе он изменяется льдами, выносимыми из реки Охоты; прошлогодние проходы затягиваются песком, а взамен их открываются новые. Прежде чем пуститься в плавание из Охотска, рекомендуется предварительно разведать состояние песчаных банок при выходе из гавани и на самом глубоком найденном канале установить буй или другой какой-либо знак, так как если пренебречь этой мерой предосторожности, то очень легко можно погубить свое судно. Следует учесть также, что осадка судна не должна превышать десяти футов, причем необходимо тщательно следить за высотой прилива. При самом высоком приливе глубина на банках не превышает двенадцати футов. Это иным, быть может, покажется совершенно излишним предупреждением, так как обязанностью каждого моряка является соблюдение этих мер предосторожности, то есть тщательное изучение фарватера со слов сведующих лиц или по личному осмотру, прежде чем воспользоваться им на деле. Все же я не поколебался снова дать здесь эти указания, так как фарватер в этих местах совершенно не изучен, а такое предупреждение может послужить для принятия надлежащих мер предосторожности судами как при входе, так и при выходе из гавани.

После того как судно благополучно выберется из устья реки Охоты через песчаные банки в открытое море, следует взять курс на SO к устью реки Большой, а пройдя этим курсом приблизительно сто немецких миль, судно окажется на расстоянии почти пятидесяти миль от Большерецка. Если бросить лот

в этом месте, то глубина определяется в шестьдесят, пятьдесят и сорок сажен при песчаном грунте. Затем глубины начнут постепенно убывать, пока не покажется берег земли, а когда до берега останется около полумили, то можно бросать якорь на глубине от восьми до десяти сажен на хорошем прочном песчаном грунте; берег здесь ровный и не слишком высокий. Если бы не удалось найти указанные выше глубины, то это знак, что судно отнесено южнее, чем было намечено курсом, а потому курс следует изменить на более восточный. По обсервации я определил, что Большерецк расположен на 52°40′ северной широты, а по математическим расчетам на 13° восточнее Охотска. (Примечание: следует помнить, что Охотск расположен на 50°10′ северной широты).

Если судно имеет намерение пристать в Большерецке, то следует поступать совершенно так же, как в Охотске: расположение песчаных банок в устье реки меняется каждый год вследствие ледохода. Если же предполагается поход вокруг южной оконечности Камчатки в Авачинскую губу, то я бы советовал всякому, кто не знает тех мест по собственному опыту, взять с собой из Большерецка кого-нибудь, кто знает расположение Авачинской губы и вход в нее, так как все восточное побережье состоит сплошь из крутых гор и многочисленных высоких вулканов, похожих на сахарные головы, и повсюду глубины очень велики, так что на всем побережье нет ни одного места, где можно было бы бросить якорь, кроме Авачинской бухты, которую мы уже описали в девятой главе. К тому же вход в бухту совсем не широк и притом закрыт высокими горами, и заметить его иногда бывает не совсем просто, а потому свежему человеку бывает затруднительно ввести туда судно.

Возвратимся, однако, к Большерецку. Оттуда курс прокладывается прямо на юг; вскоре показывается направо высокий круглый остров, названный на нашей карте Аланд. Этот остров остается все время с правой стороны, а судно, как указано выше, направляется прямо к югу до Курильских островов, которые и действительно вскоре после этого показываются. В дальнейшем следует держаться к проходу между двумя островами, которые к этому времени будут отчетливо видны, пока остров Аланд не окажется как раз к западу. К этому времени следует повернуть прямо на восток через пролив, в котором глубина составляет от восьми до десяти сажен, а пройдя по нему приблизительно одну немецкую милю или немного менее, судно выходит из Пенжинского залива в Великий или Тихий океан. Обратить внимание надо на следующее: при проходе

пролива две трети его должны оставаться по левую сторону, к Камчатке, а одна треть по правую сторону, к Курильским островам, а все расстояние между ними составляет приблизительно одну большую немецкую милю. Причина, почему необходимо итти таким курсом, следующая: на одной трети расстояния от Камчатки расположен большой каменный риф, которого следует остерегаться. Можно пройти и между этим рифом и Камчатским берегом, где глубина составляет повсюду от семи до восьми сажен. Так как, однако, этот проход очень узкий и тесный, то предпочтительнее пользоваться более широким проходом. Приливная волна при новолунии и полнолунии направлена здесь с востока на запад; следует весьма остерегаться, как бы не попасть в узкую часть пролива в момент входа туда приливной волны, так как при этих условиях проход крайне затрудняется. Я говорю это по собственному опыту, а подробнее об этом можно прочитать в девятой главе настоящей книги.

К северо-востоку от Авачинской бухты в море впадает река Камчатка. Устье ее расположено на 56° северной широты. В эту реку суда также могут входить с моря, осадкой в восемь или девять футов, если точно улучить момент высшей точки прилива, который в этом месте направлен с юго-запада на северо-восток. Указать точнее входной фарватер в этом месте также не представляется возможным, так как он, как в Охотске и Большерецке, часто меняется и при проходе его приходится применять те же меры, что и там. Вот и все, что я хотел сказать для сведения мореплавателей о фарватерах в этих местностях.

Глава 15

Описание земли Камчатки, ее положения, современного устройства, природных богатств и прочих особенностей, а также об ее жителях, их промыслах, средствах существования и прочих, достойных упоминания, обстоятельствах.

Южная оконечность полуострова Камчатки расположена на 51°10′ северной широты. Линия его западного побережья тянется примерно в направлении от StO к NtW до 58°10′ северной широты. Астрономическими наблюдениями установлено, что восточная часть Камчатки расположена на параллели 60° северной широты, на 130°40′ восточной долготы от Санкт-Петербурга, который нами принимается здесь в качестве первого меридиана.

На Камчатке имеется три острога; это большие деревни, огороженные палисадами, т. е. тыном. Четвертым поселением является Петропавловская гавань. Все они населены русскими и управляются комиссарами, которые ежегодно присылаются из Охотской канцелярии. Первое и самое крупное селение—это Большерецкий острог, являющийся одновременно и гаванью для судов, прибывающих из Охотска; комиссары остальных острогов подчинены Большерецкому комиссару. Второе селение—Верхний острог на реке Камчатке; оно расположено на середине пути между Большерецком и Нижним острогом. Жители этого селения вынуждены заготовлять свои зимние запасы рыбы на морском побережье, так как рыба не поднимается так высоко по реке, хотя, говорят, и у себя они вылавливают немало рыбы. В этих краях, как передают, растет в некотором количестве лиственница—дерево, пригодное для судостроения; на морском же побережье из деревьев растут только толстые, но невысокие березы. Третий острог—Нижне-камчатский; он стоит в устье реки Камчатки, где она впадает в Тихий океан. Здесь капитан-командор Беринг в 1727 году построил свои первые суда. Здесь с давних пор устроена также церковь. Так как в то время по всей Камчатке был всего один поп на четыре церкви, то по представлению нашей экспедиции в 1744 году послано в эти места несколько священников, которые понастроили много церквей. В каждую церковь назначили сведущего попа, и, как полагается, были устроены приходы. Этими благими мерами удастся распространить христианство в этом крае.[63] В Нижне-камчатском остроге находится также капитан Якутского полка с ротой солдат и тремя сотнями казаков, которые, по всей вероятности, и по настоящее время составляют весь гарнизон Камчатки.

Почва по всей стране—чернозем и, видимо, весьма плодородна. Между тем там не вырастают растения, плоды которых находятся над поверхностью земли, хотя в этом направлении делались многочисленные опыты. Причина, вероятно, та, что Камчатский полуостров имеет небольшое протяжение в ширину, а вытянут в длину и узок, и с обеих сторон окружен большими океанами, а именно—с востока Тихим океаном, с запада Пенжинским заливом, а с юга омывается громадным Южным океаном, простирающимся до самой равноденственной линии и еще дальше. Отсюда возникают постоянная влажность и густые туманы, подымающиеся от моря, а потому и солнце не может оказать своего действия на почву; следовательно, ничего не может созреть, и все растения, выросши на половину, засыхают и погибают, не принеся плодов. Подземные же растения, как

репа, редька и тому подобные корнеплоды, отлично развиваются;[64] мне самому попадались там репы весом в два и три фунта и притом весьма хорошего вкуса. Тем не менее, в Нижне-камчатском остроге, около находящейся там церкви, удавалось несколько раз в виде опыта доводить до полной зрелости ячмень. Это, однако, происходит далеко не каждый год, но только в те годы, когда выпадает сухое лето, а с моря не слишком часто набегают туманы. Такое состояние погоды случается, однако, очень редко и бывает, кажется, один раз в десять лет. Влажность в этих местах настолько велика, что камчадалам иной раз приходится по три или четыре раза начинать снова лов рыбы для изготовления зимних запасов, так как им не удается высушить рыбу. От постоянной сырости мясо пропадает, и от рыб остается одна только кожа, по этой причине, как указано выше, им по три и четыре раза приходится выходить на лов рыбы.

Но и здесь видна неизмеримая щедрость и благость бога. Он не оставляет свои создания и не дает им умереть голодной смертью, ибо хотя он и лишил их хлеба и других обычных предметов питания, но дал им в избытке прекрасную ценную рыбу, а также другие необходимые для поддержания жизни предметы, о которых скажем ниже. Иной раз даже кажется, что Камчатка как бы нарочно предназначена для рыбного промысла, ибо, в особенности по западному побережью, по всему его протяжению, от юга до севера, в море впадают многочисленные небольшие речки; в этих местах камчадалы устраивают свои поселения. Каждой весной из моря вверх по рекам поднимается такое громадное количество рыбы, что они не рискуют ставить свои сети во всю ширину рек, часто достигающей двадцати сажен, а ставят только четыре или пять сажен сетей, иначе от массы попадающей в них рыбы сети рвутся. На Камчатке растет также особый вид крапивы высотой в восемь или девять футов. Из нее они приготовляют сети, для чего приходится собирать крапиву с осени и обрабатывать ее наподобие льна, то есть трепать, чесать и прясть, и из пряжи плести сети. Их приходится делать каждый год заново, так как сети, изготовленные из волокон этой крапивы, не выдерживают больше одного лета.

Рыба, которая там ловится,—лосось различных сортов. Первый и лучший сорт называется у них чавычей. Мясо этой рыбы белое, весит каждая рыбина от семидесяти до восьмидесяти фунтов, она нежна на вкус и очень жирна. Эта порода рыб ловится от середины мая до конца июня, а после этого в течение всего года не попадается больше ни единой рыбы

этой породы. Ее по большей части солят, так как она слишком мясиста и не поддается поэтому сушке. Другой сорт—тоже из породы лососей,—называемая у них няркой. Она весит от семи до восьми фунтов, мясо ее красное и жесткое, на вкус оно, правда, недурно, но люди нашей команды заметили, что сразу, когда начинаешь питаться ею, образуются сильные запоры. Камчадалы, однако, ничего подобного не знают, они сушат эту рыбу на солнце и делают из нее так называемую юколу. Третий сорт называют кетой. Эта рыба по величине немного больше нярки, мясо ее белое и мягкое, из нее также приготовляют юколу. Четвертый сорт—мальма. Она гораздо меньше, чем оба описанных раньше сорта, и так как эта рыба очень жирна, а мясо ее тоже совсем мягко, то из нее камчадалы готовят свои запасы рыбьего жира, что делается следующим образом. Рыбой заполняют доверху большой чан, затем бросают в него раскаленные камни и плотно закрывают; в результате из рыбы вытапливается жир. Затем продолжают кидать в чан раскаленные камни, пока весь жир не вытопится. Таким образом получают из двух-трех тысяч рыб большую бочку чистого и прозрачного рыбьего жира, который в продолжение всего года употребляют в пищу вместо масла.

Я едва не забыл указать, что самая первая рыба, которая приходит весной в громадных количествах, это сельдь. Как-то раз в Петропавловской гавани мы бросили сеть и не могли ее вытащить обратно на берег. Пришлось подъехать на лодках и черпать из сети рыбу ведрами. Я уверен, что за этот единственный завод сети, длиной приблизительно в двадцать пять сажен по обоим ее крылам, мы выловили свыше пятисот бочек. Повидимому, это очень недурной сорт сельди, и я думаю, что если бы иметь на месте испанскую соль и засаливать ею эту сельдь, то она ничем не уступала бы голландской селедке. Сельдь, однако, остается в этих водах лишь недолгое время, по всей вероятности, потому, что ее очень сильно преследуют киты; некоторые из них гнались за сельдью даже в нашей гавани.

Вот еще один способ, каким камчадалы обеспечивают себя продовольствием на зимнее время: они выкапывают в земле большие и глубокие ямы и засыпают эти ямы доверху свежей живой рыбой всяких пород до двадцати—тридцати тысяч штук. Затем яма покрывается дерном, а чтобы песцы и другие животные не подобрались к запасу, поперек, поверх ямы, кладется несколько бревен. Здесь рыба остается лежать, гниет и превращается в какую-то слизь. Это для камчадалов лучшее лакомство, а так как запасы его очень велики, то из

них варят также пищу для собак. Называется это у них юколой. Когда приближаешься к тому месту, где имеется такая яма с рыбой, то по запаху чувствуешь ее за добрую четверть мили. Мне самому никогда не приходилось пробовать юколу, но некоторые из наших людей ели ее с большим аппетитом.

Солью они обеспечивают себя таким же способом, как и жители Охотска, о чем рассказано подробно в седьмой главе.

Рыба, которую они ловят, той же породы, как у камчадалов, но так как способы приготовления ее отличаются, то я и счел необходимым описать здесь все это для обрисовки образа жизни камчадалов.

Что касается других источников пропитания у камчадалов, то следует отметить, что они собирают большие запасы различных ягод, которые в изобилии растут на Камчатке, как то: бруснику, голубику и клюкву и в течение всей зимы употребляют их в пищу.

На Камчатке растет также один из видов лука или, точнее сказать, чеснока, так как он по вкусу и запаху весьма на него походит. Жители собирают его ранней весной, как только с земли сойдет снег; в это время года он еще сочен, а потом становится деревянистым. Они засаливают его целыми бочками и в течение всего года употребляют в пищу: кладут его в рыбный суп и другие свои блюда, которым он придает очень приятный вкус. Этот лук камчадалы называют черемшей. Они выкапывают также луковицы желтых лилий, которые в тех местах растут в изобилии и носят название сараны. Они сушат луковицы этого растения и затем толкут в муку, которой они обычно заправляют свои жидкие супы до полной густоты. Если камчадал хочет особенно тонко полакомиться или угостить особенно желанного гостя, то из этой муки с водой замешивается тесто, вроде как для блинов, и запекается на рыбьем жиру в виде оладьев, которые мне неоднократно приходилось есть и которые очень приятны на вкус. Далее приготовляется сушеная рыбья икра, которая предназначается, главным образом, для мужчин, отправляющихся в лес для добычи диких зверей. Имея при себе один-единственный фунт этой сушеной икры, камчадал обеспечен провиантом на целый месяц, ибо когда ему хочется поесть, он срезает кору с березы (а они растут здесь везде во множестве), снимает верхнюю мягкую кору, а твердую ее часть, прилегающую ближе всего к стволу дерева, намазывает небольшим количеством взятой с собой рыбьей икры, а затем поедает ее, как сухарь или как бутерброд, что и составляет всю его пищу.[65] Наполнив, кроме того, свой желудок чистой водой, он снова на

Морской лев (сивуч), морской котик и морская корова. Из рукописи С. Вакселя

целые сутки становится работоспособным. Туши пойманных зверей они также не выбрасывают: будь то соболь, горностай, лисица, выдра или крыса,—все равно, мясо добычи идет в пищу охотнику.

В летнее время они обнаруживают отличные познания в ботанике, так как употребляют в пищу разнообразные дикие коренья, и хотя на Камчатке произрастают многие виды кореньев, крайне вредных для человеческого организма, но камчадал никогда к таким кореньям не притрагивается, так как очень хорошо знаком со всеми их свойствами. Употребление в пищу хлеба—вовсе непривычное для них дело, а многие из них даже утверждают, что заболевают от него. Поэтому они особенно и не стремятся его получить. Если угостить их куском хлеба, то они сначала съедят рыбу или другое какое-нибудь свое блюдо и лишь потом хлеб.

Вопрос об одежде разрешается у них тоже чрезвычайно просто, ибо, заметив, что старая одежда пришла в ветхость и что нужна новая, они убивают трех или четырех собак, в первую очередь старых, уже не могущих служить ездовыми, и выделывают их шкуры—таким образом, материал для нового платья готов. Затем из одного куска сшивается верхняя одежда вместе с шапкой, мехом наружу; такое платье у них называется кухлянкой; в нем они ходят круглый год, зимой и летом, в течение трех или четырех лет.

Зимой они ездят на собаках; никаких других средств передвижения по суше они не знают. Поэтому собаки находятся у них в большом почете и пользуются хорошим уходом. О питании своих собак в течение зимы они заботятся так же, как о собственном своем пропитании, если не больше. Сани их—очень легкой и тонкой конструкции, связаны ремешками и по весу не должны превышать пятнадцати, самое большее шестнадцати фунтов. В них впрягаются четыре собаки, а груза на такие сани кладут до двухсот фунтов, причем, если дорога ровная и прямая, то хозяин сам тоже садится на эти сани; если же дорога идет в гору, то хозяину приходится помогать собакам. Собаки эти ростом невелики, но хорошо сложены и широкогруды. Управляют ими следующим образом: одна из собак передней пары (ибо они впрягаются в сани попарно) приучена слушаться известных слов команды, которые ей кричит хозяин, и она знает, следует ли ей бежать вправо, влево или вперед; остальные же собаки никогда не противятся вожаку и смотрят на него вроде как на командующего офицера. Если случится, однако, что в лесу встретится на пути соболь, лиса или другой какой-нибудь лесной зверь, то всякая дисциплина и респект

как по отношению к хозяину, так и по отношению к вожаку немедленно забываются, и удержать собак можно лишь с чрезвычайно большим трудом. Самое лучшее средство в таких случаях—это, если возможно, немедленно опрокинуть сани, тогда собаки не могут бежать дальше. Мне самому случалось ездить как на собаках, так и на оленях, и по моему мнению, из обоих этих видов передвижения езда на собаках предпочтительнее, так как их постоянно можно держать при себе. Ночью приходится спать с ними в одной и той же яме, так что пользуешься их теплом, а в дальнейшее путешествие можно отправляться в любую минуту, по желанию. Оленей же приходится отправлять пастись, а на это теряется очень много времени, так как всякий раз приходится их ловить. Летом камчадалы не имеют никаких средств передвижения, кроме как по воде на лодках (там, где это возможно); там, где нет водного пути,—по способу апостолов, то есть, пешком, неся мешок за плечами.

О камчадалах, живущих на восточном побережье, необходимо добавить, что они отправляются летом на своих лодках, зимой просто по льду в открытое море, нередко за три-четыре немецких мили от берега, чтобы бить там морских бобров и других морских зверей. Это, конечно, связано с большой опасностью для жизни, и очень многие из них при этом погибают.[66]

Помимо этого, на Камчатке имеются еще и другие источники питания, которыми камчадалы умеют пользоваться. На Камчатке зимует множество лебедей и диких гусей, которые весной снова улетают на север; зимой же местные жители извлекают из них немалую пользу. На вершинах самых высоких гор водится также порода диких горных баранов, охота на которых сопряжена с большими трудностями и с опасностью для жизни, так как они обитают на самых высоких и крутых вершинах. Нам приносили несколько раз убитых горных баранов, и я должен сознаться, что они чрезвычайно приятны на вкус. Весят они от ста двадцати до ста пятидесяти фунтов, очень жирны, мясо их очень мягко; к сожалению, однако, их нельзя добыть в большом количестве.

Весной местные жители выезжают на своих лодках в море и плывут вдоль берега, обследуя прибрежные горные пещеры в поисках яиц морских птиц — чаек и всяких пород диких уток. Эти птицы водятся здесь в громадном изобилии. Случается иногда, что удается набрать полную лодку яиц. Они привозят их в свои становища, укладывают в бочки и поливают обильно рыбьим жиром так, чтобы яйца были совершенно им покрыты. Таким путем яйца могут сохраниться в течение целого года

и совершенно не подвергаются порче. Мы испытали этот способ, когда отправились в плавание из Камчатки в Америку. Мы взяли с собой довольно большой запас яиц и, как сказано уже, законсервировали их в рыбьем жиру. Это оказалось для нас крайне полезным: хотя яйца были собраны нами в апреле и мае, мы до самого ноября пользовались ими, пока не кончился весь запас; в течение всего времени не оказалось ни одного тухлого яйца, а ели их все с большим аппетитом.

Все эти подробности об образе жизни камчадалов я привел для того, чтобы показать, что они живут совсем не в таких скверных условиях, как многие склонны думать. Если они не будут лениться, то им не придется страдать от голода, тем более, что с юных лет они не приучены ни к чему иному и не имеют представления о лучшем образе жизни. Существует на востоке много других народов, которые далеко не располагают такими богатыми средствами к жизни и все же не помирают от голода.

Камчадалы ведут, кроме того, довольно оживленную торговлю с русскими купцами, приезжающими туда, торгуют мехом соболей, чернобурых и красных лисиц, выдр и других морских и сухопутных зверей и получают от этого немалый доход. Охота дозволяется им без всяких ограничений, сколько бы они ни были в состоянии добыть. После взноса в первую очередь положенной на них подушной подати — ясака, (он платится за каждого мужчину, ибо женщины ничего не платят) в размере одного соболя или одной лисы, которые здесь расцениваются по три рубля (курильцы же вносят по одному морскому бобру), они вправе остальную свою добычу продавать купцам за наличные или выменивать на другие товары.

Камчадалы имеют также еще один источник дохода, которым соседние с ними народы не располагают. Дело в том, что на Камчатке растет в изобилии сладкая трава, из которой в этих местах гонится водка. [67] Камчадальские женщины собирают эту траву и очищают ее следующим способом. Каждый стебель разрезается ножом по длине, а затем удаляется наружная зеленая оболочка. Обычно эта операция производится просто зубами, отчего губы сильно распухают — показатель той едкости, которой обладает это растение. Очистив растения таким образом, их связывают в небольшие связки, а когда они начинают высыхать, то из них начинает выделяться какое-то дурманящее вещество. В таком виде его сдают в казну, которая за каждые сто фунтов уплачивает наличными десять рублей; собрать, однако, в течение лета сто фунтов под силу только очень при-

лежной женщине. Из ста фунтов травы можно выгнать ведро водки — первача, а следовательно, из трехсот фунтов — бочонок, который казной продается за шестьдесят рублей. Необходимо отметить, что первая порция водки, которая выделяется при перегонке, называется здесь водкой-первачом. Если же ее перегнать во второй раз, то получается напиток такой жгучей крепости, что его невозможно пить, не разбавив водой. Вкус этой водки отнюдь недурной. Я очень сомневаюсь, однако, чтобы она была особенно полезна для здоровья, в особенности для тех, кто к ней еще не привык. Что касается местных жителей Камчатки, то они выпивают ее в невероятных количествах и валяются ежедневно пьяными, если только могут ее раздобыть. Дело в том, что не удается изготовлять ее в неограниченном количестве: вся наличная водка немедленно распродается и выпивается. Многие даже настолько предусмотрительны, что дают под нее деньги вперед, чтобы не пропустить момента продажи и не остаться без водки. И все же большинство этих людей доживает до довольно глубокой старости и мало знакомо с каким-либо болезнями. Я проделал сам такой опыт: бросил в штоф с такой водкой-первачом серебряную монету и оставил ее там на ночь, а на следующее утро я увидел, что монета сделалась черной, как уголь, и не так-то легко удалось снова ее отчистить. Отсюда я заключаю, что этот напиток не может быть особенно полезен для здоровья. Должен отметить еще одно замечательное свойство этой водки. Если, например, человек с вечера напьется пьяным, ляжет вечером в постель и хорошенько выспится, то на следующее утро, проснувшись, стоит ему выпить один или два стакана чистой холодной воды, и он оказывается таким же пьяным, как был накануне, хотя не выпил после этого ни капли водки. Это совершенно достоверный факт, в котором я убедился собственными глазами и не на одном примере, а на самых различных людях, впрочем, только на местных жителях. Эта водка приносит казне довольно большой доход. В то время, когда я жил на Камчатке, там находилась команда в триста казаков, и все они получали свое жалованье, а также кормовые деньги исключительно из тех сумм, не говоря уже о нескольких арестантах и полагающейся для них страже, которые все довольствовались также из этого источника. Таким образом, собираемый ясак полностью поступает в доход казны без вычета каких-либо накладных расходов на его сбор. Больше того, нередко случается, что после покрытия всех расходов образуется еще излишек в несколько тысяч рублей. Эти деньги пересылаются Охотской канцелярии, в ведении которой находится

Внутренний вид камчадальской юрты

Камчатка. Уже из этого видно, какие доходы приносит казне водка.

Не будет, пожалуй, излишним сообщить кое-что и об устройстве жилищ камчадалов. Живут они преимущественно в ямах, выкопанных в земле, размером в восемь—десять сажен в окружности, если семья велика; ямы бывают обыкновенно глубиной полторы—две сажени. Яма покрывается сверху бревнами, а в середине крыша выводится несколько выше и засыпается слоем земли толщиной в фут или полтора. В середине такой крыши вырубается четырехугольный люк, размером примерно в три фута по каждой стороне, который служит им вместо трубы, так как во всякое время года как раз под этим отверстием горит огонь, причем дым выходит через этот люк. Этот же люк служит вместе с тем и дверьми, через которые входят и выходят из этих роскошных хором (камчадалы называют их юртами), пользуясь при этом лестницей, проходящей в люк непосредственно над горящим снизу огнем. Такого рода устройство жилища, пожалуй, вполне подходит для камчадалов с их одеждой из собачьих шкур, но для морского офицера, одетого в белый шитый золотом мундир, оно представляет известного рода неудобство.[68] С одной стороны юрты имеется также небольшое отверстие, через которое выпускается дым, если почему-либо он не пожелает уходить через предназначенный для этого дымоход. Когда зимой, погасив огонь, наглухо закрывают люк и крышу, то в течение всей ночи в юрте бывает тепло, точно в бане.

Описав, таким образом, положение Камчатки, образ жизни и питание местных жителей, произведения земли и устройство жилищ, я, в дополнение к этому, займусь описанием их внешности, черт характера и умственных способностей.

Не буду описывать прежней их безбожной религии, так как прекрасно известно, что еще примерно десять — двенадцать лет тому назад большинство из них коснело в самом темном язычестве и было предано отвратительным лжеучениям. Так как все они в последние годы благодетельной материнской заботой нашей великой государыни Елизаветы Петровны обращены в христианскую веру и сподобились святого крещения, то мы не будем поминать старых их грехов, но обойдем их молчанием с сердечным пожеланием и молитвой, чтобы всевышний укрепил и сохранил их в христианской вере и чтобы они проявили к ней еще большее рвение, а также верность богу и нашей всемилостивейшей государыне и матушке, нежели в прежнее время, когда они упорствовали в своих безбожных заблуждениях, которые очень часто приводили их к бунтам и

восстаниям, отчего с их стороны происходило много кровопролития.

Камчадалы обычно невысокого роста, имеют очень небольшие руки и ноги, цвет кожи темный, волосы и глаза черные. Лица их широкие и плоские, но не в такой степени как у калмыков. По природе они вовсе не тупы, но отлично схватывают все, что приходится им объяснять. Они преданы тому, кому служат. О воровстве у них не приходилось слышать. Очень склонны они также к услужливости по отношению к чужим, так что обижаются, если прибывает приезжий и не приказывает им ничего делать для него. Это, — говорят они, — знак, что он нас не любит, иначе он приказал бы нам что-нибудь сделать. Приезжие стараются обыкновенно заключить дружбу с самым знатным камчадалом с тем, чтобы называть его другом. Камчадал же обычно не так легко идет на это, а отвечает, что, мол, он еще не знает его как следует, а потому и не знает, может ли быть ему другом, так как ведь недостаточно только называться другом, а нужно на самом деле сделаться другом и оставаться им навсегда. Такими словами они часто отклоняют многие предложения дружбы или просят предоставить некоторую отсрочку для размышления.

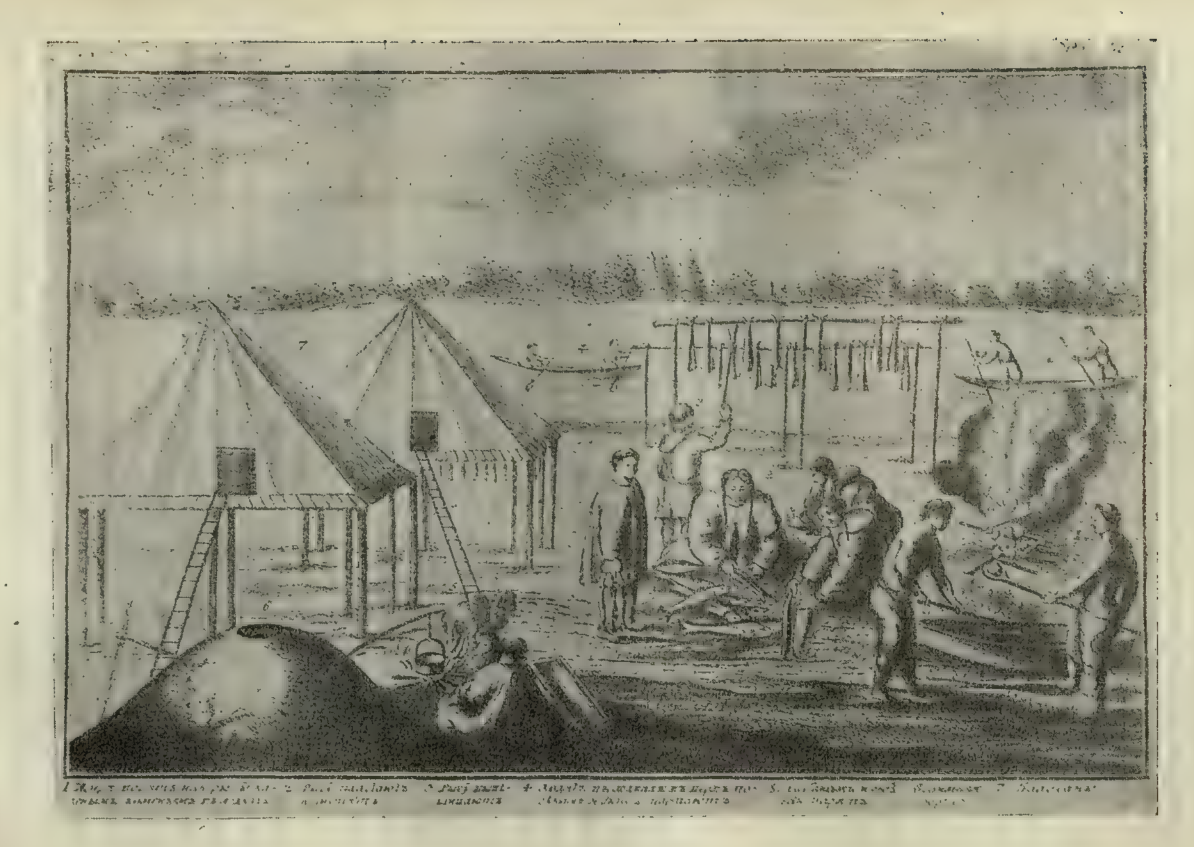
Насколько предупредительны они по отношению к посторонним, настолько ленивы они в отношении самих себя. Они нисколько не заботятся о том, чтобы создать какие-нибудь запасы. Добыв причитающийся для уплаты ясака мех, многие из них в течение всей зимы не отправляются больше в лес, чтобы промыслить что-нибудь, а рассуждают так, что, дескать, мне больше не надо, пускай остальные звери бегают в лесу до будущего года, тогда они станут еще лучше. И так во всем их обиходе: они не стремятся ни к какому излишку, но стараются добыть только необходимое к существованию, а если имеют столько, сколько им надо для удовлетворения насущных потребностей, то большего не ищут, а ценят только свою свободу.

Камчадальские женщины, напротив, очень трудолюбивы, и могу сказать по правде, что нигде на свете не встречал таких прилежных женщин, ибо они никогда не остаются праздными. Вся их работа распределена в зависимости от времени года, а от мужчин они получают только ту помощь, что те ловят для них рыбу и доставляют ее домой, в то время как женщины проводят целые ночи в работе, чистят рыбу, а днем заняты подготовкой ее к развеске и сушке, а также к засолке; и все это продолжается до следующего вечера, когда вся работа начинается с начала. Так продолжается в течение всего мая, июня и июля. В августе и сентябре они соби-

рают ягоды и копают луковицы желтых лилий (сараны), накапливая запасы на зиму. Далее идет работа по сбору, резке и очистке сладкой травы. Эту работу женщины стараются не упустить, так как это их собственный доход, и много ли мало ли они наработают, а за каждый фунт получают по десять копеек. В октябре начинается сбор крапивы, и в течение всего ноября они заняты ее обработкой, чтобы привести ее в состояние, пригодное для прядения. В декабре и январе они прядут пряжу, а в феврале и марте заняты плетением сетей, в чем им немного помогают мужчины. В апреле они отправляются в лес за сбором черемши или дикого чеснока, а также иногда выезжают с мужчинами на сбор яиц и помогают варить соль. В мае весь этот круг работ начинается с начала и продолжается так в течение всей их жизни. Женщины немного толще мужчин, но руки и ноги у них также очень малы. Волосы и глаза у всех черного цвета; они очень любят густые прически, так что если им случается где-нибудь раздобыть чужие волосы, они вплетают их в свои собственные волосы, и в конце концов образуется густая и плотная прическа наподобие войлока — и это, по их мнению, чрезвычайно красиво. Женщины также весьма покорны своим мужьям и очень покладисты; очень редко приходится слышать, чтобы они жили в несогласии с семьей. Во времена язычества мужчины имели по нескольку жен, а в настоящее время только по одной. Это удерживало многих в течение долгого времени от перехода в христианство, ибо они говорили, что им жаль оставить своих жен, которым после этого, быть может, будет грозить нужда.

Как и мужчины, женщины носят одежду из собачьих шкур, сделанную по одному и тому же фасону. Только главы родов — тойоны и тойонки, что у них значит — князь и княгиня, — носят одежду из оленьих шкур, кое-где немного вышитую и увешанную со всех сторон кусочками меха бобров, соболей, черных и белых лисиц и других животных; это их самая праздничная одежда. Вот все, что я хотел рассказать о камчадалах.

В заключение я хочу сообщить, что во время моего пребывания на Камчатке там было не более четырех тысяч камчадалов мужского пола, в то время как за сорок лет до того и еще ранее их насчитывалось, по крайней мере, вдвое больше. Такое заметное уменьшение их произошло по различным причинам. Во-первых, лет тридцать тому назад между ними жестоко свирепствовала оспа, от которой умерло несколько тысяч человек, так как у них, как и у других восточных народов, если появится эпидемия оспы, то после нее мало кто остается в живых. Во-вторых, они сами несколько раз устраивали бунты,

Занятия камчадалов

восстания и волнения, так что пришлось добрую долю их перебить, чтобы привести остальных к благоразумию. В-третьих, назначавшиеся из Якутска на Камчатку и часто сменявшиеся комиссары очень многих увезли, а, попросту говоря, украли и похитили, пока это не стало известно. В 1733 году последовало запрещение, чтобы никто, под страхом тяжкого наказания, не смел ни одного из них оттуда вывозить, и с этого времени действительно число камчадалов стало снова расти.[69] На этом сообщение мое заканчивается.

Описание некоторых морских и сухопутных животных, а также птиц на острове Беринга, большинство которых мы употребляли в пищу, чтобы не погибнуть с голоду.

В двенадцатой главе я уже говорил о морских животных, которых в 1741 и 1742 годах, во время нашего пребывания на острове Беринга, мы использовали для нашего питания. Я не привел, однако, описания их внешнего вида и свойств, а потому, согласно обещанию, я подробно изложу все, что мне удалось наблюдать там, полагая, что это читателю не будет неприятно.

Кит, которого вследствие громадной величины его тела мы считали как бы провиантским магазином, о чем уже выше мною было сказано, все же остался для меня загадочным животным, и о нем я, пожалуй, ничего больше не могу сообщить, кроме того, что его мясо и жир я очень часто употреблял в пищу и утолял ими свой голод. Так как киты, которых прибивало к берегу и выбрасывало морем, по всей вероятности, уже в течение продолжительного времени после своей смерти носились по морю, то, возможно, они потеряли частично свой нормальный вид, а мясо и жир их успевали уже приобрести кисловатый вкус, но, тем не менее, мы с удовольствием и аппетитом его поедали. Это морское животное уже с давних времен отлично известно в Европе, а потому особого описания его вовсе не требуется.

Первым морским зверем, которого я опишу, будет поэтому камчатский бобр. Шкура его совершенно черная, с длинным волосом, попадаются иногда между ними и такие, у которых замечается примесь волоса серебристого цвета. В воде и при солнечном свете морской бобр очень красив на вид. Мех его,

хотя и длинноволосый, обладает все же драгоценным блеском, напоминающим мех соболя. Самая большая шкура, снятая и растянутая для просушки, равна по величине приблизительно шкуре трехмесячного теленка, а туша его, то есть мясо, за которым мы, главным образом, охотились, весит примерно от сорока до пятидесяти фунтов; оно крайне жестко, невкусно и жилисто. Попадаются некоторые экземпляры, в особенности самки, несколько меньших размеров, но их мех, однако, значительно мягче и внешний вид его гораздо лучше, чем у крупных зверей. Головы их имеют те же пропорции, что голова тюленя, хорошо известного в Европе. Сзади у него имеются два плавника, или ласта, тоже как у тюленя, а спереди два прямых ласта, которыми он пользуется для передвижения по суше. Нередко они проводят по нескольку часов на суше, лежа на песке на берегу моря. Следует полагать, что свое потомство они выводят на суше, но в таких уединенных пещерах, скрытых между горами, что нам так и не удалось это установить достоверно, хотя мы и прилагали к этому всяческое старание. К своим детенышам они очень привязаны, и если нам случалось встретить на суше самку с детенышем (ибо больше одного зараз они не имеют), то нам всегда удавалось убить их обоих вместе. Самка никогда не бросает своего детеныша, но старается подтащить его зубами с собой к воде, а иной раз детеныш уже настолько велик, что она едва в состоянии его поднять, сам же детеныш ничем сам себе не помогает, вследствие этого они оба лишь очень медленно подвигаются к воде, а потому, как сказано выше, обязательно попадают вместе в руки охотника. Полугодовалые и девятимесячные бобры называются кошлоками, мех их короче, а мясо мягче, чем у взрослых животных. На сушу они выходят по большей части зимой, когда на море свирепствуют штормы,—это лучшее время для их добычи. Убивали мы их крепкой дубиной или палкой, одним ударом по морде. Оставшиеся в живых бобры немедленно после того, как шторм уляжется, уходят обратно в море. Шкуры бобра продаются на Камчатке по пятнадцати, двадцати и двадцати пяти рублей за штуку и зачастую на китайской границе выменяваются на китайские товары из расчета по пятидесяти, шестидесяти и семидесяти рублей за штуку. Мне рассказывали также, что из Китая этот мех отправляется в страны, принадлежащие Великому Моголу, где их продают по самой дорогой цене, так как этот мех там считается очень модным. Больше я ничего о камчатском бобре сообщить не могу. [70]

Другое животное, которое я хочу описать, это морской кот. Он по размерам значительно больше, чем морской бобр: случалось

убивать отдельных самцов весом от четырехсот до пятисот фунтов. Самки меньше по размерам и весят от двухсот до трехсот фунтов. Пропорции голов у них те же, что у морского бобра, только по обе стороны пасти торчит по нескольку жестких волос, как у настоящих кошек. По цвету они серые, мех у них короткий, они имеют по четыре плавника-ласта, как и тюлень, а передние ласты у них не такие прямые, как у морских бобров. Зараз они приносят не более двух детенышей. Мясо у них слегка зеленоватого цвета и выглядит крайне не аппетитно; ему присущ также отвратительный запах, напоминающий запах старого козла, и все же мы в течение почти двух месяцев, не имея хлеба и с небольшим запасом соли, питались исключительно этим мясом. Морские коты почти весь год показываются на берегу, но около середины апреля выходят на берег в таких громадных количествах, что весь берег бывает покрыт ими; стада их насчитывают по несколько тысяч голов. Каждый самец имеет по двадцати и больше самок, которые располагаются кругом него; он же, точно глава семейства, сидит посреди них, а если какая-нибудь из его жен отойдет от него немного подальше или заглядится на что-нибудь постороннее, то он хватает ее пастью, бьет о камни и таким способом жестоко ее наказывает. Самка же ползает, как змея, вокруг его ног, как будто просит у него прощения, пока он не помирится с ней, только тогда он разрешает ей занять свое место и улечься среди остальных его самок. Очень часто также между двумя самцами возникают драки из-за ревности к самкам. Редко бывает, чтобы бой не окончился гибелью одного из бойцов, и тогда победитель забирает к себе всех самок своего побежденного противника.

Эти звери остаются на берегу на своих лежбищах до конца мая шесть недель, не принимая за все это время пищи или питья. Мы заметили три причины такого строгого поста: во-первых, они за это время спускают свой жир, вероятно, для того, чтобы подготовиться к наступающему теплому лету, ибо мы заметили, что те животные, которых нам приходилось убивать для своего пропитания вначале, вскоре после выхода их на берег, были чрезвычайно жирны, а впоследствии, к концу этого периода и ко времени их обратного ухода в море, они, напротив, оказывались совершенно тощими. Во-вторых, самки рождают своих детенышей на берегу; немедленно по рождении детеныши черны, как сажа, с коротким мехом, очень красивым по блеску; в возрасте трех или четырех дней, однако, они делаются серыми, и мех теряет блеск. Лучший мех можно добыть, если убить самку и вырезать детенышей из ее брюха.

Я имел кафтан из такого меха, который выглядел очень красиво. Каждая самка рождает одновременно не более двух детенышей, которые питаются материнским молоком из пары сосков, расположенных в передней части тела. Третья причина их строгого поста та, что они в это время спариваются. На все это требуется шесть недель времени, после чего все они зараз, как бы по уговору, уходят в море,—по истечении двух дней на берегу не остается ни одного животного, и в течение всего года, до следующего апреля, они больше не появляются.

Третий зверь—это тюлень, которого мне здесь не приходится подробно описывать, так как это то же животное, которое распространено по всей Европе, а потому почти каждому отлично известно. Должен сообщить только об одном, что нам удавалось убивать экземпляры весом до шестисот-семисот фунтов. Шкура их бывает различной расцветки. Мне случалось видеть совершенно белоснежные экземпляры, а также белые, с небольшими черными пятнами по всему телу, случалось видеть и пестрых, самых различных цветов. Мясо их черно, как сажа, а для пищи очень жестко и противно, стоит только проглотить два-три куска, как становишься совсем сыт и не можешь ничего больше есть, а в скором времени опять чувствуешь себя голодным.

Четвертый морской зверь—это морской лев или сивуч, который по величине далеко превосходит описанных ранее зверей. Приходилось видеть сивучей длиной в двенадцать—пятнадцать футов с коротким мехом желтого цвета. Они не часто выходят на берег, но обыкновенно ложатся на большие камни, расположенные в воде, на порядочном расстоянии от берега, а таких камней в этих местностях встречается превеликое множество; как утверждают некоторые, они отрываются от гор вследствие землетрясений и падают в море. Я имею все основания верить этому предположению, так как за время моего пребывания на Камчатке и на острове Беринга мне несколько раз пришлось наблюдать землетрясения. Взобравшись на один из таких камней, сивуч начинает реветь страшным голосом, так что его отлично слышно за добрых полнемецких мили и даже дальше, а если на том же камне уже расположилось несколько морских зверей других пород, то они немедленно спрыгивают в воду, как только появляется сивуч, и оставляют его на камне одного,—повидимому, никто из них не желает с ним связываться. Нам случалось неоднократно встречать их и на суше, но их громадная величина, мощный вид и страшный рев внушали нам робость, мы не смели подступиться к ним с нашими дубинами и оставляли их в покое. На Кам-

чатке мне рассказывали, будто как-то раз на берегу моря между сивучом и обыкновенным сухопутным медведем произошел бой, в котором медведь потерпел полное поражение. Если бы медведю после многочисленных ранений не удалось оторваться от сивуча и спастись бегством, то, вероятно, сивучу удалось бы убить его, так как шкура сивуча настолько прочна и толста, что медведю никак не удавалось пробить ее зубами и когтями. Между тем камчадалы нередко убивают сивучей из своих луков отравленными стрелами, так как, будучи ранен, он не может долго оставаться под водой, а вынужден подниматься на поверхность дышать. При этом камчадалы его преследуют и каждый раз всаживают в него новые стрелы, пока им, наконец, не удается совсем его прикончить. Из шкуры сивуча они делают подошвенную кожу и ремни удивительной крепости, кожу пищевода и желудок они, растянув и просушив, вставляют в своих жилищах в окна вместо оконного стекла. Она, правда, не вполне прозрачна, но все же пропускает довольно много света и хорошо освещает жилище, покуда не почернеет изнутри от дыма. Тогда камчадалы снова ее вынимают, отмывают дочиста и снова вставляют обратно в окна, потому что она необыкновенно прочна. Мясо сивуча камчадалы употребляют в пищу; оно вполне съедобно. Покойному доктору Стеллеру удалось однажды убить на острове Беринга молодого сивуча, весом в сто фунтов. На Рождество 1741 года он пригласил меня к себе в гости, мы наварили, нажарили и натушили мяса сивуча, и должен признаться откровенно, что оно мне пришлось необычайно по вкусу. Голова этого зверя имеет ту же форму, как и у прочих описанных мною морских животных; он имеет также и передние и задние ласты, наподобие морских котов.

Пятое животное—это морская корова, которую называют манате. Это замечательное животное, кажется, самое полезное из числа всех животных, описанных мною выше, мясо его чрезвычайно питательно. Могу утверждать, что никто из нас не выздоровел бы от цынги, если бы мы не начали питаться мясом этого животного. Морская корова никогда не выходит на сушу, но никогда не удаляется также далеко от берега. Во время отлива она отходит несколько дальше, чтобы не обсохнуть на берегу, а как только начинается прилив, она снова подходит ближе к земле и разыскивает себе пищу. Питается она морскими травами, выбрасываемыми морем, никакой другой пищи она не принимает. Поэтому ее мясо не имеет дурного запаха или скверного привкуса, а по виду и вкусу похоже на настоящую хорошую говядину, в особенности у не

слишком старого животного. Если же попадется старое животное, то у него мясо пронизано многочисленными жесткими и толстыми жилами и связками, которые не так-то легко разжевать, а потому оно не совсем легко переваривается желудком. Нам случилось раз убить теленка морской коровы, который застрял между камнями при отливе, обсох на берегу и уже не мог после этого выбраться назад. Вес его был равен приблизительно тысяче двумстам фунтов, мясо же было очень нежно на вкус. У нас не было только приправ, которые употребляются при приготовлении такого рода супов, а то наш суп из этого мяса ни в чем не уступал бы телячьему супу, как он готовится здесь. Взрослая морская корова, из числа тех, которых нам удавалось добыть, весит шесть, семь и до восьми тысяч фунтов, так что, добыв морскую корову, мы получали пропитание для всей нашей команды, то есть для пятидесяти, примерно, человек, на четырнадцать и более дней. Каждому было позволено готовить и есть это мясо, сколько и когда он пожелает. Мы заметили, что если положить это мясо на несколько дней в соль, то оно по сравнению с мясом совершенно свежим становится еще гораздо слаще и приятнее на вкус. В этом я имел случай убедиться, когда мы ушли с пустынного острова Беринга на Камчатку. Я тогда распорядился засолить несколько бочек этого мяса впрок в качестве путевого довольствия, так как никакой другой провизии у нас не было. Мы доставили небольшое количество этого мяса даже на Камчатку, и там все с большим аппетитом ели его: в течение всего пути оно казалось нам чрезвычайно вкусным.

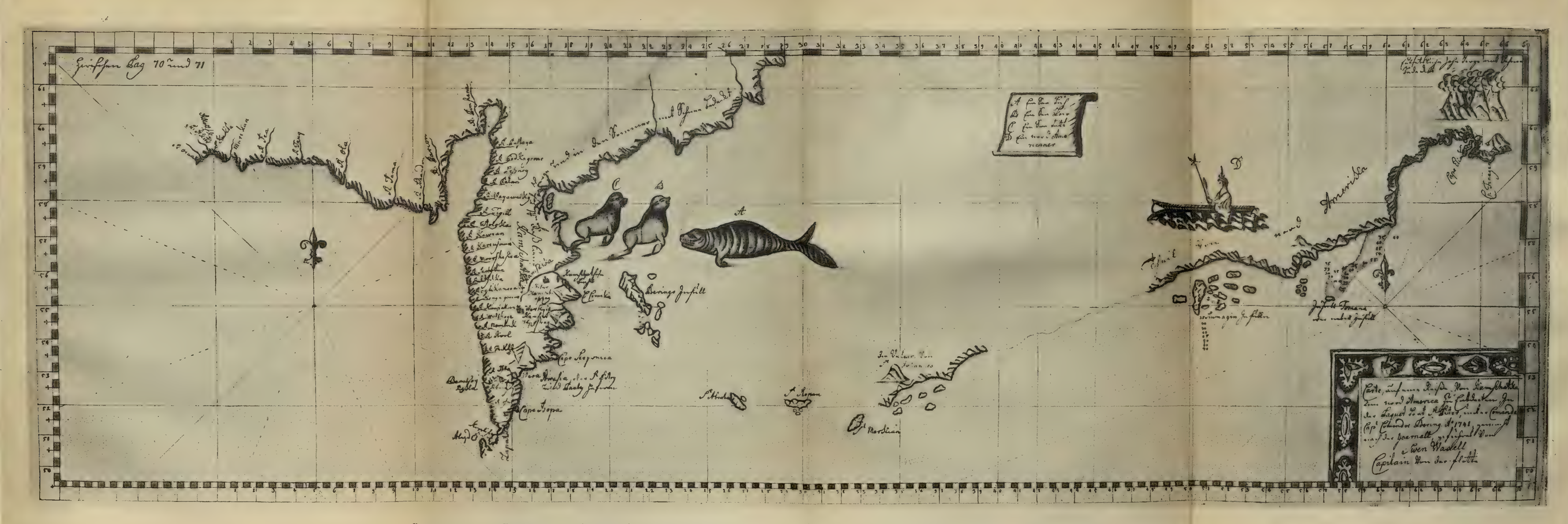
Туловище морской коровы по внешнему виду напоминает перевернутую голландскую корабельную шлюпку. По сравнению со всей ее величиной голова морской коровы небольшая, она имеет маленькие уши и большие глаза. Самая широкая часть ее тела в плечах, а затем оно постепенно суживается, переходя незаметно в хвост. Хвост у морской коровы, как у большой рыбы, расположен поперек, шириной иногда до семи-восьми футов, а у более мелких экземпляров пропорционален общей величине тела. Хвост служит ей в качестве руля; при помощи него она управляет движениями всего тела. Спереди, под плечами, у морской коровы находятся конечности—два довольно толстых и прямых ласта, как у бобров, при помощи которых она двигается против течения в поисках пищи, так как вблизи берегов растет большее количество морской травы, чем на глубоких местах. Двигаются морские коровы всегда против течения и настолько близко к берегу, что спины их виднеются во всякое время. У самок немного ниже передних конечностей

расположены две груди с сосками, вроде того, как они изображаются у русалок, ими они кормят своих детенышей. Кожа у них темнокоричневого цвета, чрезвычайно толстая, но очень мягкая и ни на что не пригодная. Волос у них нет, только по обе стороны пасти, которая немного похожа на пасть коровы, находится, как у кошки, по нескольку жестких длинных щетин. Когда срезаешь кусками кожу морской коровы, то оказывается, что все тело ее покрыто слоем сала толщиной в три или четыре пальца, словно у жирной свиньи. Когда же срежешь сало, то появляется уже само мясо, яркокрасного цвета, очень аппетитное на вид и еще более приятное на вкус. Сала мы сохраняли себе столько, сколько требовалось; мы вытапливали его и употребляли вместо масла.

Таким образом, я описал с возможной краткостью и в меру своего умения, всех морских животных, которые встречались на нашем острове и мясо которых служило нам пищей свыше девяти месяцев. Остается только пожалеть, что смерть так преждевременно похитила доктора Стеллера. Как превосходный ботаник, анатом и естествоиспытатель, он, несомненно, мог бы сообщить крайне ценные сведения о природе этого острова. Может быть, среди его бумаг найдется какое-нибудь сочинение об этом; было бы очень желательно, чтобы оно было издано в свет. [71]

Из различных пород морских птиц, уток, чаек и других, которых нам пришлось увидеть, я ни одной не в состоянии подробно описать. Мне не представилось случая хорошенько рассмотреть их, так как мы их не ловили и не стреляли. Я могу только сообщить о породе чаек черного, как сажа, цвета, неизвестной у нас в Европе. По размеру они так велики, что если растянуть их крылья так, как если бы они находились в полете, то от одного конца крыла до другого окажется семь-восемь футов. Они жестоко преследуют более мелких птиц других пород, и если только им удается добраться до них, то убивают их ударом клюва и поедают.

Из сухопутных животных на острове Беринга нам не встретилось ни одного, кроме так называемой каменной лисицы или песца, слегка голубоватого цвета, которые водятся там в таком неимоверном количестве, что нам стоило больших трудов держать их в некотором отдалении от землянок, в которых мы жили. Они совершенно не боялись людей и причиняли нам очень много вреда, обкрадывали нас и таскали всякие вещи, которые мы прятали от них: сапоги, чулки, подвязки и тому подобное, словом все, что бы им ни попадалось на глаза. Мех их не такой мягкий, как у песцов, добываемых

Карта пути от Камчатки до Северной Америки пакетбота «Св. Петр» в 1741 г. под командой капитана-командора Беринга. Составлена С. Ваакселем

в Сибири, что, как я полагаю, объясняется различием в пище по сравнению с сибирскими песцами, а также постоянной сыростью и непогодой, царящей без перемен на этом острове всю зиму и лето. Случалось мне встретить также белых лисиц, однако мех на спине у них остается немного желтоватым, а по качеству и по мягкости волоса они значительно уступают сибирским песцам.[72]

Из сухопутных птиц нам попадалось неимоверное количество степных курочек, которых по-русски называют куропатками. Мы били их просто дубинками и не раз одним ударом убивали по три-четыре штуки. При этом остальные, не задетые ударом палки, взлетают, но вскоре опять садятся на те же места, так как, особенно вначале, они совершенно не боялись людей. В первое время, не сходя с места, можно было по пять-шесть раз бросать в них дубинкой, и только позднее они стали проявлять робость и подбираться к ним стало гораздо труднее. В зимнее время куропатки становятся белоснежного цвета, к весне вырастает у них по нескольку коричневых перьев, а в течение лета они остаются совсем пестрыми.

Случалось нам также подстреливать крупных морских орлов черного цвета с белыми головами и употреблять их в пищу.

Можно с полным основанием задать вопрос: каким образом все эти сухопутные животные и птицы попали на наш пустынный остров, который ведь находится на значительном расстоянии от материка и ни с какого места твердой земли не виден? Известно также, что песцы никогда не отправляются по льду в открытое море на дальние расстояния, равно как и куропатки и орлы; насколько я могу припомнить, никогда не приходилось встречать их в открытом море. По этому вопросу я ничего определенного сказать не могу, но думаю, что в течение какой-то суровой зимы некоторые из этих зверей и птиц весной оказались на льду в поисках пищи, так как по весне из моря подходит рыба в неимоверном количестве, а некоторые рыбы, как например, летающая рыба, по своей природе устроены так, что когда их гонят и преследуют более крупные рыбы, они выскакивают из воды и, быть может, падают на лед, представляя собой превосходную добычу для песцов и орлов. Могло случиться, что лед в это самое время разломился и льдина отплыла от берега. Таким образом, животные могли попасть на наш остров на какой-нибудь крупной льдине с Камчатки, из Анадыря, из Чукотки, а быть может, и из Северной Америки. Здесь с течением долгого времени они могли прижиться и размножиться в таком количестве, что в настоящее время в большом числе пород встречаются повсюду на острове.[73]

Описание скорбутной болезни, или цынги, как мы ее наблюдали во время американской экспедиции.

Так как эту болезнь я знаю как из собственного опыта, так и по наблюдениям над многими нашими людьми, видел много случаев и много разнообразных ее проявлений, то не будет неуместным рассказать кое-что об этой болезни в моей книге.

Известно, что так называемой скорбутной болезни, или цынге, подвержены по большей части мореплаватели, находящиеся в длительных и трудных плаваниях. Это, вероятно, объясняется тем, что они вынуждены питаться постоянно одной лишь соленой и сухой пищей, а зачастую употреблять также загнившую и вонючую воду, а также тем, что они перегружены тяжелой и крайне утомительной работой и подвержены притом постоянной сырости, действию влажной и суровой погоды, что и является главным источником этой болезни. [74]

У нас она начиналась обычно с ощущения сильнейшей вялости во всем теле, так что постоянно клонило ко сну, а если удавалось сесть, то не хотелось уже вставать с места. Отмечался все больше и больше усиливающийся упадок духа. У тех, кто поддавался первому приступу этой болезни, дело быстро ухудшалось, в дальнейшем появлялась одышка, одолевавшая больных до такой степени, что они после малейшего движения не могли перевести дух. Вслед за этим вскоре появлялась неподвижность всех членов, ноги и лодыжки распухали, лица принимали желтый оттенок. Вся полость рта, в особенности десны, начинали кровоточить, зубы шататься. Когда все эти признаки болезни были налицо (а развиться они могли в течение недели, если больной сам не боролся с болезнью), это значило, что цынга одолела больного. Он охотно оставался лежать и уже в дальнейшем не прилагал никакого усилия к тому, чтобы спасти себя от гибели, а, напротив, настолько падал духом, что скорее мечтал о смерти, чем о выздоровлении. Заболевание сопровождалось также особым чувством страха и тоски: при малейшей тревоге или громком крике наверху, на палубе, больных охватывала паника. При этом, однако, у большинства сердце продолжало работать нормально, они не ощущали никакой боли и обладали прекрасным аппетитом. Сами они не считали себя тяжело больными, ибо, когда я отдал при-

каз, чтобы все больные были перевезены на берег на остров Беринга, то они пришли в большой восторг, стали усаживаться, взяли свою одежду, и каждый начал сам одеваться. Все они в один голос говорили: «слава богу, мы переходим на землю, там мы поправимся и сами сможем позаботиться о своем выздоровлении». Вышло же совсем другое и гораздо более печальное, ибо многие только успевали выйти на палубу и глотнуть свежего воздуха, как немедленно умирали на месте, точно мыши, другие же умирали на пути к берегу в лодке, еще не добравших до земли; короче говоря, почти все, кто слег еще во время плавания в открытом море, погибли. У большинства отмечались также при этой болезни постоянные запоры. Других же признаков, вроде горячки и лихорадки, колотья в боку, сыпи по всему телу, пятен и тому подобных явлений, о которых сообщает лорд Ансон в описании своего путешествия,[75] я ни на самом себе, ни на ком из наших людей не замечал. Возможно, конечно, что эта разница происходит вследствие различия в климате и разницы во времени года, так как цынга свирепствовала среди экипажа лорда Ансона в течение весны, мы же страдали ею осенью. Он находился в то время под южными широтами, на гораздо более далеком расстоянии от южного полюса, чем мы от северного полюса в северных широтах. Такая разница в широте дает полное основание предположить и большую разницу в климате против нашего.

Я считаю излишним приводить дальнейшие подробности этой болезни, так как о ней писали очень многие, и все авторы, которых мне пришлось читать, описывают болезнь так, как я наблюдал ее на моих товарищах и на себе самом. Достаточно сказать, что от этой болезни погибла половина нашей команды.

В заключение представляю копию предложения, сделанного мною спустя некоторое время капитану Чирикову, под начальством которого я тогда состоял. В этом предложении приводится краткое, но обстоятельное описание нашего образа жизни на пустынном острове Беринга. Поводом для этого предложения послужило следующее: люди, зимовавшие со мной на пустынном острове, не получали в течение всего этого времени провианта и просили меня оказать им содействие к тому, чтобы им взамен этого были выплачены деньги по существующим на Камчатке ценам. Это мое предложение было послано капитаном Чириковым в Адмиралтейств-коллегию с соответствующим представлением.[76]

Ниже приводится также копия справедливого и милостивого решения коллегии.

Копия предложения, сделанного мною капитану Чирикову о провиантских деньгах, причитающихся моим людям за время зимовки на острове Беринга

«Высокоблагородному господину, господину морского флота капитану Алексею Ильичу Чирикову

Предложение

Нужда мне ныне воспоследовала прешедшие бывших со мною в вояже служителей, по известном и вашему высокоблагородию чрез репорты мои нещастливом пакетбота санкт Петра к острову прибытии, во время на оном острову зимования, також и в осенных и в вешных месяцах претерпенной смертной голод и претяжкие труды, хотя отчасти (ибо подробно оных и описать трудно) объявить и вашему высокоблагородию предложить, чего прежде от меня так еще не изъяснено было, что нужды такой не пришло. И дабы за излишнюю не причли мне похвалу, ибо ведаю, что и всяк поданной ее императорского величества раб присягою своею ее императорскому величеству всегда и везде верно служить и живота своего не щадить обязан и должен, крайне однакож и умолчать вовсе помянутых служителей всех неудобостерпимых нужд и в забвение оных предать мне, яко самовидцу и сострадальцу с ними, очищая совесть свою, не должно-ж; хотя приметца-ль за благо или не приметца токмо я долг мой отдать им тою совестию обязан, и чтоб они на меня богу жалобы не приносили в том, что ежели я за них старание иметь и нужды их объявлять не буду. Понеже ваше высокоблагородие ныне по прошениям тех служителей за неполученной им на означенном острову сухопутной и в переходе оттуда в Санкт Петропавловскую гавань морской провиант деньгами не токмо по два рубли, по чему например экспедичной провиант до Камчатки (полагая покупку оного и провоз еще дешевой) в казну становитца, но и с уменьшением по полтора рубли за пуд без указу из Государственной Адмиралтейской коллегии дать изволите сумневатца, якобы дорого, и дабы самое их лишаемое тогда повседневное пропитание хотя малым ныне заплачено-б было, ибо они много голоду натерпелись несравненно со оною ценою, кроме труда и холоду и великого беспокойства. Того ради вашему высокоблагородию во известие предлагаю: оные служители на упоминаемом острову, как по репортам моим явствует, время продолжали ноября со второго на десять числа 741 августа по третье на десеть число 742 годов. И завезенного с нами провианта выдавано было им муки на месяц человеку фунтов по тритцати, и по дватцати и по пятнатцати же, а на июль и ничего муки и круп и соли дачи не было, ибо провиант уже весь был в ыздершке. Толко для самое по-

следней нашей нужды, когда уже господь бог паче надежды нашей (ибо и все мы были в отчаянии) свыше воспоможения нам даровал, что начинаемое тогда наше дело, то есть строение гукора, которой по данной от меня пропорции строил сибирской плотник Сава Старадубцов, в действо происходить стало, и надежда к возвращению оттуда являтца почела, то для переходу на нем до гавани Санкт Петропавловской едва дватцать пять пуд муки уберечь могли, чтоб хотя и переехать есть на чем будет, и хлеба ничего не будет, голодною не помереть смертью, и по отбытии с острова, которым провиантом все служители и переехали. И за таким крайным недостатком провианта, будучи на том острову, ели все непотребную и натуре человеческой противную пищу, что море давало, иногда бобровое и кошлоковое, и иногда котовое и нерпичье мясо, також и выкинутых из моря мертвых китов и сивучев, всю зиму и весну до маия месяца и маиа несколько дней. А потом, когда бог дал в маие месяце морскую корову, которую еще как и промышляли и чем едва домыслились, и за великостию ее насилу вытащили и чють было и людей не перетопила, то уже за великое благополучие поставили и за сладкую пищу мясо оной употребляли, и после их промышляли-ж, понеже оных коров мясо приятнее нам есть было, нежели кошлоковое и прочих вышеозначенных зверей, ибо бобровое хотя б дух и сносен был, но весьма жоско, как подошевная кожа, сколко-б ни варили и разжевать неможно, но целыми кусками глотали; а кошлоковое хотя того-ж роду, токмо мяхче, для того, что моложе, а котовое очень воняет, а нерпичье и наипаче того, что при довольстве терпеть не можно одного духу, не токмо-б есть. А мы и то все ели, хотя мерзко и нездорово, того не разбирали, лиж бы только было, да и не токмо нерпичье, но и кишки из оной, которую упромышляли блиско, не бросали, но также их ели. Токмо и такой скверной пищи не довольно было к пропитанию, понеже в близости не имелось, но весьма далеко была. А промышлять ходили не все, ибо служителей больных всегда много бывало, да которые и здоровыми числились, и те едва на ногах бродили, понеже и во всех была цынготная болезнь, однакож и такие, хотя чрез великую силу, а промышляли, сколко могли, на себя и на болных, которые уже ходить не могли. А как строить стали помянутое судно, х которому выбрано было изо всех двенатцать человек, кои поздоровее, и отходить им от того строения для промыслу уже не можно было, то оставшие и для них по очереди промышляли-ж и от того и самим им пищи той недоставало, а и на ково принесут, и те недовольны-ж были. И тако все кругом голодовали, и лежащие и бродящие, и которые слу-

жители померли—может быть, что не дожили века и от такова недоволства и от великова безпокойства. К тому-ж претяжкие и труды понесли (кроме ломки болшого судна и строения малого и протчего), понеже и для промыслу на пищу бобров, кошлоков, котов и нерпы ходили от жилища своего верст по десети и по пятнадцати и по дватцети и болше, да и то неспособными местами, чрез высокие хребты и утесы каменные, и на себе приносили чрез такое далное разстояние по всякой день: а люди и те, кои и промышлять ходили, и без такого труда, как выше показано, не в состоянии здоровьем были, еще же они и дрова на себе-ж про себя и про лежащих таскали верст по десяти и болше, ибо в близости и дров никаких несть. А время зимнее—студеное, и место пустое, не токмо изб или юрт, но и никаких лачюжек нет, обогретца и приютитца негде и зделать не из чего, и валялись все в ямах покрыты только парусами. И в таком бедном житье живот свои мучили не девять дней, но деветь месяцов, и по истинне сказать, жалостно было смотреть на всех, каковы были. И ежели б тогда откуда-нибудь из посторонних персон господин какой от слуг своих, а командир от подкомандных своих, приехали туда и посмотрели б на всех, узнали ль бы, кто из них командир или протчие офицеры или матроз или плотник или кто господин или слуга? поистинне сказать — никак не распознали б, но всех бы за равно почли—и офицера за плотника, и господина за слугу, понеже уже не было разни ни между кем и ни в чем, ни у слуги з господином, ни у подчиненного с командиром, ни в подчтении, ни в работе, ни в пище, ни в одежде, понеже всякому и во всем до себя пришло.[77] И офицеры и господа лиж бы на ногах шатались, также по дрова и на промысл для пищи туда-ж бродили и лямкою на себе таскали-ж и с салдатами и с слугами в одних артелях были.[78] И за вышепоказанной служителей претерпенной смертной голод и претяжкие труды, по мнению моему, надлежит им за означенной недоданной указной провиант в гавань и за морской выдать денгами: за муку и за крупу и за соль по два рубли за пуд, по чему экспедичной правиант в казну до Камчатки обошелся, ибо и по оной цене дать им недорого будет, понеже и экспедичной менше двух рублей пуд в казну с провозом туда не обойдетца, разве болше. А ежели-б им по прибытии с острова на Камчатку выдать там провиантом, ибо они о том меня просили (что я и учинил бы, понеже на Камчатке при гаване Санкт-Петропавловской провиант оставленной от вашего высокоблагородия имелся, ежели-б не воспрепятствовало мне рассуждение о экспедиции, что тогда оная еще в действии состояла, и ежели паки в вояж итить повелено будет и служителей все по преж-

нему на Камчатку соберутца, тогда оной провиант весьма вознадобитца паче денег, и лутче им дать по два рубли за пуд, нежели-б тем провиантом, как я рассуждал по тогдашнему обстоятельству, ведая с каким великим трудом и продолжением провиант на экспедицию туда завозитца) то б они более двух рублев за пуд получили, ибо на сторону менше б трех рублев пуда не продали, каков бы дешев ни был.[79] А, напротив того, и сами они, во время голодования на острову, ежели б кто привез туда лотку хлебов и стали бы у них прошать за одну ковригу по десяти рублев или более, а у них бы служителей на столко иждивения имелось, то б по истинне никто и по такой цене за ковригу пяти фунтовую последнего своего иждивения без остатку отдать не пожалел бы, не токмо б по два рубли дать за пуд. Однако-ж ежели ваше высокоблагородие по такой предложенной от меня цене по два рубли за пуд без указу из Государственной Адмиралтейской коллегии дать сумневатца изволите, то хотя с убавкою по полтора рубли за пуд выдать ныне, дабы они, ежели им и по такой цене ныне не дать, а отписыватца и о том в Государственную Адмиралтейскую коллегию и ожидать указу, не остались и еще на продолжительное время в обиде, а о додаче уже к тому в добавок по выше объявленному моему мнению (во исполнение двух рублев, по чему экспедичной провиант с провозом до Камчатки по меньшей цене стал) еще по пятидесят копеек за пуд предложить в милостивое рассмотрение Государственной Адмиралтейской коллегии и требовать указу.

Флота лейтенант *Swen Waxell.*

Октября 11 дня 1744 г.

Прежде чем последовала резолюция Адмиралтейств-коллегии на это мое предложение, капитан Чириков был отозван в Петербург с приказом сдать команду мне, так что запрошенная резолюция была направлена на мое имя. Копию, согласно обещанию, привожу ниже.

Копия резолюции Адмиралтейств-коллегии, последовавшей по этому предложению

«Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из Адмиралтейской коллегии лейтенанту Вакселю.

В репорте твоем из Енисейска октября от 3 числа 745 года, коим объявляется поданные бывших в вояже на пакетботе „Санкт Петре“ в 741 и 742 годах служителей флота капитану Чирикову доношение и верящие письма, которым просили, чтоб им за неполучение в показанных годах в бытность на

острову на том пакетботе, где зимовали и на Камчатке при гаване Санкт Петропавловской сухопутной, також по приходе с того острова в гавань провиант выдать наличным самим, а кои оставлены в Охоцке, за тех по повереным от них письмам деньгами, по камчатской цене, показывая притом, что они от той невыдачи тяжкой претерпели голод, о чем по их к помянутому капитану Чирикову предложению объявляли: — что в бытность на том пустом месте питание имели непотребной и натуре человеческой противной пищею, морскими зверьми всю зиму, да и такой скверной пищи к пропитанию было недовольно, к тому и претяжкие труды понесли, отчего обращались все в несносной цынготной болезни, с которого предложения сообщил в колегию точную копию. И по общему де капитана с протчими обер-и унтер офицерами разсуждению согласились и определили: тем служителям за вышеписанный провиант, недоданной в бытность на острову и при гаване Санкт Петропавловске сухопутной, а в переходе с того острова — морской, выдать деньгами из указной цены, как тот провиант на Камчатку становился: за муку, крупу и соль из двух рублев по одному рублю по пятьдесят копеек; а к тому о додаче пятидесяти копеек за пуд предложить Коллегии Адмиралтейской.

А из приложенной при том предложении копии усмотрено, что помянутые служители в бытность их чрез девять месяцев на пустом острову в пропитании имели крайнюю нужду, и что зверским и натуре человеческой противным, кроме самой последней необходимости скверным мясом питание, и в претяжких находились трудах.

Того ради сего января 21 дня по указу ея императорского величества Адмиралтейской Коллегии, в разсуждение означенного такого страдания и всеконечной нужды, как именно в копии с предложения Вакселева значится, определили:

Тем бывшим с вами в вояже служителям, как за всю бытность на пустом острову, так и на то время, сколько от того острова до Санкт Петропавловской гавани были в походе, числить в даче полной морской провиант по цене, какой оной на Камчатку становился, из которого прежде данной на показанном острову сухопутный провиант, также выданные по цене деньги вычесть, затем достальные за показанной морской провиант деньги кому что надлежит — додать.

Лейтенанту Вакселю учинить исполнение по сему ея императорского величества указу.

Вице-адмирал *Александр Головин.*

Секретарь *Иван Васильев.*

Января 31 дня 1746 году.

Канцелярист *Михайло Хрусталев.*

На основании этого милостивого указа Адмиралтейств-коллегии каждый из рядовых служивых получил свыше ста рублей, в то время как по расчету на основании моего предложения по два рубля за пуд сухопутного провианта, каждому пришлось бы удовольствоваться немногим свыше тридцати рублей, а они и этому были бы очень рады.

После этого состоялся еще милостивый указ ее императорского величества за собственноручной ее подписью, коим как я, так и прочие офицеры и люди, бывшие со мной в плавании, получали повышение в чинах с 15 июля 1744 года с выплатой полного жалованья за время с момента производства. Тем людям, которые не могли быть произведены в чины, назначено было денежное вознаграждение, — «за претерпение многих и неслыханных нужд», как гласит выражение самого указа. Этот указ вышел уже осенью 1749 года.

В Государственную Адмиралтейств-Коллегию

ВСЕПОКОРНЕЙШИЙ РЕПОРТ

В прошлом 1741 году в мае месяце бывшей господин капитан камандор Беринг, учиня консилиум с господином капитаном Чириковым и приглася к тому профессора Делиль-де ла Кроера и команды своей всех оберофицеров и штюрманов о определении первого курша, какой надлежит иметь, вышел из гавани св. апостол Петра и Павла для сыскания земли Янде-Гамма, которая показана по карте помянутого профессора ла Кроера, что оная простираетца к северу до 47° северной ширины, в котором все согласно положили иметь курш, вышед из Авачинской губы по правому компасу зюйд остен остен до 46°, дабы тем могли лутче оную осмотреть в той паралелле, и ежели есть такая земля, то б итти подле той, как оная простиратца будет, меж норда и остена и между норда и веста; а ежели ж не получим на той паралелле никакой земли, то б оттудова держать курш остен норден, покаместь землю увидим, а как увидим землю, идучи на оной курш, то и итти по тому ж подле оной к северу для описания, сколько время допустить может, с таким рассуждением, дабы могли возвратитца для зимования в гавань св. Петра-Павловскую сентября в последних числах. И по тому согласному рассуждению он капитан камандор Беринг на пакетботе св. Петре, имев в своей команде капитана Чирикова, командующего на пакетботе св. Павле, июня 4 числа 741 году отправился от Авачинской губы в путь свой благополучно. И по выходе своем имели тот определенной курш зюйд остен остен или иногда ближней к тому по способности ветра. И следовали, не разлучаясь с помянутым

капитаном Чириковым, июня до 19 дня, которого числа был великой ветр от оста, от чего принуждены были как мы, так и он господин капитан, убрав парусы, лежать на дрейфе. И виден был от нас пакетбот св. Павел пополудни часу до 11-го к норд весту, в ширине северной 49°52′ в минут в разности длины от Вауа, [80] 18°49′, а далее того времени уже нам стал невидим. Чего ради мы, дождавшись дневного света, принуждены были ево искать на том румбе, на котором мы ево в той ночи видели, и искали около того места, сколько ветер допустил, 43 часа; а как сыскать не могли, тогда он капитан командор Беринг, общим согласием с своими обер офицерами, определил идти по прежде учиненному консилиуму между зюйда и оста. И следовали между той четверти компаса на разные румбы по способности-ж ветра до ширины 45° 13′, учиня разность длины к востоку от Вауа 16° 23′, расстоянием около 200 миль немецких, однакож никакой земли не видали. Чего ради положил он капитан командор держать курш по прежде учиненному-ж консилиуму остент норден, которым шли до ширины 48° 38′ переменя разность длины от Вауа 36°, но и в такой отдаленности никакой земли не видели-ж. Тогда он капитан командор, согласясь с своими обер офицерами велел держать еще ближе к норду в надежде такой, что скоряя можно получить будет землю. И шли между норда и оста до 16-го числа июля, которого числа увидели землю от нас к норду весту, и держали ближе. А как пришед к ней 20 июля, стали у одного острова на якорь, который именован нами островом св. Илии в ширине северной 59° 40′, в разности длины от Вауа 48° 50′ на курш от Вауа остен, норден, 417 $^3/_4$ миль немецких. Того ж числа на лангботе послан был от него капитана командора Беринга флоцкой мастер Хитров для осмотру за другим видимым от нас островом удобного якорьного места, дабы мы могли себя за тем закрыть от ветра во время нужды, которой того-ж числа, прибыв на пакет бот, репортовал ему капитану командору словесно, что якорное место сыскал между матерым берегом и тем островом на рейде на глубине 3 и $3^1/_2$ саженях; к тому-ж репортовал, что нашел он на том острову юрту, состроенную из досок тесанных, в которой де видно, что жили люди незадолго до нашего прибытия, и привес с собою для показания деревянное лукошко, лопату, также и камень, на котором знатно, что обтирано бывало медь. А адъюнкт Штеллер ездил на малом ялботе на остров св. Илии и нашел на оном земленую юрту, в которой осмотрел копченую рыбу, готовленную того лета, как мы были, и видели на песке след человеческой и огнища, и по тому видно, что те люди себя в лесу, увидев нас, схоронили или жилища

свои имеют на матерой земле, а на сей остров приезжают для промыслу рыбы и протчаго морского зверя. Тогда капитан камандор, для приласкания оных впредь, послал в ту юрту из подарочных вещей и приказал там оставить, а имянно: крашенины зеленой $16^1/_2$ аршин, ножей железных 2, корольков китайских 20, трубок железных 2, которое там и оставлено. На матером берегу видеть было неможно, имеетца-ль на нем какой лес годной или нет, понеже имеет оной берег великие хребты и сопки, покрытые снегом, а на островах есть лесу мелкого довольное число, а имянно: ельник, лиственица и протчей, которой не только к строению судов каких, но и для починки оных не годен, понеже мы имели нужду искать дерева годного на марса рен, однакож не сыскали. И, удовольствовав себя с того острова св. Илии водою, он капитан камандор более себя при так открытом море держать был опасен: 21-го июля отправил себя в путь свой. И пошли между зюйда и веста, как оная земля простираетца, для описания. И как дошли разными куршами до ширины 56° 54′ июля 27-го дня видели тот же берег от нас норд остен норден, по рассуждению нашему миль 7, по лоту была глубина воды 35 и 40 сажен. И весьма опасны были себя держать близь земли частых ради банков и беспрестанных густых туманов и жестоких ветров, к тому ж и от неизвестного берега, как оной свое положение имеет, от которого бывали неоднократно в великих страхах и в отчаении спасти себя и судна. Того ради стали держать от оной себя далее и шли разными куршами, о чем явно в нашем журнале до 2-го числа августа, которого числа в ночи, в прочищении тумана, увидели незапно в самой близости остров, у которого была глубина воды 18, 17 и 16 сажен, чего ради принуждены в почное туманное время стать на якорь на глубине 18 саженях, назвав оной остров Туманной. А во время дня пошли от него в путь свой, видели матерой же берег от нас к норд весту не в дальном расстоянии. И близ нашего курша, которым мы шли августа 4-го дня, видели ж 5 островов. И от того времяни стали себя держать далее в моря: ветры нам к следованию пути нашего были весьма противные. Чего ради августа 10-го числа, быв на ширине 53°18′ в ростоянии от Вауа без мало 400 миль немецких, капитан камандор со всеми ж обер и ундер офицерами, рассуждая по дальности растояния от гавани Петропавловской, к тому ж и по репорту каманды нашей подлекаря, которой от него подан был с росуждением о цынготной болезни многих служителей, а имянно, о 21-м человеке, которые де ежели продлятца на море во время осеннее, то к работе будут весьма ненадежны, согласно определил от того

числа: ежели будут ветры нам благополучные, держать курш свой по параллеле 53° того ради, чтоб мы могли осмотреть, не имеетца ль той американской земли на той 53-й параллеле, ибо мы последнею нами виденную американскую землю оставили около 55° и следовали от того времяни по тому определению, однакож препятствовали тому намерению жестокие противные вестовые ветры, от которых удержаны были августа до 27-го числа в ростоянии еще от Вауа более 300 миль немецких около 53° северной ширины. И видев он капитан камандор, что жестокость противных ветров нас к скорому следованию не допускает, а воды тогда осталось на пакетботе только 25 бочек, с которою он иттить был к гавани св. апостол Петра и Павла весьма опасен. Дабы от тех противных ветров не были более удержаны и, за неимением воды, чтоб не претерпели крайнего нещастия, согласно со всеми определил того ж 27-го дня августа: для удовольствования себя водою, искать землю, которая от нас по щислению нашему находилась не более миль 60. И того ж августа 29 дня увидели много островов, х которым стали держать ближе по глубине воды 55, 50, 45 и до 15 сажен равным убавлением, грунт пещаной. И пришед ближе, спустя малой ялбот, послан был подштюрман Юшин между островов для осмотру якорьного места, а мы в то время на глубине 24 саженях стали на якорь. А как возвратился помянутой подштюрман и объявил, что удобного места к якорьному стоянию на нашел, тогда мы, подняв якорь, спустя лангбот на воду, пошли буксиром между островами в бухт по глубине 24, 25 и 15 сажен. И пришед к одному острову, стали на якорь. И послан был штюрман на остров для сыскания воды, которой, прибыв на пакетбот, репортовал капитану камандору, что нашел он воды довольное число. Матерой берег нам был видим позади тех островов растоянием миль около 12, а во время ночи на одном острове увидели мы огонь к норд норд осту. Растоянием оной остров от нашего места было около полутора миль, куда 30 дня августа послан был на малом ялботе мастер Хитров для осмотру того огня, и ежели есть там какие люди, то велено ему было с ними поступать ласкою, чего ради послано с ним несколько из подарочных вещей. Между тем был великой ветр, находящей шквалами, от чего мы более стоять на якоре близь острова без всякого закрытия весьма опасны, и принуждены были поднять якорь и закрыть себя хотя мало за островом и стать паки на якорь. А 2-го дня августа послан от нас был к нему мастеру Хитрову лангбот, понеже ему на малом ялботе за великостию ветра ехать на пакетбот з берегу было невозможно, на котором лангботе он мастер 3 дня сентября прибыл

на пакетбот благополучно, только принужден был, великости ради ветра и буруна, оставить малой ялбот. И в прибытии своем репортовал капитану камандору, что был он на том острове, где прежде виден был огонь, и огнище видел, только людей никаких не видал. Того ж числа мы, подняв якорь, и лавировали между острова и отошед от прежняго якорного места к другому острову, которой был от первого места к осту, ростоянием около 2-х миль, где положили якорь на глубине 15 саженях. И стояв на якоре, 4-го числа сентября пополудни часу в 5-м услышали мы великой крик людей, ис которых 2 человека сели в 2 байдары и гребли к нашему пакетботу и, не дошед до пакетбота сажен около 50, остановились и кричали к нам на своем языке, которого их языку взятые с Камчатки толмачи чюкоцкого и коряцкого языков не розумели, також и от нас к ним кричали помянутые толмачи чюкоцким и коряцким языком, которого, видно, что и они не розумеют, понеже указывают на свои уши и машут к нам руками, указывая на берег. Потом ис тех байдар одна подошед к пакетботу гораздо близко, однакож не приставая к борту. Тогда по приказу капитана камандора брошены были от нас к нему, привязав на доску, разные подарки, а имянно, несколько аршин камки красной, зеркалы, ганзы железные, чем курят китайской табак, называемой шар, и несколько ж колокольчиков медных, которые подарки видно, что принял приятно; напротив того с той байдары видно ж, что в подарок бросил к нам выстраганые глаткие две тонкие палки, ис которых к одной привязаны птичьи перья, а к другой птичья нога с перьями ж, которые перья мы признавали соколиными. И как мы от них оные приняли, тогда американцы погребли от нас на берег и с великим криком машут руками, указывая на берег. Чего ради капитан камандор велел спустить лангбот на воду, на котором я послан был к ним, и взяв собою одного толмача, которой умел говорить чюкоцким и коряцким языком, также и несколько вооруженных людей, к тому ж и разные подарочные вещи и вина двойнова русского. И как я приехал к тому берегу, на котором были американцы, то стал я близь берега на якорь, понеже пристать было для великого ветра и буруна, также и подводных ради каменьев невозможно. И спущено было от меня с лангбота на берег с помянутым толмачем несколько человек служителей. И между тем давал оным американцам разные подарки, которых они от меня не приняли, также одному из оных подносил чарку вина, которую от меня приняв и припив, оную отдал возвратно, а взятое в рот вылил на земь. А между тем спущенного толмача нашего водили в свой стан и дали

ему китового жиру, которой, от них приняв, намерен был итти на лангбот, но оные американцы ево держали и не пускали возвратно, а в какую силу оного держали, того знать было невозможно. От чего я принужден был для свободы того толмача приказать солдатам выпалить из несколько ружей на ветер. А когда выпалено было, тогда они все упали на землю, в которое время тот толмач, освободясь от них, возвратился на лангбот, а они все американцы бросились против ялбота и взяли за фален, тянули ялбот на берег. И опасаясь я того, чтоб не разбить лангбота о каменья, приказал отрубить якорь и обрезать фален. И возвратился на пакетбот со всеми людми благополучно, о чем ему капитану камандору от меня словесно и репортовано. А как пришла ночь, тогда оные американцы имели на берегу огонь. Сей ночи был удивительной жестокости ветр з дождем, которого ради мы, быв в великом страхе, принуждены были спустить на низ грот фока реи и ожидать дневного света. А как наступило 5 число сентября, тогда мы снялись с якоря и лавировали близь того острова, намерены были итти в путь свой, токмо был ветр противной, к тому ж течение воды нам к выходу препятствовало. Паки подошед ближе к тому ж острову, стали на якорь на глубине 17 саженях. А когда те американцы увидели нас, что мы стоим на якоре, приехали к нам с помянутого острова на семи байдарах, не которых две пришли к нам к самому борту, и по тому видно, что они прежде огненова ружья не видали, понеже оные к нам приехали, не имев никакова страху, которым в то время подарено котел железной и несколько игол; от них напротив того дано нам в подарок же зделанные из коры две шапки и на одной привязан был костеной статуй на подобие вида человеческого, которой при сем всепокорнейшем репорте послан в Государственную Адмиралтейств-коллегию, а шапки и их палки во время нашего нещастия утратились.

Все оные острова безлесные и пустые. И видно, что те американцы приехали на своих байдарах к сим островам с матерого берега для промыслу морских зверей и рыбы. А каким подобием американцы и их из нерпичей кожи зделаные байдары, о том значит в нарисованной и посланной от меня в Государственную Адмиралтейств-коллегию карте. И удовольствовав мы себя водою, отправились 6-го числа сентября в путь свой, назвав оной остров Шумагин. И имели намерение прямо следовать к Ованенской гавани, однакож вестовые противные всегда нам жестокие ветры препятствовали, от которых многократно имели нужду спасать себя, будучи на дрейфе. И пришед сентября 24 дня на ширину 51°, видели несколько островов, а по-

зади оных виден же был к вест норд весту и матерой тот же американский берег, от которого места неописанною жестокостию вестового ветра, которое продолжалось до 13-го дня октября, будучи всегда на дрейфе, отнесены были к осту около 80 миль. И можно о той жестокости ветра безпристрастно донести Государственной Адмиралтейств-коллегии, что таких сильных штормов, надеюсь, от старых мореплавателей мало видано было. в которые мы с немалою нуждою себя спасали, к тому ж и людей было в команде нашей уже больных цынготною болезнею немалое число, а некоторые и померли, а и остальные уже многие во управлении морской работы явились безсильны. Но однакож, хотя мы уже были от тех жестоких трудов и неприятного всегдашнего воздуха в самой слабости, трудились з божиею помощью получить гавань св. апостол Петра и Павла. И пришед 25 октября на ширину 51° с некоторыми минутами, видели высокой каменной и безлесной остров, от нас норд вестен и норден, которойименован нами остров св. Маркиана. А 28 числа октября видели остров же к норд норд весту, растоянием милях в трех от него видимы были 3 малые острова, а видно, что и оные пустые и безлесные, которой назван нами остров св. Стефана. Также и 29 октября, во время немалого тумана, бросали лот, где глубина воды была 35 сажен, чего ради в туманое время, за мелкостию воды, для осторожности, легли на дрейф. А как мало очистился туман, тогда увидели мы остров от нас к весту, которой назван нами остров св. Аврамия. И поставя парусы, пошли в путь свой. Управление пакетбота в сие время уже чинилось с великою нуждою, понеже кроме тех служителей, которые до сего числа по воли божией померли, больных было около 40 человек, также и у оставших уже было крайнее безсилие. А как уже с тою крайнею нуждою дошли ноября до 4-го числа, и увидели землю, которую мы за спасение свое почитали, понеже не было более нашей силы продолжать себя на море; по обсервации оная земля лежит на ширине 54°, где мы себя счисляли около 53-х, а по разности длине от Вауа только в 40 минутах. И по тому счислению имели надежду, что та видимая нами земля Камчацкая, несколько севернее Шипунинского мыса. Которая погрешность нашего счисления учинилась от того: понеже мы перед тем за долгим временем, от беспрестанных густых туманов, не видали солнце, по чему б нам можно было себя исправить, о чем явствует в нашем журнале.

И как мы себя и команды нашей служителей от жестокой цынготной болезни увидели в крайнем безсилии, от чего пришли в немалой страх, ибо тогда уже можно сказать почти судно

235а

сил, мерзль текстов полегчи здесь бывших в трудах непрерывных: самое бедное и нужд. в сих фах ше прошу дабы милостиво приняты были –

Leutenant Swen Waxell

Камчатка при гаване св. апостол. петра и павла Месяца Ноября 15 дня 1742: года

Последняя страница репорта С. Вакселя

было без правления, понеже тогда команды нашей людей находилось таких, которые чрез великую мочь ходить о себе могли, только 8 человек, но из оных на верх ходили с нуждою 3 человека, из которых был один собственной человек капитана камандора, а протчие все лежали больные при самой смерти. Да и воды на нашем судне осталось только 6 бочек, а провианту морского, как сухарей, так и протчаго не имелось, кроме несколько муки, масла и мяса. Да сверх всего нашего нужнейшего состояния грот ванты наши выше свит сарвина на правой стороне все до одной перервались, чего ради и парусов на грот мачте носить никаких было невозможно. А за вышеписанным безсилием людей оных исправить было некому. А во время того нашего нещастия ветр нам для обходу того видимого нами мыса был противный. Того ради 5-го числа ноября в таком видя себя в худом состоянии, более на море продолжать и ожидать благополучного ветра весьма были опасны, дабы за безсилием людей не оставить судна без всякого управления и не претерпеть от того крайнего нещастия в потерянии всех людей и судна. Тогда капитан камандор собрал к себе как обер так и ундер афицеров и рядовых, которые еще могли дойтить до его каюты, имел о том общее рассуждение. При котором собрании все служители объявили, что они более продолжать себя в работе на море за болезнию и крайним безсилием не могут. Чего ради как он капитан камандор, так и обер-и ундерофицеры согласно положили, дабы сыскать якорное место для зимования и стать на якорь для своего спасения, дабы в такой жестокой болезни не потерять себя безизвестно. И по тому общему всех людей согласию пошли к той земле фордевинт. И пришед в 5-м часу пополудни на глубину 12 сажен, положили дагликс анкор, оддав каната три четверти, которой канат порвался около 80 сажен, от чего придрейфовало нас на бурун на глубину 5 сажен, где мы положили той анкор, которой также в скором времяни подорвало и перенесло нас чрез тот бурун ближе к берегу на глубину $4^1/_2$ сажени. Тогда положили плехт, отдав у него канату три четверти. Больных служителей было рядовых 49 человек. А 6-го числа ноября, за болезнию многих людей, с великою нуждою могли спустить на воду лангбот и офертоить пакетбот. А от того время мы з достальными служителями, которые тогда еще хотя с нуждою на ногах ходили, имели старание для своза больных на берег и в постановлении оным из парусов палаток. А как поставлены были палатки, тогда капитана камандора больного ноября 8-го, а мастера Хитрова больного ж ноября 15-го числа и протчих служителей свезли на берег, ис которых при свозе померло

немалое число. А 21-го числа я з достальными служителями в жестокой той болезни свезен был с пакетбота на берег же, ибо продолжать себя той ради болезни на пакетботе более силы моей не было, к тому ж и водою довольствовать было на пакетботе некому, также и никакова вспоможения пакетботу учинить было невозможно.

И между тем послан был от капитана камандора подканстапель Роселиус с двумя человеками по берегу той земли к северу, на которой мы обретались, и велено ему осмотреть, что та земля подлинно ль Камчацкая или какой остров, ежели Камчацкая, то б ему Роселиусу итить до жилого места; а что ему велено исполнять, ежели та земля Камчацкая, о том дана ему была от него камандора инструкция; которой от безсилия своево не был далее от места нашего верст 30 [и] возвратился назад без всякого известия. А 21-го дня ноября приказом ево господина капитана камандора велено было мне подать репорт со всеми обер-и ундерофицеры и служителями о спасении пакетбота св. Петра, по которому я, с флоцким мастером Хитровым и со всеми унтер-офицеры и служителями имев росуждение, подал репорт к нему капитану камандору 23-го дня ноября в такой силе, дабы пакетбот св. Петр заблаговременно поставить против места нашего на берег, где имелся песок, не вынимая из него грузу, дабы оной во время большого з берега ветра, подорвав канат, и не унесло в моря. На которой наш поданной репорт он капитан камандор о постановлении того судна на берег прислал ордер того ж 23-го ноября мастеру Хитрову, дабы по оному учинил, не опуская случая, исполнение. По которому ордеру он мастер Хитрово, хотя был болен, однакож с первым случаем ноября 25-го дня имел намерение ехать на пакетбот и пришел к лангботу, где ему объявил дежюрной афицер, а имянно, боцманмат Алексей Иванов служителей здоровых только 5 человек, ис которых тогда при спуске лангбота з берега один человек обмок в море и возвратился в полатку, затем тогда осталось только 4 человека, но и те были весьма безсильны. И видев он мастер, что с таким малолюдством ему плехт анкоря поднять было невозможно, к тому ж и ветр был от норд норд веста прямо на каменной риф, лежащей от того места, где тогда стоял пакетбот, зюйд зюйд ост со 150 сажен, а стенги и реи тогда были спущены на низ и для того, хотя б и более того было людей, то для вышеписанного каменного рифа в такой ветр пакетбот тронуть было невозможно. Чего ради, видев он мастер Хитрово о постановлении пакетбота по поданному от нас репорту невозможность, к тому ж и такова малолюдства ради, пришед ко мне, и репор-

товал словесно, которому я тогда приказал самому репортовать капитану камандору, о чем он мастер и ему капитану камандору репортовал в то ж время. А от того 25-го по 28 число ноября за великостию ветра ехать было на пакетбот для вышеписанного учинения невозможно. А он мастер Хитров был уже весьма болен, и после того ходить более не мог и лежал в той цынготной болезни в одной палатке со всеми нами. А против 28 числа в ночи великим штормом от норд оста подорвало у плехта канат, и выкинуло пакетбот на тот же пещаной берег, на котором мы имели намерение оной поставить. А декабря 1-го числа послан был от капитана камандора матроз Анчуков и с ним служителей два человека по берегу к зюйду для уведомления и осмотру той земли, на которой мы обретались, что оная земля материя ли или какой остров, которой прибыв возвратно декабря 27-го дня без всякого о той земли обстоятельного известия.

А между тем декабря против 8-го числа прошедшего 741 году, по воли божией, умер капитан камандор Беринг в цынготной болезни, которою мучим был около четырех месяцев безвыходно, и погребен на том острове, на котором мы зимовали с командою. А по смерти ево капитана камандора принял команду я и по тому ж чинил обще с флоцким мастером Хитровым всякое старание о розведовании сей земли, однакож никакова известия, за великим препятствием непокойных погод, получить было невозможно прежде апреля месяца. А как получили известие, что та земля, на которой мы обретались, подлинно остров, тогда мы учинили общее свидетельство пакетбота св. Петра: будет ли оной нам годен на море к переходу до Камчатки и можно ль оной снять з берегу. И по осмотру нашему оной пакетбот нашелся весьма поврежден, которого повреждения починить было нельзя и нечем, к тому ж и снять з берегу оной никакими мерами невозможно ж, ибо оной песком замыло около 7 фут от киля, о чем явно в нашем свидетельстве. И потому росуждали: каким бы образом могли себя освободить от того острова. И иного способа о свободе своей никакой не сыскали (понеже остров был пустой и безлесной), только чтоб ломать пакетбот и сделать из него к переходу нашему до Камчатки такое судно, сколько набратца может годного лесу, которому мнению все служители были согласны. И начали ломать пакетбот в апреле месяце, которая продолжалась до маия 5-го числа. А 6-го маия ж, з божею помощию, заложили строить судно длиною по килю 36 фут, шириною 12, глубина 5 фут 3 дюйма, которое строено со всякою поспешностию, не опуская в строении напрасно удобного времени.

Остров сей, на котором мы с командою зимовали, протегаетца от 54 и до 56° северной ширины, а от южного мыса, которой от нас назван Кап-манат, то есть морских коров, лежит он норд-норд-вест и зюйд-зюйд-ост длиною около 130 верст, поперек верст 10. Жила на нем никакова нет, но и знаков к тому, чтоб бывали на нем когда люди, не находилось. Лесу никакова нет, кроме самого местами мелкого тальника. Высокие имеет хребты сопки, во многих местах каменные утесы, и весьма неудобен к приближению морских судов, понеже во весь остров мало находитца таких мест, чтоб не были великие каменные лайды, которые от берегу в море протегаютца не меньше версты и далее и во время прибытия воды закрываютца, а в малую бывают сухи; а где нет таких каменных лайд, то в тех местах великой ходит бурун, чего ради стоять на якоре на рейде весьма опасно судну такому, которое ходит глубиною фут 5 или 6. Гавани для зимования никакой нет, понеже мы искать оной не мало трудились, чего ради нарочно посланы были берегом для осмотру, не имеетца-ль какой гавани, к зюйду флоцкой мастер Хитрово, а к северу боцманмат Иванов, только в прибытие своей репортовали, что никакой не имеетца. Знаков от земли нашей Камчацкой на оном острову во время вестового ветра, а от американской во время остового находилось немалое число, а имянно, от камчацкой стороны находился лес рубленой избной, которой бывал в строении, и плотовые с проушинами слеги, розбитые баты, санки, на которых ездят оленные коряки.

И во время чистого воздуха с западной стороны острова неоднократно многими служителями видимы казались сопки, покрытые снегом, однакож за дальностию того вида нам утвердитца в том было ненадежно (а по нынешнему 742 году счислению можно верить без сумнения, что те сопки видимы были на Камчацком берегу), а от американской стороны лес толстой сосновой и их стрелки и весла, каких у наших на Камчатке не бывает. В бытность нашу на сем острове жили весьма пребедно, понеже жилища наши были в ямах, вырытых из песку и покрытых парусами. И в собирании дров имели чрезвычайную тягость, ибо принуждены были дрова искать и собирать по берегу морскому и носить на плечах своих лямками верст по 10 и по 12-ти. А в то время мы и люди команды нашей почти все одержимы были жестокою цынготною болезнию, и так долго оною мучимы были, что многие уже свободу получили во время весны, как стала выходить свежая трава, которую употребляли в пищу. Пропитание наше было чрез всю зиму, за неимением провианта, трудное к тому ж и натуре

человеческой противное, ибо принуждены были ходить по берегу морскому и отлучатца от жилища своего растоянием верст по 20 и по 30 и старатца о том, чтоб убить себе на пищу какова морскова зверя, а именно бобра, сивуча или нерьпу, которая просто называетца тюлень, которых убив чрез такую дальность пашивали на себе ж лямками; а когда таких зверей зачем промыслить невозможно, тогда принуждены искать и есть хотя мертвых выброшенных морем на берег оных же зверей, также коров морских и китов. А во время вешнее, как уже те звери от страха себя гораздо от нас удалили, тогда питались морскими котами, которые во время вешнее приплывают на тот остров для своего плода; оная пища нам весьма была противная; а как чрез долгое время гораздо оные нам стали противны, тогда промышляли коров морских, которые немалого корпуса, ибо в одной корове мясо будет не меньше 200 пудов; а каким подобием означенные звери, а имянно, коты, сивучи и коровы, о том значит нарисованные на посланной от меня в Государственную Адмиралтейств-коллегию карте; и от того времяни мы уже себя тем довольствовали, понеже оное мясо гораздо приятнее всех вышеписанных морских зверей.

Ветры с пургами бывают на том острове во время зимнее весьма жестокие, и можно сказать, что мы от декабря месяца до самого марта ретко видали красной день. А от марта месяца вешнем временем и в лете безпрестанные бывают туманы и мокроты, и потому ж мало случалось видать приятного воздуха день. Которая беспокойство погод великое препятствие чинила скорому строению нашего судна, к тому ж и людей было в таком бедном состоянии приневоливать по команде в такой отдаленности небезопасно, чего ради принуждены были все делать с их общего согласия. На том острове, по осмотру бывшего с нами адьюнкта Штеллера, металлов и минералов никаких не имеетца, понеже оной Штеллер нарочно посылан был кругом того острова. А как судно наше божиею помощию работою окончалось, тогда я обще с мастером Хитровым и со всеми служителями имел росужденне о забрании материалов, по которому росуждению согласно положили, чтоб взять с собою из вышеписанных материалов несколько железа, места болясту, и надлежащие припасы на такое судно, и удовольствовать себя водою, и взять несколько бочек морской коровы соленого мяса, и забрать всех служителей с их багажами и следовать до Камчатки, а протчие материалы и припасы, которых большая часть, по свидетельству флоцкого мастера со всеми ундерофицерами, явились негодные, оставить на том острове в построенном нами сарае, дабы оными во время осеннее толь

ненадежное судно не отяготить излишне нагрузкою; а какие на том острове оставлены припасы и материалы годные и негодные, о том при сем моем всепокорнейшем послан в Государственную Адмиралтейств-коллегию имянной реестр. А 10-го числа августа спустили з берега построенное нами судно, которое именовали гукор св. Петр. И вооружа оное, того ж 13-го дня августа з божиею помощию пошли в путь свой до Камчатки, забрав всех служителей, а именно, 46 человек. И в бытность нашу на море, в ночи 15-го числа августа, от худости досок в строении судна, явилась великая течь, и было уже воды на трюме около двух фут, от чего мы пришли в великой страх и принуждены были для облегчения того судна бросить с трюма несколько картечей и ядер и вылить из него воду помпами и ведрами. А как течь стала нетакая, тогда паки пошли в путь свой, и 26-го числа августа вошли в гавань св. апостол Петра и Павла благополучно, где услышали о капитане господине Чирикове, что он с командою своею на пакетботе св. Павле сего лета отправился в Охоцк. Того ради мы, исправя гукор св. Петр, пошли из гавани сентября 1-го дня и имели намерение следовать до Охоцка. От которого числа продолжали себя в море 5 дней. И во время той нашей бытности в море явилась паки течь немалая, к тому ж ветр был противный, от чего принуждены были, по согласию всех служителей, возвратитца для зимы в гавань, опасаясь дабы от той необычайной течи не претерпеть на таком ненадежном судне во время осеннее какова нещастия, где и поныне с командою обретаемся. А предбудущею весною, исправя судно, намерен следовать с командою в Охоцк. И ежели получу там господина капитана Чирикова, то буду в ево команде, а когда ево господина капитана в Охоцке не застану с командою, то намерен ехать до Якуцка, и какое о себе определение получу, по тому и исполнять буду; а ежели ж никакова определения нет, то буду в Якуцком ожидать из Государственной Адмиралтейств-коллегии указу.

При сем же Государственной Адмиралтейств-коллегии всепокорнейше доношу, что по выходе нашем в прошлом 741-м году из гавани св. апостол Петра и Павла на море, во время нашей компании, также и на острову, где мы зимовали с командою, померло чинов служителей 31 человек; а кто имяны и которого числа померли, о том при сем послан в Государственную Адмиралтейств-коллегию имянной реестр.

А в данной из Государственной Адмиралтейств-коллегии бывшему господину капитану камандору Берингу инструкции в 9-м пункте написано, что по окончании экспедиции прислать

в Государственную Адмиралтейств-коллегию жюрнал и сочиненную о том вояже карту с нарочным офицером, которой был в том вояже; и по оному б как я, так и мастер Хитров ревностно исполнить желали, но, будучи в таких трудах и в прежней нашей жестокой болезни (о которой выше сего в сем моем всепокорнейшем пространно объявлено) и поныне еще не пришли в такое состояние, дабы толь многотрудной путь по слабости нашей могли снести. Того ради о бытности нашей на море жюрнал и карта и вид земли американской назначенной на карте, которую мы намерены были назвать по примеру других эвропейских вновь сысканных земель Новою Россиею, токмо без воли Государственной Адмиралтейств-коллегии не смели, также положения острова св. Илии и острова Шумагина з другими при них островами посланы от меня в Государственную Адмиралтейств-коллегию сего 742 году ноября 15 дня при сем с нарочно посланным от команды моей боцманматом Алексеем Ивановым, которой в самых наших нужнейших случаях многое в работе чинил собою вспоможение, за что еще при животе своем господин капитан камандор Беринг объявил ево за боцмана, которую должность он правил во все время при команде безпорочно; с ним же боцманматом послан для безопасного проезду иноземцами от команды нашей солдат тобольского полку Иван Окулов, и велено ему ехать чрез Анадырской острог сухим путем с поспешением.

И о вышеписанных о всех наших объявленных в сем моем всепокорнейшем репорте Государственной Адмиралтейств-коллегии чрезвычайных трудах и о крайней самой бедной нужде всенижайше прошу, дабы милостиво приняты были.

Leutenant *Swen Waxell.*

Камчатка при гаване
св. апостол Петра и Павла
месяца ноября 15-го дня
1742 году

(Ц. М. И. А, фонд Адмиралтейств-коллегии (№ 1212), д. № 2—1742 г., лл. 223—235 об).

РЕЕСТР РАЗНЫХ ЧИНОВ

служителем команды пакет бота св. Петра, которые по выходе нашем из гавани св. апостол Петра и Павла в прошлом 741-м году в бытность нашу на море и во время зимования нашего на острову, по воли божией, померли цынготною болезнию, а кто имяны и которого числа померли, о том значит ниже сего; а вышеписанной остров, на котором мы зимовали, назван от нас остров Берингов

Матроз 2 статьи Никита Шумагин августа 31 дня 741 году,
морской гранодер Андрей Третьяков сентября 24-го,
морской солдат Алексей Киселев октября 19-го,
камчацкой служивой Никита Харитонов октября 20-го,
морской солдат Лука Завьялов октября 22-го,
адмиралтейской купор Степан Болдырев октября 28-го,
Сибирского гварнизону солдат Карп Пашенной октября 31-го,
адмиралтейской плотник Иван Петров ноября 2-го,
Сибирского гварнизону барабанщик Осип Ченцов, морской гранодер Алексей Попов, Сибирского гварнизону солдат Иван Давыдов — ноября 4-го,
морской гранодер Иван Небаронов ноября 5-го,
боцман Нилс Янсен ноября 8-го,
трубач Михаил Торопцов ноября 11-го,
матроз 1 статьи Иван Емельянов, канонер 2 статьи Илья Дергачев, Якуцкого полку солдат Василей Попков, матроз 2-й статьи Селиверст Тараканов — ноября 15-го,
Якуцкого полку солдат Савин Степанов ноября 16-го,
матроз 1 статьи Марка Антипин ноября 20,
из присилных денщик прапорщика Лагунова Семен Артемьев, штюрман Андрис Эйзельберг — ноября 22-го,
адмиральтейской канапатчик Алексей Клементьев декабря 4-го,
подшхипор Никита Хатяинцов декабря 9-го числа,
морской гранодер Иван Третьяков декабря 17-го,
канонер 2 статьи Прокофей Юфимцов декабря 27-го,
морской солдат Федор Панов генваря 2 числа 742-го,
прапорщик Иван Лагунов генваря 8-го,

собственных офицеров слуг — 2 человека.

Итого с капитаном камандором — 31 человек.

Leutenant *Swen Waxell.*

(Ц. М. И. А., фонд Адмиралтейств-коллегии (№ 1212), д. № 2—1742 г., л. 236 и об.)

Сводная схематическая карта маршрутов отрядов второй Камчатской экспедиции 1733—1742 г.

1 — Беринг; *2* — Муравьев, Павлов, Малыгин; *3* — Овцын; *4* — Стерлегов, Минин; *5* — Прончищев, Челюскин, Харитон Лаптев; *6* — Ласиниус, Дмитрий Лаптев; *7* — Миллер; *8* — Шпанберг, Вальтон; *9* — Беринг, Ваксель; *10* — Чириков.

[1] О датировке рукописи Ваксепя см. предисловие.

Описание путешествия Стеллера (Seereise von Kamtschatka nach Amerika) составлено в 1743 году и опубликовано лишь в 1793 году. Возможно, что Ваксель ознакомился с ним в рукописи (см. примечания 44 и 46).

Наиболее ранним печатным известием о плавании „Св. Петра" является „репорт" самого Вакселя, помещаемый ниже (стр. 138), опубликованный в Копенгагене в датском переводе в 1747 году (P. v. Haven, Nye og forbedrede Efterraetninger om det Russiske Rige).

В 1752 году Гмелин (J. G. Gmelin, Reise durch Sibirien, Göttingen) дал краткое описание хода экспедиции. В том же 1752 году И. Н. Делиль опубликовал краткое и искаженное сообщение о ней („Explication de la carte des nouvelles decouvertes au Nord de la Mer du Sud"). Петербургская Академия в лице академика Миллера выступила в 1753 году с опровержением в виде анонимной брошюры (в течение долгого времени приписывавшейся почему-то Вакселю) „Lettre d'un officier de la marine Russienne à un Seigneur de la Cour, etc.". Подробное описание появилось в 1758 году в „Sammlung russischer Geschichte", т. III, и на русском языке в том же году в издании Академии: „Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие". В этой работе Г. Ф. Миллера уже использованы свидетельства Вакселя (см. прим. 48).

[2] Дампьер Вильям (William Dampier) (1652—?), английский мореплаватель, искатель приключений, написал ряд описаний своих путешествий. Наиболее известное среди них—„New Voyage round the world" (Новое кругосветное путешествие") 1697 года.

[3] Ансон Джордж (Anson) (1697—1762), знаменитый английский моряк, совершил в течение 1740—1744 годов кругосветное путешествие, командуя эскадрой военных кораблей, бо́льшую часть этого времени провел в водах южной части Тихого океана. Описание путешествия, составленное его спутником Вальтером, „Voyage round the world" („Кругосветное путешествие"), опубликовано в Англии в 1748 году и переведено в 1749 году на французский и немецкий языки, в 1751 году на русский, в 1754 году на голландский и в 1756 году на итальянский языки.

[4] Участниками экспедиции, отправленной Академией наук, были профессора Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, Л. Делиль Делакройер и адъюнкты И. Э. Фишер и Г. В. Стеллер; их сопровождали несколько сту-

лентов (в том числе будущий академик С. П. Крашенинников), геодезисты и др. Работа этой группы ученых в 1733—1746 годах имела громадное научное значение не только для своего времени, но не утратила его и доныне. О работе этой группы см. П. П. Пекарский, История Академии наук, т. I (биографии Миллера, Гмелина, Стеллера, Фишера и Делиль Делакройера).

[5] В подлиннике подписи нет.

[6] Именной указ Сенату „об отправлении капитан-командора Беринга в Камчатку" датирован 17 апреля 1732 года.

„Указали мы: капитана командора Беринга отправить паки на Камчатку и по поданным от него пунктам и предложениям о строении тамо судов и прочих дел к государственной пользе и умножению нашего интереса, и к тому делу надлежащих служителей и материалов, откуда что надлежит отправить, разсмотря определение учинить в Сенате, а для приведения тамошний народ в христианскую веру, священников и прочее, что до духовенства принадлежит, учинить надлежащее определение, снестись с Синодом. А сверх того по тому ж требованию, что возможно велеть исправлять и к этому Берингу вспоможение чинить сибирскому губернатору с товарищи и иркутскому вице-губернатору; а определенного в Охотск Григория Скорнякова-Писарева перевесть на прежнее место, где он содержан был". (Полн. Собр. Зак. т. VIII, стр. 749, № 6023).

„Предложения" капитан-командора Беринга, упомянутые в этом указе, опубликованы в качестве приложений к работе А. П. Соколова „Северная экспедиция 1733—43 гг." (Зап. Гидрограф. Департ., т. IX, 1851 г.). Сенатскую инструкцию Берингу „относительно плавания его в Восточном океане"—см. Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 6291, стр. 1002—1013. Весьма любопытный пункт этой инструкции гласит: „...И содержать им (командирам) их (инструкции) в секрете, и особливо во время вояжа во охранении. А для публичного показания Берингу и Чирикову, которые поедут к Америке, Шпанберху до Японии и на ту шлюбку, коя из Лены к востоку и к Камчатке следовать будет, из той же коллегии дать особые инструкции, в которых объявить, что по требованиям и желанию как Санктпетербургской, так Парижской и иных Академий, блаженныя и вечнодостойныя памяти император Петр Великий, для куриозите, посылал осведомиться от своих берегов, сходятся ль берега американские с берегами Азии, но тогда оное в действие не произошло. А ныне е. и. в. ко удовольству оных Академий указала отправить их и, уведомясь, возвратиться" и т. д. Как видим, инициаторы экспедиции прекрасно отдавали себе отчет в сугубо политическом ее характере, и научная „куриозите" играла при этом далеко не решающую роль. Отсюда, конечно, и скромный характер участия членов Академии, „ко удовольству" которых экспедиция якобы была предпринята.

Сенатская инструкция от 28 декабря 1732 года подверглась довольно резкой критике Чирикова, представившего ряд весьма дельных замечаний на нее. Переработанная с учетом этих замечаний инструкция утверждена 16 марта 1733 г. (Полн. Собр. Зак., т. IX, № 63?, стр. 63-69).

О дополнении к инструкции от 21 февраля 1733 года см. прим. 40.

О том, что транспортные затруднения экспедиции начались сразу же при выезде из Петербурга, можно судить по сенатскому указу, предписывавшему не предоставлять экспедиции почтовых лошадей под клади, а отправлять их на наемных подводах, вследствие перегруженности почтового тракта. (Ц. М. И. А., фонд 1212, дело 3/II отд., л. 103).

[7] В подлинной рукописи Ваксель повсюду пишет капитан Spangenberg (Шпангенберг). В документах Шпанберг обычно подписывается „Spangberg" (Шпангберг) или Шпангенберг. Во всех документах, составленных на русском языке, в переписке с Сенатом, Адмиралтейств-коллегией и др.—он называется Шпанберхом. В научной литературе установилось написание Шпанберг, сохраняемое и в настоящем переводе.

[8] Чириков Алексей Ильич, участник и один из руководителей обеих Камчатских экспедиций, служил во флоте с 1716 года. В 1725 году „за знание наук и искусное обучение гардемарин", „другим не в образец", произведен в лейтенанты и послан в первую Камчатскую экспедицию. По окончании второй Камчатской экспедиции произведен в 1747 году в капитан-командоры. Умер в 1748 году.

А. П. Соколов („Северная экспедиция". Зап. Гидрограф. Департ. т. IX, стр. 210) характеризует его: „краса и надежда флота, умный, образованный, твердый и скромный".

По вопросу об относительной роли Чирикова и Беринга в экспедиции возникла в 50-х годах XIX века полемика между академиком К. Бэром и А. П. Соколовым (см. К. Бэр, Заслуги Петра Великого по части распространения географических знаний. Зап. Геогр. о-ва, III, 1849; IV, 1850).

[9] Малыгин Степан Гаврилович, окончил в 1717 году Московскую математическую школу, плавал на севере впервые в 1728 году до острова Кильдина. Замечателен его поход 1736—1737 годов, когда впервые удалось обогнуть полуостров Ямал и пройти из устья Печоры, где разбился его коч „Экспедицион", в устье Оби, сделав по пути зимовку в устье реки Кары; составил при этом описание и карту побережья полуострова Ямал. Умер в 1764 году.

Скуратов Алексей, лейтенант, спутник Малыгина в его Обском походе, командовал дубель-шлюпкой.

[10] Лаптевы Дмитрий Яковлевич и Харитон Прокопьевич, исследователи Арктики. В 1736—1742 годах Д. Лаптев исследовал путь из Лены до Колымы, а также до реки Анадыря. Харитон Лаптев одновременно исследовал путь из Лены на запад, описав Таймырский полуостров.

[11] Овцын Дмитрий Леонтьевич, одна из интереснейших и характернейших фигур второй Камчатской экспедиции. Ваксель в дальнейшем рассказе ни разу не упоминает его по имени, вероятно, по двум причинам: 1) Овцын был в это время рядовым, разжалованным из офицеров матросом, 2) между ним и Овцыным отмечалась постоянная вражда, доходившая иной раз до серьезных столкновений (см. прим. 52 и 59). Нам известно однако, по рассказу Стеллера, что Беринг отличал Овцына и держал его при себе адъютантом. Стеллер также отзывается о нем с большим уважением. Овцын в 1733 году участвовал в экспедиции по описанию северных берегов России. В 1734—1737 годах после неоднократных неудачных попыток прошел на боте „Обь-Почтальон" из Оби в Енисей. Имел несчастье навлечь на себя гнев начальства за дружеское обращение с политическим ссыльным князем Долгоруковым, за что был разжалован в матросы. Офицерское звание возвращено ему в 1741 году, впоследствии служил во флоте до 1757 года.

[12] Прончищев Василий. В 1735—1736 годах на дубель-шлюпке „Якутск" совершил поход из Лены до Хатанги. Умер 2 сентября 1736 года в этом же плавании.

[13] Полный список участников второй Камчатской экспедиции приведен в приложении к работе А. Соколова „Северная экспедиция 1733—1743 гг." (Зап. Гидрограф. Департ., т. IX, стр. 446).

[14] Миллер Герард-Фридрих (1705—1783), историк, архивист, профессор Академии наук, собиратель материалов по истории и этнографии Сибири. Он объездил все крупнейшие города Сибири и в течение 10 лет (1733—1743) собирал документы из сибирских архивов, ныне уничтоженных, вследствие чего его собрание (так называемые Миллеровские портфели) представляет громадную научную ценность. Подробную его биографию см. у Пекарского „История Академии наук", т. I; см. также—Андреев А. И. „Труды Г. Ф. Миллера о Сибири" в издании русского перевода „Истории Сибири" Г. Ф. Миллера, 1937 г., т. I, стр. 59 - 144.

[15] Гмелин Иоганн-Георг (1709—1755), путешественник, натуралист, академик, объездил за 1733—1743 годы Сибирь, собирая повсюду сведения о ее природе и населении. Издал „Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743". („Путешествие по Сибири в 1733—1743 гг."), 4 тома, Геттинген, 1751—1752, и „Flora Sibirica" („Сибирская флора"), 4 тома, СПб., 1747—1749.

[16] Людовик Делиль Делакройер, брат известного астронома и географа Иосифа-Николая Делиля, профессора Петербургской Академии наук. Он участвовал в плавании судна „Св. Павел" и умер от цынги в 1741 году в Петропавловске в момент высадки по возвращении судна.

[17] Фишер Иоганн-Эбергард (1697—1771), историк, академик. В состав Камчатской экспедиции вступил только в 1739 году, когда был послан Академией на смену Миллеру; принимал участие в собирании материалов по истории Сибири. См. Пекарский. „История Академии наук", т. I., стр. 617—636.

[18] Стеллер Георг Вильгельм (1709—1746), талантливейший ученый-натуралист с подлинным темпераментом и страстью пионера-исследователя. В Россию он приехал в 1734 году, служил врачом, в 1737 году отправился в Камчатскую экспедицию, в Петропавловск прибыл по приглашению Беринга лишь в 1741 году. По его собственному основательному замечанию, Беринг пригласил его в состав экспедиции для выполнения инструкции, предписывавшей ему иметь „рудознатцев" для разыскания драгоценных минералов. Такое отношение к Стеллеру, усугубляемое его независимым, деятельным характером, некоторой свойственной ему желчностью и настойчивостью, сказалось в дальнейшем: пребывание его на судне „Св. Петр", в сущности,—один непрерывный конфликт с командованием. Впрочем, о Беринге Стеллер отзывается тепло и с уважением, зато нескрываемо враждебно относится к Вакселю и Хитрово, доходя в этой вражде до курьезов. Научными результатами своими экспедиция к берегам Америки обязана в первую очередь Стеллеру: собранные им за время короткой стоянки в Америке, а также за время зимовки на острове Беринга материалы имеют неоценимое значение. Описание морской коровы— единственное в литературе. Этот вымерший вид назван его именем (Rhytina borealis Stelleri). Его именем названа также гора на острове Беринга. По возвращении из экспедиции Стеллер уже самостоятельно проделал ряд путешествий по Камчатке, в большинстве случаев совершенно один. В 1744 году он выехал в Охотск, а оттуда обратно в Россию. Будучи в Соликамске, он вы-

садил в грунт коллекцию живых растений, собранных за время экспедиции. Умер он на обратном пути из Соликамска в Иркутск, куда по распоряжению Сената, его вызывали для допроса о самовольном освобождении из заключения камчадалов, обвинявшихся в участии в бунте.

Главнейшие изданные сочинения Стеллера: „De bestiis marinis" („О морских животных"). Novi Commentarii Academiae Scientiarum Jmp. Petropolitanae, v. 2, 1749 (1751).

„Tagebuch seiner Reise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von Amerika und seiner Begebenheiten auf der Rückreise" („Дневник путешествия из Петропавловской гавани к западным берегам Америки и приключений на обратном пути"). Neue Nordische Beiträge, т. V, СПб., 1793.

„Topographische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel" („Топографическое и физическое описание острова Беринга"). Neue Nordische Beyträge. т. II, 1781.

„Beschreibung von dem Lande Kamtschatka" („Описание земли Камчатки"), Франкфурт, 1774. Кроме того, имеется ряд неизданных трудов.

19 Неточно. Миллер и Гмелин вернулись в Петербург 15 февраля 1743 года (Samml. Russ. Geschichte, III, 268).

20 Значительная роль в качестве инициатора исследования северной части Тихого океана принадлежит знаменитому ученому Лейбницу, с которым Петр поддерживал отношения на протяжении многих лет (см. Л. С. Б е р г, Открытие Камчатки, Л., 1935, стр. 57—60). Независимо от этого, Петр, несомненно, отдавал себе ясный отчет в громадном значении закрепления за Россией территории на восточном побережье Тихого океана и установления связи с Японией. Объяснение Вакселем цели экспедиции находится в полном соответствии с официальной версией о чисто научном, „для куриозите", ее назначении. На самом деле ее задача—выяснение вопроса о возможности присоединения американских территорий (см. прим. 6).

Приводимый Вакселем рассказ о просьбе французской Академии Петру I—пропустить через территорию России экспедицию этой академии—нигде в литературе подтверждения не встречает. Достоверность его поэтому сомнительна.

21 Первая экспедиция Беринга отправилась из Петербурга 5 февраля 1725 года. Из Охотска Беринг отправился летом 1727 года в Большерецк на западном берегу Камчатки, не решившись ее обогнуть. Экспедиционные запасы в течение зимы 1727—1728 годов были перевезены на собаках в Нижне-камчатск. 13 июля 1728 года Беринг отправился в „вояж" на построенном в Нижне-камчатске боте „Св. Гавриил", 15 августа достиг 67°18′ северной широты и повернул обратно, установив, что между Азией и Америкой расположен пролив (впоследствии названный его именем). В 1730 году Беринг вернулся в Петербург.

22 Одна немецкая (голландская) миля равна 7,42 километра.

23 Попытки найти Северо-восточный проход восходят к XVI веку. В 1553 году англичанин Виллогби, в 1556 году англичанин Стефен Бурро, в 1580 году англичане Пэт и Джаксон, в 1594—1596 годах голландцы в лице Баренца и Гемскерка делали неудачные попытки пройти вдоль побережья Азии на восток. В XVII веке известны экспедиции: 1608 года—Гудзона, 1611 года—Гурдона и 1676 года—Фраусс и Вуда (английские), 1612 года—Гоорна, 1625 года—Босмана, 1664 года—Влaминга (голландские)—также

неудачные. Наряду с этим выделяются блестящими подвигами походы русских моряков, завершившиеся славной серией плаваний второй Камчатской экспедиции, в значении которых Ваксель, повидимому, не отдает себе отчета.

[24] Мнение о наличии обширных пространств чистой воды севернее 80-го градуса разделялось, между прочим, и М. В. Ломоносовым, который на этом предположении построил проект экспедиции, представленный им в 1763 году цесаревичу Павлу. Экспедиция эта была отправлена в 1765—1766 годах под командой В. Я. Чичагова, но окончилась неудачей, так как предположение о наличии открытой воды к северу от Шпицбергена не оправдалось (см. А. П. Соколов. Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова, изд. Гидрографического Департамента, СПб., 1854).

[25] Пенжинским заливом или морем Ваксель, в соответствии с принятыми в то время картами, называет повсюду Охотское море в целом. В настоящее время Пенжинской губой называют только северо-западную часть этого моря.

[26] В начале шестой главы Ваксель указывает норму на человека — шесть пудов, а не пять. В остальных источниках повсюду упоминается пятипудовая норма для вьюка.

[27] Представление Вакселя об икрометании совершенно ошибочно. Как известно, миграция лососевых вверх по рекам как раз имеет целью икрометание в верховьях рек, где взрослые рыбы и погибают. Выведенные мальки впоследствии спускаются вниз по течению в море.

[28] Вот как описывает С. П. Крашенинников это своеобразное судно: „По Быстрой реке... березник столь толст, что г. капитан Шпанберг построил из оного немалое морское судно, называемое Березовкою или Большерецком.., Спущенная на воду Березовка так глубоко в воде стояла, как бы совсем нагруженная, причиною тому может быть мокрота, от которой она по свойству березового леса, больше смольных дерев воды пожирающего, наботело... В ходу была лехче всех других судов, кроме брегантина Михайла, которой почитался за лучшее судно. Подбираться под ветер едва мог и брегантин столь, круто, как Березовка, а, другие не имели в том и сравнения, что нам неоднократно случалось видеть“ (Крашенинников, Описание земли Камчатки, т. I, стр. 159).

[29] Беринг в своем докладе Кабинету 17 апреля 1741 года описывает встречу Шпанберга и Вальтона с японцами в следующих выражениях („Красный Архив“, т. 73, 1935, стр. 197—198):

„18 числа (июня 1740 г.)... на берегу видел четыре великие деревни строения каменного, кругом того жилья усеяно хлебом, места по тем берегам каменистые и на тех камнях растет великой лес, а какой, того признать было невозможно...

(22 числа) ..приезжали к нему, Шпанберху, на лотках с тех японских берегов рыболовы, ис которых многие были на судах его, Шпанберховых и привозили рыбу камбалу и протчие большие и малые рыбы, и оных подчивал он, Шпанберх, вином и, желая, чтоб больше приезжало японцов, того для разцветил судно свое флагами и гюйсами. Тогда уже приехали з берегу на лотках к нему Шпанберху многие японские жители и привезли пшено сорочинское, огурцы соленые и редис большой и

табак листовой и протчей овощь и вещи, у которых он брал, в чем им была нужда, и за то дарил их и принимал со всякой дружеской лаской, которое ево угощение и подарки принимали они со всякой учтивостью, и кто что примет, то все прижимали своими руками к грудям...

А лейтенант Вальтон рапортом объявил... 19 числа (июня 1740 г.) звали ево Вальтона на берег, чего ради послал он ялбот и на нем штюрмана Казимерова с квартермейстером и 6 человеками солдат для привозу воды... Увидя на ялботе порожние две бочки, взяли они, японцы, и понесли к одному двору и налили полторы бочки водою и принесли возвратно на ялбот, а он, штюрман, между тем временем пришел в тот же дом, где воду наливали, и хозяин того дому встретил ево у дверей изрядно со всякою учтивостью и ввел в свои покои и, посадя, подчивал ево и бывших с ним служителей виноградным вином из фар{ оровой посуды и поставил ему закусок шепталу моченую будто в патаке и редис резаной...

Жители той слободы имеют в домех чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домех с товарами, в которых видел он пестреди бумажные и шелковые..."

30 Описываемые Вакселем японские монеты в конце концов были сданы Шпанбергом через Адмиралтейств-коллегию в Академию наук, о чем сохранился в делах коллегии акт (Ц. М. И. А., ф. 1212, д. № 2, л. 209).

31 Вопрос о подарочных вещах занимал довольно важное место в обсуждении плана экспедиции. На приобретение их была ассигнована крупная сумма — две тысячи рублей. Как видно из рассказа Вакселя и других документов, использовать эти „подарочные вещи" по назначению удалось лишь в ничтожной степени.

32 Шпанберг в своем донесении в Адмиралтейств-коллегию дает следующее описание внешнего вида японцев: „Оные японцы — росту среднего и малого, платье у них много схоже с татарским. Ходят босые, штанов и портков никаких не имеют, с полу-головы по лбу волосы стрижены и подклеены клеем, назади завязываются кустиком, который торчит кверху..." (А. Соколов, Северная экспедиция 1733-1743., Зап. Гидрогр. Деп., т. IX, стр. 352).

33 Составленные Шпанбергом и Вальтоном карты их плаваний хранятся в архиве Гидрографического управления ВМФ: карты Шпанберга под № 2113 и 2117, карта Вальтона под № 2165. Сохранились и судовые журналы: судовые журналы Шпанберга хранятся там же под № 712, 713, 717-26, 730, 1707, журнал Вальтона под № 1708; в рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР имеются карты: „вояжа" Вальтона 1738—1739 годов и копия с подлинной карты „вояжа" Шпанберга 1738—1739 годов (Реестр ландкартам, изд. 1748 г., портфель 46, стр. 70—71).

Карта Шпанберга опубликована в статье Э. Егермана „Путь до Япон" (Записки по гидрографии XXXVIII, в. 3, 1914 г.).

34 Софрон Хитров, или Хитрого, как он себя очень часто называет. У Вакселя повсюду — Хитрово, а так как он был одним из близких его друзей, то, вероятно, такое начертание его фамилии точнее. Во флоте служил с 1723 года. По окончании экспедиции „за претерпение многих и неслыханных нужд" произведен в капитаны второго ранга, а в 1753 году — в контр-адмиралы.

Отрицательные отзывы и постоянные резкие выпады Стеллера против Хитрова — результат крайне враждебных их личных отношений. Оценка

Стеллера в данном случае не всегда поэтому отличается должной объективностью. Это бросилось в глаза уже Палласу (см. Neue Nordische Beytrage“ B. V, S. 190, примеч.).

35 Елагин Иван, поступил на службу штурманским учеником в 1726 году, в 1733 году произведен в штурманы и послан в Камчатскую экспедицию. Участвовал в походе Чирикова на боте „Св. Павел“, командовал им во время болезни Чирикова. По возвращении, в 1743 году произведен в лейтенанты, а в 1751 году — в капитан-лейтенанты. В 1762 году назначен командиром Рижского порта. Умер в 1766 году.

Карта Петропавловской гавани, помещенная на стр. 48—49, составлена Елагиным, посланным Берингом на разведку Авачинской бухты.

36 Описание восстания камчадалов в 1741 году у Вакселя, кажется, единственный существующий связный рассказ об этом событии. В доношении Сибирского приказа в Сенат от 8 февраля 1742 года оно описывается так: „Ясашные камчадалы, живущие на реках, впадающих в Пенжинское море, Утколоки до Подкагирной забунтовали и двенадцать человек убили до смерти, и в других ... острогах изменяют же, тако ж и на Тигиле русские люди сидят в осаде, а утколоцкие ... бунтовщики жен своих и детей и холопей отослали от себя к морю на устье Утколоки реки на имеющееся там крепкое место по край моря. Отпрядыш камень. И по тем ... известиям обще он капитан-командор с капитаном же Чириковым и с протчими экспедичными обер-офицерами определили и послали для взятья тех бунтовщиков и убийц в Утколоцкий острог экспедичной команды прапорщика Левашева с командою, да для вспоможения отправлены с ним партии командир Петр Борисов со служилыми людьми вооруженными, из которых оной прапорщик Левашев апреля 5 дня того же году на Авачю прибыл и о всем своем в том походе следствии объявил репортом, по которому показано, что с такими изменниками и бунтовщиками поступал и военною рукою, и привез на Авачю к команде экспедичной двадцать пять человек“(Сборник „Колониальная политика на Камчатке и Чукотке в XVIII веке“, изд. Инст. народов Севера. Л., 1935, стр. 81). Непосредственной причиной восстания послужила разорительная для населения повинность по перевозке грузов экспедиции: люди лишались одного из основных источников дохода — зимнего охотничьего промысла и губили ездовых собак. Непривычка отлучаться далеко от становища действительно существовала, о ней говорит и Крашенинников

Необходимо отметить различие точек зрения Вакселя — представителя колонизаторских устремлений царизма — и Стеллера. Последний во время своего пребывания на Камчатке в 1742 1744 годах распорядился освободить от заключения нескольких камчадалов и подвергся за это преследованию со стороны иркутских властей, что, между прочим, послужило косвенной причиной его смерти.

37 „Кошка“ — ременная плетка.

С. П. Крашенинников отмечает поразительную стойкость камчадалов и их презрение к физическим страданиям и смерти:

„Подобно безстрашию жестокосердие их в терпении телесного наказания. Как их ни мучь, более не услышишь как - „ни-ни“, и то от первого удара, а потом как безчувственные молчат, закуся язык, и более того допытаться у них пристрастием не можно, как токмо, что в допросе добровольно сказали“ (Описание земли Камчатки, т. II, стр, 234).

38 Речь идет о дубель-шлюпе „Надежда“.

[39] Карта, представленная Делиль Делакройером, составлена его двоюродным братом Иосифом-Николаем Делилем, профессором Петербургской Академии. Копия ее хранится в рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР под № 615. Фотоснимок этой карты см. на стр. 56—57.

[40] Постановление совещания 4 мая 1741 года, которому приписывается такое неблагоприятное значение для судьбы экспедиции, было, в сущности, предрешено еще в Петербурге. Приводим ниже текст сенатского указа от 21 февраля 1733 года, коим в дополнение к основной инструкции Берингу, предписывается „чтоб в вояж сперва шли по предложению и мнению профессора Делиля“:

„Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из Правителствующего Сената Адмиралтейской колегии. По указу ея императорского величества Правительствующий Сенат, слушав доношения и мнения Адмиралтейской колегии о дополнении в инструкцию отправляющимся в Камчатскую экспедицию, чтоб в вояж сперва шли по предложению и мнению профессора Делила и по их общему разсуждению. И когда самые американские берега тамо найдутся, то на оных побывать и разведать подлинно: какие на них народы, и как то место называют и подлинно ль те места американские, и учиня то и разведав с верным обстоятельством, поставить на карту и потом итти для такого ж разведывания подле тех берегов, сколько время и возможность допустит, по своему рассмотрению, дабы и к камчатским берегам могли по тамошнему климату возвратитца в благополучное время. Быть для представленных во оном доношении резонов по мнению той коллегии. И Адмиралтейской колегии учинить по сему ея императорского величества указу. Февраля 21 дня 1733 г.

Обер-секретарь Иван Кириллов. Секретарь Михайло Володимеров. Регистратор Алексей Остафьев“.

Приводим также текст протокола „консилиума“ 4 мая 1741 года, согласно записи в журнале С. Хитрово (Рукоп. отд. библиотеки Академии наук СССР, шифр: 32. 15. 19):

„1741 года маия 4 дня в собрании комисии капитан камандор Беринг, протчие офицеры и астрономии профессор и штюрман, слушав пунктов, написанных в данной ему капитану-командору Берингу от государственной Адмиралтейской Коллегии инструкции, а именно: девятого, десятого и седмовонадесять пунктов, и написанной в приобщенной при той инструкции копии с указу из Правительствующего Сената шестой пункт, согласно положили: по силе тех пунктов ко взысканию американских берегов иметь от здешней гавани курш сперва зюйд-остен-остен по правому компасу и итить оным румбом, ежели земли не найдем, до сорак шестого градуса северной ширины, а от той ширины иметь курш остен-норден непременно, докамест получим землю. А как землю получим, идучи на зюйд-остен-остен или на остен-норден, то итти подле той земли, как она то простиратца будет от оста к норду и от норда к весту. А ежели будет простиратца меж зюйда и оста, то оставлять оную землю и итить на ост, докамест паки получим землю, и подле земли итить к северу, как выше показано, до шестидесят пятого градуса и докамест с божьею помощью время допустит; и ежели благовременно дойдем до шестьдесят пятаго градуса, то иттить на вест и увидеть Чюкоцкую землю, чтоб известно было, сколько меж Америкою и Чукоцкою землями растояния, и оттуда возвратитца в здешнюю гавань. А ежели вышеписанным положенным румбам будут противные ветры, то держатца как возможно к тем румбам ближе. И ежели з божьею помощью получим землю, то чинить об оной разведование, как в даных инструкциях капитана-командора изобра-

жено. А время пути своего продолжать в таком рассуждении, дабы могли возвратитца и приттить в последних числах сентября месяца в здешнюю гавань.

Подлинная подписана руками тако: — Беринг, Капитан Алексей Чириков, Лейтенант Иван Чихачев, Лейтенант Ваксель, Лейтенант Плаутинов, Людвиг Делил Делакроер, Флота мастер Софрон Хитрово, За флотского мастера Авраам Дементьев, Лейтенант Андрис Эзельберг, Штюрман Иван Елагин".

41 Мысль о том, что, идя правильным путем, „Св. Петр" мог бы за восемь дней достичь берегов Америки, основана на ложном представлении о расположении берегов Америки, создавшемся среди участников экспедиции в результате ее плавания. Ваксель (как, впрочем, и Стеллер) был убежден, что за цепью Алеутских островов непосредственно расположен американский материк. В своем донесении Сенату от 16 ноября 1742 года (см. П. Пекарский, Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного „Rhytina borealis", Записки Академии наук. т. 15, 1869, приложение 1, стр. 17) Стеллер пишет: „притом самими офицерам примечено, что не рассудно так далеко судном зашли, и ежели б здравые советы ими приняты были, в восемь дней получить можно было".

42 Стеллер (Neue Nordische Beiträge, V, стр. 153) утверждает, что он первый увидел землю еще 15 июля и доложил об этом, но что на его заявление командование не обратило внимания. Остров носит в настоящее время название остров Каяк; гора, высочайшая вершина Северной Америки, сохранила название горы св. Илии.

43 Ваксель в этом месте совершенно не упоминает о том, что находки эти совершены были Стеллером; последний подробно описывает свою прогулку по острову: „через полчаса мы (он и казак Фома Лепихин. — *Ред.*) достигли места, покрытого нарезанной травой. Я немедленно убрал траву и нашел под ней прикрытие из камней. Убрав их, мы натолкнулись на слой древесной коры, уложенной прямоугольником, длиной в три сажени, шириной в две сажени, поверх жердей. Жерди покрывали погреб глубиной в две сажени, в котором заключались следующие предметы:

1) Лукошки (изготовленные из древесной коры сосуды) высотой в полтора локтя, наполненные копченой рыбой из породы лососевых, которая водится также на Камчатке и в Охотске и носит по тунгусски название „Нерка" (в издании „Neue Nordische Beitrage" явная опечатка: „стерка": *Ред.*), а на Камчатке обозначается общим наименованием „красной рыбы".

2) Запас „сладкой травы", из которой на Камчатке гонят вино. Она была приготовлена весьма чисто и аккуратно, гораздо лучше, чем приходилось когда-либо видеть на Камчатке. По вкусу она также далеко превосходила камчатскую.

3) Различного сорта травы, наподобие конопли, очищенные от луба. Полагаю, что это—крапива, растущая здесь в изобилии и, возможно, идущая, как и на Камчатке, на изготовление сетей.

4) Сушеная заболонь лиственницы или ели, свернутая в трубку и высушенная. Она не только в Сибири, но и в России до Хлынова и до Вятки в голодные годы идет в пищу.

5) Большие связки ремней из морской капусты; при испытании они оказались необычайно крепкими и прочными. Помимо этого, я нашел еще несколько стрел, по размеру далеко превышавшие стрелы камчадалов и сходные с тунгусскими и татарскими стрелами, очень гладко выс-

труганные и выкрашенные в черный цвет, так что можно по ним заключить о наличии у туземцев железных инструментов".

Хитрово со своей командой вернулся на корабль через час позже Стеллера. Он нашел на острове деревянную постройку и привез оттуда лубяной короб, точильный камень со следами меди, глиняную погремушку, весло и хвост чернобурой лисы.

Горько сетуя на кратковременность пребывания на острове, Стеллер ядовито замечает: „Время, затраченное на исследование, находилось в таком отношении ко времени подготовительных работ: десять лет было затрачено на приготовление к этой великой задаче, а десять часов — на самую работу (Neue Nordische Beiträge, т. V, 1793, стр. 157—171).

44 Приводимое Вакселем обоснование наименования этого места „мысом св. Илии" следует сопоставить со следующим заявлением Стеллера (Neue Nordische Beiträge т. V, стр. 156): „Офицеры (т. е. Ваксель и Хитрово. — *Ред.*) непременно желали нанести на карту „свой" мыс, хотя им ясно было сказано, что остров никак нельзя назвать мысом, а можно назвать таковым лишь *длинную выступающую в море полосу* (подчеркнуто нами. *Ред.*) на побережье, имеющем определенное направление, как это следует из русского наименования „нос", в то время как в данном случае остров мог изображать не что иное, как отрубленную голову или отрезанный нос". Это место рукописи Вакселя позволяет высказать предположение, что Ваксель был знаком с рукописью дневника Стеллера.

45 „Туманный" остров был, согласно журналу Юшина, назван островом св. Стефана. В настоящее время он называется островом Чирикова (хотя капитан Чириков на нем никогда не бывал). Стоянка „Св. Петра" у острова была 2—3 августа.

46 Вопрос о качестве питьевой воды, взятой на одном из Шумагинских островов, поднимается Вакселем не случайно. Стеллер (Neue Nordische Beiträgë, т. V, стр. 182) с возмущением рассказывает об отказе Хитрово брать чистую пресную воду из источника, а не забракованную им солоноватую воду из лужи. Этот абзац рукописи Вакселя опять-таки подтверждает предположение о том, что Ваксель знал труд Стеллера.

47 Вахтенный офицер, имя которого Ваксель тактично обходит молчанием, — Софрон Хитрово, близкий его друг. Подробностей пребывания Хитрово на одном из Шумагинских островов Стеллер не приводит.

48 Точное заглавие книги, на которую ссылается Ваксель, таково: De Lahontan (в других изданиях: de la Hontan), baron, Nouveaux voyages dans l'Amerique septentrionale. Mémoires de l'Amerique septentrionale ou la suite des voyages, avec un petit dictionnaire de la langue du pais); первое издание; La Haye, 1703, 8°; 2-е издание, там же 1704, одно из следующих изданий Амстердам, 1728, 8° (тоже 2-е изд.) Возможно, что Ваксель пользовался английским переводом, вышедшим в Лондоне в 1703 году, или немецким переводом, изданным в Гамбурге в 1709 году.

Достоверность приводимого Вакселем известия о том, что при помощи приложенного к этой книге словаря он объяснялся с американцами, оспаривается Миллером (Sammlung russischer Geschichte, Bd. III, S. 220) в следующих выражениях (в переводе с немецкого):

„Хотел бы сообщить еще следующее: некто (имеется в виду именно Ваксель. — *Ред.*) утверждает, что сумел до известной степени изъясняться

с этим народом при помощи указателя слов, приложенного к описанию Америки La Hontan'a. Ибо, когда он по этому словарю произносил наименования предметов: вода, лес, то эти люди указывали в том направлении, где находились подобные предметы. Однако мне сдается, что это могло произойти и случайно, или же те телодвижения, которые говорящий производил, произнося эти слова, могли содействовать их пониманию. Ибо La Hontan отнюдь не принадлежит к числу добросовестных путешественников, заслуживающих доверия. И если бы даже он был таков, то расстояние между этими странами слишком велико, чтобы можно было допустить наличие в них одного и того же языка: не говоря уже о том, что европейцу, а в особенности французу, едва ли может удастся так схватить звук и записать слово, чтобы оно было понятно другому народу, имеющему хотя бы почти такой же язык".

Отметим, с другой стороны, что, по сообщению Стеллера, он при появлении туземцев кричал им „ничи", что по словарю Лагонтана означает воду (Neue Nordische Beiträge, V, стр. 64). По справке Гольдера (Bering's voyages, т. II, стр. 91), вода у альгонкинов действительно обозначается словами „нибп" или „нипи", так что сообщение Вакселя не лишено известной вероятности. Описание этой же первой встречи с жителями Америки дано также в журнале Софрона Хитрово (Рукоп. отдел. библ. Акад. наук, 32. 15. 19):

„...спущено было от него лейтенанта несколько служителей з бота на берег, между которыми был и талмач, а самому ему было вытить на берег невозможно, понеже пристать к берегу боту для великого ветра и подводных каменьев был опасен, а стоял близь острова на якоре. Оные американцы водили толмача нашего в свой стан и дали ему китоваго жиру, и как он толмач принял от них, намерен был итить на бот. Тогда те американцы, которых было 9 человек, ево держали и не пускали на бот. По тому можно видеть, что оне ево признали от народа нашего отменнаго, а себе подобного, ибо он был камчатской природы. Тогда де-то для свободы толмача приказал салдатам выпалить на ветер из нескольких ружей, и как выполнено было, тогда все они упали на земь, а между тем, освободясь от них, возвратился на бот. А как де я намерен ехать к пакет боту, тогда де все они бросились против бота и, взяв фалень, тянули бот на берег, чего де ради он принужден, опасаясь каменья, приказал обрубить якорь и обрезать фалень и возвратитца к пакетботу. А каким подобием в сей бухте лежат острова и какой вид имеют американцы и их из нерпичей к жи байдары, явствует нарисованное при сем".

В журнале Хитрово помещена только карта Шумагинских островов, изображенная на снимке. «Американец в нерпичей кожаной лотке», на карте Вакселя (см. стр. 128—129), составляет копию рисунка Хитрово. Это видно из изображения под таким же заголовком, помещенного на карте Хитрово—Вакселя 1744 года, хранящейся в архиве Гидрографического управления РКВМФ № 1940. См. также указание, буквально в тех же выражениях в «репорте» Вакселя, стр. 143.

49 Это почти единственное упоминание в литературе о раскраске лиц в синий цвет. Стеллер в соответствующем месте своего описания о раскраске лиц умалчивает.

50 Проф. Л. С. Берг („Открытие Камчатки и экспедиции Беринга", 1935, стр. 270) ошибочно приписывает Вакселю утверждение, будто шляпы алеутов „имели около 1,5 метра в длину". Соответствующее место рукописи Вакселя гласит (стр. 90): „Sie machten uns Presenten von zwey ihre Mützen, ein Stock von ungefehr fünf fuss in der längte, und an den dün-

nesten Ende mit unterschiedliche federn von allerley Gattungen“. Видимо, проф. Берг прочитал вместо слова Stock (речь идет о „калюмете“) —Stück (штука). Указание длины в пять футов относится, конечно, к калюмету, а не к шляпе. О калюмете см. в указанной книге Л. С. Берга, стр. 251 - 252.

51 Всего умерло от цынги за время плавания до 5 ноября включительно, то есть до момента высадки на острове Беринга, двенадцать человек из числа команды в семьдесят шесть человек (см. список, приложенный к донесению Вакселя, стр. 152).

52 Ваксель, очень глухо упоминая о затруднительности определения позиции и т. п., не указал, что основной вопрос, стоявший перед руководством экспедиции в этот момент, был: остров ли эта земля или материк. Стеллер описывает весьма драматически (Neue Nordische Beiträge, V, стр. 221—225), как Ваксель и Хитрово предсказывали с математической точностью появление в виду земли: „ко всеобщему нашему изумлению в 9 часов показалась земля. Трудно описать, как велика и бурна была радость наша при этом виде. Полумертвые выползли наверх, чтобы взглянуть на землю“ и т. д... „Достали силуэт Авачи и стали сравнивать, находя, что вид вполне совпадает...“ От этой мысли пришлось, однако, вскоре отказаться, так как по обсервации определилась широта судна 55—56° северной широты, т. е. значительно севернее Авачинской бухты. Далее Стеллер описывает драматическую сцену между Хитрово и Д. Овцыном. „Хитрово ручался головой, что эта земля — Камчатка, немногих сомневавшихся убедили льстивыми или жесткими словами подписать протокол против воли. Затем капитан-командор приказал своему адъютанту, разжалованному из офицеров матросу Овцыну, изложить свое мнение. Когда же тот присоединился к мнению капитана-командора, то от обоих офицеров (Вакселя и Хитрово) услышал: „Вон“ с прибавлением непечатных выражений, так что ему пришлось удалиться с совещания“. Стеллер сам дипломатически уклонился от выражения своего мнения на этом, решившем судьбу судна, совещании. Итог совещания был: высадиться в бухте и искать там подвод в Нижне-камчатский острог.

Стеллер передает еще свою беседу с Вакселем уже по возвращении из рекогносцировки по острову. Указав на подозрительную доверчивость животных, видимо, незнакомых вовсе с человеком, он выразил сомнение в том, что этот берег Камчатка. „Что же это может быть? — ответил Ваксель: — скоро пошлем за подводами, а судно отведем при помощи казаков в устье Камчатки“ и т. д. См. также „репорт“ Вакселя от 15 ноября 1742 года, в котором Ваксель прямо признает, что остров Беринга был принят ими за материк (см. стр. 144 настоящего издания).

Таким образом, несомненно, в момент высадки Ваксель был убежден, что судно достигло Камчатки. Ссылка на „неправильную карту“, на которую он сваливает всю ответственность, здесь, пожалуй, совсем неуместна.

53 Стеллер (Neue Nordische Beiträge, V, стр. 228—234) дает чрезвычайно картинное и живое описание высадки на остров и первых шагов по устройству землянок („могилок“, как он их называет).

54 За первые две недели (по 22 ноября включительно) умерло еще одиннадцать человек.

55 Ваксель, несомненно, имеет в виду опять Софрона Хитрово, старшего после него по чину.

[56] С 22 ноября по 8 января умерло еще восемь человек. Всего, таким образом, погибло от цынги тридцать один человек; в живых осталось сорок пять человек.

[57] Лоренц (Лаврентий Ксаверьевич) Ваксель, сын Свена Вакселя, двенадцатилетним мальчиком проделал все путешествие в отряде Беринга. Благополучно вернулся в Петербург в 1749 году, поступил во флот, дослужился к 1779 году до чина „капитана генерал-майорского ранга" и умер в 1781 году, будучи главным командиром Архангельского порта.

[58] О тщательности научной работы Стеллера можно судить хотя бы по тому, что составленный им на острове Беринга и посланный в Академию наук каталог растений этого острова содержит двести восемнадцать наименований, из которых большинство подтверждено последующими исследователями, а несколько видов, установленных Стеллером, впоследствии обнаружить не удалось (см. Golder, Bering's Voyages, Нью-Йорк, 1925, т. II, стр. 179, прим. 425).

[59] Приводим ниже документы, относящиеся к этому чрезвычайно любопытному эпизоду зимовки экспедиции и отлично характеризующие рассудительного, обходительного Вакселя и импульсивного, горячего Д. Л. Овцына. Документы эти — протокол осмотра „Св. Петра" от 18 января 1742 года, подписанный 21 января всей командой, за исключением Овцына, „предложение" Овцына от 27 января 1742 года и протокол собрания команды от 29 января; они помещены в рукописном журнале плавания „Св. Петра", составленном Софроном Хитрово и хранящемся в рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР (шифр: 32. 15. 19), л. 120 об.

1742 году генваря 18 дня. Лейтенант Ваксель и мастер Хитрово и все ундер-офицеры и служители пакетбота „Св. Петр" упоминаемого числа, что впредь к походу нашему годен ли свидетельствовали, а по свидетельству оной пакетбот в нижеследующем состоянии обстоит:

1. Понеже оной видно, что весьма от нижних бортов и киль, також фор и ахтар штевни повреждены, да и руль у оного отбило и унесло волнением.

2. Якарей впредком к походу ни однаго не имеетца и впредь сыскать оные безнадежно.

3. Такелаж на оном, как ванты, так канаты и другое весьма ж безнадежен, понеже весма рвется и во многих местах перетерт.

4. Да и снять оной пакетбот с нынешняго места никак нечаятельно, понеже и ныне оной пакетбот уже много замыло песком.

5. Ниже ваторлинии левую сторону проломало насквозь.

Того ради к походу впредь ево удостоить никак невозможно.

Подлинное свидетельство подписано тако: Лейтенант Свен Ваксель, Мастер Сафрон Хитрово, потом все ундер офицеры и служители пакетбота „Св. Петра", кроме матроза Дмитрея Овцына.

С предложением от матроза Дмитрия Овцына точная копия.

Благородному господину лейтен[ан]ту Вакселю

Предложение

Приказом вашего благородия сего генваря 21 дня велено всем служителем того ж месяца 22 дня быть в собрании для подписки в свидетельстве пакетбота „Св. Петра", что впредь к походу нашему помяну-

той годен ли, при котором собрании к той подписке объявлены нижеследующие резоны.

Первое—оной пакетбот видно, что весма от нижних бортов и киль, також фор и ахтар штевни повреждены да и руль у онаго отбило, а внутри осмотреть за великою в нем водою никак невозможно.

Второе — якарей впредь к походу ни однаго не имеетца, и оных сыскать безнадежно.

Третье — такелаж на оном, как ванты, так и протчее и канаты весма ж безнадежны, понеже весма рвется и во многих местах перетерт.

Четвертое, — да и снять оной пакетбот с нынешнего места никак не чаятельно, понеже и ныне уже оной много замыло песком.

Пятое, — ниже ваторлинии левую сторону проломило насквозь.

Того-де ради к походу впредь ево удостоить никак невозможно.

На которою вашему благородию доношу.

На первое Повреждения фор и ахтар штевней и нижеупоминаемые такова, чтобы исправить починкою невозможно, не видал, а хотя у форштевня и отломило фал ш доски, и то мало препятствует, и исправить оное можно. И от нижних бортов и килю есть ли повреждение, того осмотреть ныне за закрытием льда и снегу невозможно. А руль не безвозможно ж зделать другой, к чему и лесу сыскать, надеюсь, возможно.

На второе. Якари, которые у нас близ здешняго берегу утрачены, оных еще не искали, и чаятельно, что сыскать в благополучные летние дни некоторые небезнадежно; а хотя сверх чаяния оные и сысканы не будут, то во время весны чаятельно, что не столь сильные бывают ветры, как осенью. К тому ж можно, изобрав время благополучное, вытенутца, как освободитца судно с мели, на дрегах и для исправления непродолжательно стоять на оных.

На третье. Такелаж исправить, которой поврежден, можно, а чего не можно, то есть некоторой и запасной; а канатов, хотя б и якари от четырех утраченных найдено было два, то будет доволное число.

На четвертое. О съеме с мели онаго пакетбота в нынешнее зимнее время узнать за прикрытием снегу и лда невозможно; и ежели снять с ме и ево возможно будет, то во исправлении онаго к походу к беспрепятствию уповаемо в помощь нам всемогущаго бога.

На пятое. Ниже ваторлинии левую сторону онаго пакетбота насквозь проломилось — того не видно, да хотя оной и проломило, то исправить можно.

И того ради, имея я вышеупомянаемое мое мнение, в том собрании я о свидетельстве в негодность того судна и не подписался.

Подлинное подписано тако: Матроз Дмитрей Овцын.

1742 году генваря 27 дня.

1742 году генваря 29 дня было собрание, в котором был лейтенант Ваксель, флоцкой мастер Хитрово и все как ундер афицера, так и редовые служители пакетбота „Св. Петра", в котором собрании читано было предложение, поданное к лейтенанту Вакселю генваря 27 дня сего ж году от матроза Дмитрея Овцына, в котором было написано, что он, Овцын, имеет надежду о пакетботе „Св. Петра", что оной снять с мели возможно, также и поврежденное в нем, а именно: форштевен, которой отломило, и все протчие худости починивать можно, также и руль новой зделать и лесу сыскать на [здешнем?] острову, и якари подорванные в море близь здешнего берега надеетца сыскать возможно ж. Которое ево, Овцына, предложение и написанные в нем ево резоны как лейтенант Ваксель, так флоцкой мастер Хитров и все ундер афицеры и редовые за действительно не приняли по оному, понеже оной пакетбот всею

командою генваря 18 дня о годности его впредь к походу на море свидетельствовали и за показанными в том свидетельстве худостями того пакетбота впредь к годности на моря не удостоили, о чем явствует в том свидетельстве за подпискаю всей каманды пакетбота „Св. Петра“. К тому ж за подлинное приемлется: хотя оной пакетбот был и без всякого повреждения, то в таком безлесном месте и не имев ни однаго якаря и малолюдства ради людей с того места, на катором он стоит на мели, снять никакими мерами невозможно. Того ради положили все согласно, кроме онаго матроза Овцына: чтоб в марте месеце оной пакетбот ломать и зделать из оного какое-нибудь хотя малое судно для получения своего камчатцкаго берега; а между тем временем, выбрав доброй случай, оной пакетбот положили еще всею командой, вылив из него воду, ежели будет возможно, в годности ево вторично освидетельствовать.

Подлинное рассуждение подписано тако: Лейтенант Свен Ваксель. Мастер Сафрон Хи[трово], потом все ундер афицеры и служители команды пакетбота „Св. Петра“, кроме матроза Овцына.

60 Морская корова (Rhytina borealis Stelleri) вымершая ныне порода морских животных; последний ее экземпляр убит в 1786 году. Детальное их описание (см. De bestiis marinis, прим. 18 наст. изд.) является громадной научной заслугой Стеллера. Описание Вакселя вполне совпадает с данными, приводимыми Стеллером. Необходимо отметить, что Стеллер ошибочно принял морскую корову за Manates. Эта, действительно родственная морским коровам, порода животных водится в южных широтах Тихого океана (описана Дампьером), но представляет особый вид.

61 Трагический эпизод гибели пятнадцати человек команды „Св. Павла“ (у Вакселя ошибочно семнадцать), в результате которого судно лишилось возможности производить какие бы то ни было наблюдения на берегу за отсутствием шлюпок, остается невыясненным до конца.

Первая лодка, отправленная с „Св. Павла“ для обследования берега, шла под командованием штурмана А. М. Дементьева, команда его состояла из десяти человек. На второй лодке были посланы: боцман Сидор Савельев, матрос Сидор Фадеев, плотник Наряжев-Полковников и конопатчик Горин. Все пятнадцать человек погибли, и никаких сведений о судьбе их нет. Гольдер (т. I, стр. 311) цитирует следующее сообщение американского исследователя Андрьюса (A n d r e w s, The story of Sitka, 1922):

„У племени Ситка имеется глухое предание о людях, выброшенных на берег много лет тому назад. Говорят, что их вождь Аннахуц, предок вождя того же имени, ставшего преданным сторонником белых в городе Ситке в 1878 году, — играл ведущую роль в этой трагедии. Аннахуц оделся в медвежью шкуру и вышел на берег. Он с такой точностью изображал переваливающуюся походку зверя, что русские, увлекшись охотой на него и преследованием, углубились в лес, где туземные воины перебили их всех до единого, не оставив ни одного, кто бы мог рассказать об этом происшествии“. Достоверность этого предания и касательство его именно к экспедиции Чирикова, конечно, остаются под большим сомнением.

62 „Репорт“ Свена Вакселя от 15 ноября 1742 года сохранился в подлиннике. Текст его приводится в приложении к настоящей книге, стр. 138).

63 Роль православной церкви, как проводника русской политики, ясно вытекает из инструкции, данной Берингу при отправлении экспедиции (см. прим. 6). Очень ярко выразил ее сам Ваксель на стр. 118, где он

указывает, что „языческая" религия приводила камчадалов к бунту и кровопролитию, а православная — должна привести к покорности государыне-матушке.

64 Ваксель придерживается господствовавшей в то время, разделявшейся, между прочим, и Стеллером, теории о влиянии внутренней теплоты земного шара на произрастание растений. Стеллер высказывает ее неоднократно в своих сочинениях.

65 Это, на первый взгляд, совершенно фантастическое сообщение, видимо, вполне соответствует действительности. Вот что пишет такой серьезный наблюдатель, как С. П. Крашенинников: „Корка (березы) в большом употреблении, ибо жители, оскобля у сырого дерева корку, рубят оную топориками, как лапшу, мелко и едят с сушеною икрою с таким удовольствием, что в зимнее время не минует камчатского острожка, в котором бы бабы не сидели около березового сырого кряжа и не крошили объявленной лапши каменными или костяными топориками своими". (С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, ч. I, стр. 191; см. также у Стеллера, прим. 43 наст. изд.).

66 Вот как описывает Стеллер (Neue Nordische Beiträge II, стр. 287) охоту на морского бобра по льду: „Нет зрелища страшнее, чем привал или ледоход, во время которого производится охота на морского бобра на приносимых с моря льдинах; зверя при этом бьют дубинами. Обычно при этом бывает такая буря и пурга, что едва возможно удержаться на ногах, и все же охотники не опасаются выходить на промысел даже по ночам. Они безрассудно бегут по льду, даже уже по пловучим льдинам, так бросаемым волною, что иной раз они как будто вздымаются в гору, а иной раз точно падают в бездну. У каждого охотника в руках — нож и шест, а на ногах — лыжи, подбитые костяными крючками или зазубринами, чтобы не скользить по льду и не упасть с нагромождающихся льдин. Шкуры приходится сдирать тут же на льду, и на это курильцы и камчадалы такие мастера, что за час успевают содрать до 30-40 шкур. Если счастье им улыбается, они доставляют всю добычу на берег. Иногда, однако, когда лед совсем относит от берега, им приходится бросать все, спасая собственную жизнь. Они спасаются тогда вплавь, привязывая себя веревкой к собаке, которая вплавь подтягивает их к берегу".

67 С. П. Крашенинников дает о сладкой траве следующие сведения (т. I. стр. 197): „Сей травы по всей Камчатке весьма довольно. Камчадалки приготовляют оную следующим образом: нарезав стеблей, на которых коренные листья содержатся . . . оскабливают кожу с них раковиной и вешают на солнце сперва по одному, потом связывают их в маленькие, так называемые куклы по десяти стеблей, а из десяти до 15 кукол состоит тамошняя пластина. Когда трава провянет, тогда кладут оную в травяные мешки, в которых она по несколько дней сахарится, то есть сладкою пылью осыпается, которая выступает может быть изнутри ее. Сия пыль или травяной сахар по вкусу солотковат и несколько противен, а стрясается его с пуда сушеной травы не более четверти фунта.

При заготовлении объявленной травы женщины надевают перчатки ибо сок ее столь ядовит, что тело от него безмерно пухнет, чего ради как русские, так и камчадалы, которые весной едят сладкую траву сырую, кусают ее, к губам не прижимая. Мне самому случилось видеть, коим образом страдал от того некоторой приежжей, который, смотря на дру-

тих, ел сладкую траву сырую, не употребляя никакой осторожности, слупая кожу с нее зубами, ибо у него не токмо губы, но и борода и нос и щеки, до которых он сочною травою касался, тотчас опухли и спрыщивели; и хотя пузырье прорвалось скоро, но струпье и опухоль не сошла более недели".

68 С. П. Крашенинников описывает вход в камчадальские юрты в таких выражениях: „Входят в юрты по лестницам стремянкам, под которыми обыкновенно очаг бывает, и для того во время топления юрты непривычному трудно входить и выходить из юрты: ибо и лестница так горяча бывает, что ухватиться нельзя, и проходя сквозь дым, должно переводить дух, чтоб не задохнуться" (Описание земли Камчатки, ч. II, стр. 27).

69 Гибель камчадальских племен — неизбежное следствие всей колониальной политики царского правительства. Точных цифр о численности ительменов в XVIII веке не имеется. Однако, на основании описанных Стеллером (Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, стр. 21, 49—50, 79—80, 205, 225—232 и др.) варварских приемов ограбления и избиения целых племен в первую четверть XVIII века, можно судить о быстром вымирании этого народа. Стеллер считает, что за первые сорок лет XVIII века численность камчадалов уменьшилась в четырнадцать-пятнадцать раз. Причина этого, помимо эпидемий, избиений, увода, — обнищание народа из-за хищнического истребления промысловых зверей и рыбы, водка, сифилис — постоянные спутники колонизаторов. Еще в начале XX века (см. книгу Суворова, Командорские острова) численность камчадалов продолжала падать, и только при Советской власти этот народ, как и другие народы Союза, зажил нормальной жизнью.

70 Стеллер (Neue Nordische Beiträge, II, стр. 284) приводит очень яркое описание морского бобра: „Это грациозное и привлекательное животное, повадки его очень забавны и занятны, и притом это очень ласковое и привязчивое животное. Обычно они лежат на берегу семьями: самец со своей самкой, полувзрослыми животными — кошлоками — и совсем еще маленькими сосунками — медведками. Самец ласкает самку, гладит ее передними ластами, как руками, ложится на нее, а она многократно как бы в шутку с показной стыдливостью отталкивает его и забавляется со своими малышами, как самая нежная мать. Любовь их к потомству так велика, что они ради его готовы подвергнуться явной смертельной опасности; лишившись детенышей, они плачут во весь голос, точно маленькие дети, и убиваются до такой степени, что в течение десяти — четырнадцати дней, как мы наблюдали на ряде случаев, становятся худыми, как скелеты, болеют и слабеют и не желают уходить с берега в море. Во время бегства они держат сосунков зубами, а больших детенышей гонят впереди себя. Если им удастся убежать от преследователей, то, достигнув моря, они начинают насмехаться над ними так, что невозможно видеть их ужимки, не испытывая величайшего удовольствия. Они то поднимаются в воде, становясь вертикально, как человек, и танцуют на волнах, а иной раз подносят передние ласты ко лбу и держат перед глазами, как бы всматриваясь в кого-то против солнца, то бросаются на спину и чешут себе передними ластами брюхо, наподобие обезьян, затем кидают детенышей в воду и снова их ловят и так далее".

71 Сочинение Стеллера „Описание острова Беринга" (см. прим. 19)

напечатано было лишь в 1781 году. Не приходится сомневаться в том, что Ваксель знаком был с материалами, собранными Стеллером.

[72] Очень красочное описание песцов и их поведения на острове Беринга находим у Стеллера (Neue Nordische Beiträge, II, стр. 274):

„Из четвероногих сухопутных животных на острове Беринга водится только каменная или полярная лисица (песец). Эта порода занесена туда несомненно пловучими льдами и, питаясь выбрасываемыми морем животными, невероятно размножилась. Я имел случай во время нашего злосчастного пребывания на острове более чем точно изучить повадки этого животного, по дерзости, хитрости и ловкости далеко оставляющего за собой обыкновенную лисицу. Рассказ об их бесчисленных проделках вполне мог бы соперничать с историей Альберта Юлиуса об обезьянах на острове Саксенбурге. Они пробирались днем и ночью в наши жилища и тащили все, что только способны были унести, даже предметы, явно для них бесполезные, как ножи, палки, мешки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они с таким неподражаемым искусством умели сбрасывать с наших провиантских бочек груз в несколько пудов, чтобы достать из них мясо, что вначале мы не решались приписывать им эти подвиги. Часто случалось, что, снимая шкуру с убитого животного, мы попутно закалывали ножом двух-трех других, которые пытались вырвать у нас из рук мясо. Если мы закапывали что-нибудь, хотя бы очень глубоко и наваливали сверху тяжелые камни, то они не только находили зарытое, но, как люди, сдвигали плечами наваленные камни и, ложась под ними, помогали друг другу изо всех сил. Если мы клали что-нибудь на высокий столб, то они подрывали столб так, чтобы он опрокинулся, или же один из песцов, как обезьяна или кошка, взбирался наверх и с невероятной ловкостью и хитростью сбрасывал спрятанный предмет. Они наблюдали за всеми нашими действиями и сопровождали нас повсюду, куда бы мы ни отправились. Выброшенных морем животных они пожирали раньше, чем мог подоспеть кто-нибудь из людей, и этим наносили нам большой ущерб; то, чего они не могли съесть на месте, они утаскивали кусками в горы и прятали от нас, зарывая между камнями; так они сновали вперед и назад, пока оставалось еще что тащить. Другие песцы в течение этого времени стояли на страже и караулили, не приближается ли человек. Увидав издалека, что идет кто-нибудь из людей, они соединялись все вместе толпой и совместными усилиями зарывали добычу в песок и умели так искусно упрятать целого морского бобра, что невозможно было найти даже следов зарытого зверя. В ночное время, если нам случалось ночевать под открытом небом, они стаскивали у нас с головы шапки, а из под нас вытаскивали бобровые одеяла и шкуры. Если мы ложились спать на туши убитых морских бобров, желая охранить их от покушения песцов, они из-под спящего человека выгрызали у животных куски мяса и внутренности. Мы спали всегда с дубинками в руках, чтобы, проснувшись от их возни, отгонять и бить их.

Где бы мы ни сели в дороге, они ждали нас и в нашем присутствии проделывали тысячи разных проказ, становились все нахальнее, и если мы оставались сидеть неподвижно, подходили вплотную и принимались грызть ремни наших новомодных самодельных сапог или же грызли даже сами сапоги. Если мы ложились и притворялись спящими, они обнюхивали наши носы, чтобы определить живы ли мы или мертвы, и если мы задерживали при этом дыхание, то они начинали дергать нас за нос, пытаясь укусить. В день нашего прибытия они успели, за то время, что копались могилы, объесть нашим покойникам носы и пальцы рук и ног, пытались даже напасть на наших слабых и больных, так что еле удалось их отогнать.

Каждое утро эти нахальные животные обходили стада лежащих на берегу сивучей и морских котов, обнюхивая спящих, не найдется ли среди них мертвого зверя. Найдя такого, они немедленно разрывали его на куски, и вся стая принималась таскать мясо. Так как, в частности, сивучи нередко давят во сне своих детенышей, то песцы, как будто зная это, каждое утро проверяют стада сивучей, одно животное за другим, а найдя мертвых детенышей, немедленно утаскивают их прочь".

73 Теория о населении острова Беринга животными путем заноса льдинами, приводимая Стеллером (см. прим. 72), изложена здесь Вакселем в наивной версии, граничащей с курьезом (летающие рыбы в районе Камчатки).

74 Изложение причин цынги у Вакселя вполне совпадает с представлениями того времени (см. о том же у Стеллера.) Истинная причина этой болезни—витаминное голодание—установлена лишь в самое последнее время.

75 Об Ансоне см. прим. 3.

76 Судьба этого предложения такова: Чириков, видимо, не склонен был дать ход просьбе команды и считал оплату по рублю пятидесяти копеек достаточной компенсацией за недополученную провизию. Во всяком случае, до момента отозвания его из Енисейска в Петербург осенью 1745 года, то есть в течение целого года, он этого заявления в Адмиралтейств-коллегию не посылал. Уезжая в Петербург и сдавая дела Вакселю, он, в числе прочих незаконченных дел, передал и это заявление, как подлежащее отправке по назначению. Результатом этого явился „репорт" Вакселя Адмиралтейств-коллегии от 3 октября 1745 года, при котором он посылает копию своего „предложения" Чирикову от 11 октября 1774 года и ходатайствует о разрешении вопроса. Репорт этот рассмотрен в Адмиралтейств-коллегии 26 января 1746 года. Указ о выплате датирован 31 января.

В тексте рукописи Вакселя приведены, в переводе на характерный для него ломаный немецкий язык, текст „предложения" и указа. Подлинный текст „предложения" восстановлен нами по подписанной самим Вакселем и приложенной к его „репорту" копии (Ц. М. И. А., фонд Беринга, д. № 66, лл. 424—426); текст указа приводится нами по черновику, хранящемуся в Ц. М. И. А. (фонд Беринга, д. № 66, лл. 427—428).

Очень любопытна судьба провиантских денег, предназначенных для Стеллера. В Ц. М. И. А. хранится сводка невыплаченных сумм, причитающихся лицам, отсутствовавшим в Енисейске в момент получения указа от 31 января 1746 года (фонд Беринга, д. № 66, л. 492). Против фамилий Стеллера (ему причиталось около двухсот рублей) и Плениснера обозначено в графе „где обретается": „Оных Штеллера и Плениснера в ведомстве адмиралтейском не имеется и, где обретаются, неизвестно". Позднее приписано: „А сего марта 9 дня помянутого адъюнкта Штеллера жена письменно объяснила, что оной умер, о чем сочиняется особая выписка". В том же деле (л. 508) имеется подлинное заявление Бригитты-Елены — по первому мужу Мессершмидт, по второму — Стеллер, по третьему — Фрейзлейбен, — и ее дочери Бригитты-Вильгельмины Мессершмидт от 9 марта 1749 года с просьбой о выплате причитавшихся Стеллеру провиантских денег. К этому заявлению приложена заверенная Академией наук копия завещания Стеллера. Приводим этот документ, как опровергающий известие о скоропостижной смерти Стеллера (см. П е к а р с к и й, История Академии наук, т. I, стр. 607—610):

„Понеже я ныне весьма болен и не чаю живым быть, то прикажу по смерти моей все мои пожитки отдать жене и дочери моей, и сие есть

моя последняя воля. Ноября 7 дня 1746 года. Георг Вильгельм Стеллер".

Как известно, Стеллер скончался 12 ноября 1746 года в Тюмени.

77 В тексте немецкого перевода «предложения» Ваксель добавляет: «и действовали мы по пословице: всяк за себя, один за всех».

78 В тексте немецкого перевода Вакселя добавлено отсутствующее в подлиннике: «и еще рады были (офицеры), что матросы их принимают в свою артель».

79 Расчет Вакселя не только не грешит преувеличением, но скорее преуменьшен. Студент Алексей Горланов, спутник Стеллера, в письме своем к Г. Ф. Миллеру из Большерецка от 30 мая 1742 года пишет между прочим: «ныне здесь обретаюсь и принужден уже покупать муки ржаной пуд по четыре рубли, крупы и мяса пуд по тому-ж, масла по шестнадцати рублев пуд, соли по осми рублев пуд, от чего вошел уже в великия долги; а рыбного корму ныне здесь мало, промыслы рыбные хотя и бывают, но каждому жителю, камчадалы только про них и про себя промышляют, для того, что камчадалы почти завсегда в каюрах (в подводах)» (Гос. публ. библ. в Ленинграде, Бумаги Д. В. Поленова, № 21, л. 20 об.).

80 Ваua (Waua) — маяк на мысе северного берега у входа в Авачинскую губу. От этого маяка обычно исчисляли расстояние до губы. В настоящее время название его — мыс Вертикальный.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ответственный редактор А. И. Андреев. Оформление и художественная редакция Н. З. Копеляна. Технический редактор Ю. А. Таубер. Корректор А. Г. Сасова.

Книга набрана, отпечатана и переплетена в типографии № 2 Леппартиздата. Фототипии и трехцветки отпечатаны в 21-й типографии ОГИЗа имени Ивана Федорова.

Сдано в набор 2 июня 1940 г. Подписано к печати 26 октября 1940 г. Тираж 10000 Бумага $62\times94^{1}/_{16}$. 11 печатн. лист. $5^{1}/_{2}$ бум. лист. + 11 вклеек. 12 уч.-авт. л. 90 000 тип. зн. в бум. л. Инд. П-245. Заказ № 4218. М-28336.

